

ЦЕННОСТИ И БОРЬБА СОЗНАТЕЛЬНОГО ПАТРИОТИЗМА

Александр Сергеевич ЦИПКО

Доктор философских наук, доктор философии хабилитус Польши, главный научный сотрудник Института экономики РАН. Родился 15 августа 1941 г. в Одессе. Окончил философский факультет МГУ в 1968 г. и аспирантуру этого факультета в 1972 г. С 1972 г. по настоящее время работает в Институте экономики РАН (до 1991 г., до распада СССР, — Институт экономики мировой социалистической системы АН СССР). С 1986 по 1990 гг. — консультант Международного отдела ЦК КПСС. С 1990 по 1992 гг. — заместитель директора ИЭМСС АН СССР. С 1992 по 1995 гг. - директор научных программ Горбачев-фонда.

С 1978 по 1980 гг. работал доцентом Института философии и социологии Польской академии наук. Является единственным русским ученым, который защитил диссертацию на звание доктора хабилитус в Польше, в 1980 г. С 1992 по 1993 гг. — приглашенный профессор Университета Хоккайдо в Японии. С 1995 по 1996 гг. — приглашенный профессор Центра Вудро Вильсона в Вашингтоне.

Автор многих книг и статей. Получил мировую известность благодаря своим статьям «Истоки сталинизма», опубликованным в 1988-1989 гг. в журнале «Наука и жизнь», которые положили начало легальной критике марксизма в СССР. Его книги, и, в частности, «Умер ли сталинизм?», опубликованы в США, Германии, Японии.

ФАКУЛЬТЕТ МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ МГУ ИМ. М. В. ЛОМОНОСОВА
ИНСТИТУТ ПРОБЛЕМ МЕЖДУНАРОДНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РАН_
URSS МОСКВА

ББК 66.3(2Рос) УДК 323.1

Проект «Морально-этическое измерение мировой политики» Редакционный совет проекта: академик РАН А. А. Кокошин (председатель), академик РАН Г. В. Осипов, П. П. Скороспелое, академик РАН А. В. Торкунов, канд. полит. наук В. В. Федоров, канд. полит. наук А. А. Чеснаков, академик РАН О. А. Чубарьян, профессор, д-р юрид. наук С. М. Шахрай

Ципко А.С. Ценности и борьба сознательного патриотизма. – М.: Издательство ЛКИ, 2009. — 288 с.

Духовному здоровью современной российской нации угрожают не только смердяковщина, космополитический нигилизм, пораженческие настроения, но и тупое самомнение, плоское самодовольство квасного патриотизма, основанного на «лживых и фальшивых» мифах. Доказательству этого тезиса, сформулированного Николаем Бердяевым еще в 1915 году, посвящена новая книга Александра Ципко. Автор пытается привлечь внимание читателя к ценностям и традициям российского «сознательного патриотизма» (Семен Франк), к умению сочетать любовь к своей Отчизне с мужеством познания и признания исторической правды. Автор книги призывает преодолеть наш традиционный российский дефицит «трезво-критического самопознания» (Иван Ильин). Книга направлена не только против тех, кто полагает, что патриотизм идет от духовной неразвитости, но и против тех, кто считает, что патриотизм и правда несовместимы. Автор

книги пытается доказать, что любовь к России такой, какой она была и какая она есть, не отменяет права отличать добро и зло в российской истории, не отменяет права и необходимости нравственной оценки тех или иных исторических деятелей, не освобождает нас от христианского сострадания к жертвам наших российских «худых Времен».

Книга предназначена для всех, кому небезразлична судьба нашего Отечества.

Рецензент:

д-р юрид. наук С. Е. Заславский

Издательство ЛКИ. 117312, Москва, пр-т **Шестидесятилетия Октября, 9. Формат 60*90/16. Печ. л. 18. Зак. № 3921.**

Отпечатано в ООО ПФ «Полиграф-Книга», 160001, Вологда, ул. Челюскинцев, д. 3.

ISBN 978-5-382-00987-2

НАУЧНАЯ И УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА I 5 I E-mail: UPSS@URSS.ru A, ^.

Каталог изданий в Интернете:

W <http://URSS.ru>

J Тел./факс: 7 (499) 135-42-16 URSS Тел./факс: 7 (499) 135-42-46

¹ Факультет мировой политики МГУ им. М. В. Ломоносова, 2009 А. С Ципко, 2009

Издательство ЛКИ, 2009

6624 ID 84861

785382 009872

Оглавление

Введение..... 7

Глава 1. Правда и вымыслы о русском патриотизме . . 23

1.1. Национальный нигилизм — удел нищих духом..... 24

1.2. Национальное сознание не есть национализм..... 29

1.3. Ложь космополитизма..... 35

1.4. О различии между понятиями

«патриотизм» и «гражданственность» 38

1.5. Русские — самая веротерпимая нация Европы 43

1.6. Патриотизм — духовная опора творчества..... 50

1.7. Особенности русского патриотизма..... 60

Глава 2. От какого наследства мы должны отказаться (О причинах вялости патриотических чувств и государственных настроений в современной России)..... 69

2.1. О русских причинах русских катастроф..... 70

2.2. Социальные и идеологические причины русского «государственного» и «национального» отщепенства..... 85

2.3. О пораженчестве «невыездных»106

2.4. Август 1991 года: революция человека из подполья . . 113

2.5. О патриотах, не любящих Россию.....121

2.6. Капкан «красного патриотизма».

От Карла Маркса к Константину Леонтьеву.....139

3

Оглавление

Глава 3. Еще раз о качественных различиях между патриотизмом духа и патриотизмом почвы.....155

3.1. О западничестве сознательного патриотизма.....156

3.2. Моральное уродство этнического патриотизма 161

3.3. О христианской природе

сознательного патриотизма.....163

3.4. Родина должна быть свободной.....165

3.5. Народ не всегда прав (большевизм

и патриотизм несовместимы)	169
Глава 4. Победы и поражения сознательного патриотизма в эпоху Путина.....	193
4.1. Антикоммунизм Владимира Путина.....	194
4.2. И снова «красный проект»?.....	204
4.3. Еще раз о причинах нашей российской левизны ...	218
4.4. Править, как Сталин, а жить — как Рома Абрамович!.....	224
4.5. Сил хватает только на «манию величия».....	236
4.6. Пустые мифы сталинистов.....	242
4.7. Парадоксы нашей антикоммунистической революции.....	246
4.8. Могла ли сохраниться «русская душа» после уничтожения «русского народа».....	257
Заключение.....	265
Литература	277

Любить свой народ не значит льстить ему или утаивать от него его слабые стороны, но честно и мужественно выговаривать их и неустанно бороться с ними. Национальная гордость не должна вырождаться в тупое самомнение и плоское самодовольство, она не должна внушать народу манию величия. Настоящий патриот учится на политических ошибках своего народа, на недостатках его характера и его культуры, на исторических крушениях и на неудачах его хозяйства. Именно потому, что он любит свою родину, он пристально и ответственно следит за тем, где и в чем народ не находится на надлежащей высоте, он не боится указывать на это, памятуя хорошую народную поговорку: «Велика растет чужая земля своей похвальбой, а наша станет своею хайкой» (от слова «хаять», т. е. порицать. - А. Ц.).

И. А. Ильин. О воспитании национальной элиты [11]

Введение

В России трудно быть патриотом. У нашей Родины особая судьба. Худые времена, времена лишений, страданий, невыносимых мук для миллионов составляют значительную часть нашей национальной истории. И совсем не случайно наши гении называли Россию страной «долготерпения». Уже книжники начала XVII века писали, что Россия является страной «безумного молчания». Наш многонациональный народ жил, строил, защищал российское государство часто на надрыве, на пределе человеческих возможностей.

Мы, несомненно, европейская страна, неотъемлемая часть христианской цивилизации, но так уж получилось, что в нашей истории почему-то находили убежище прежде всего темные, злые стороны европейского духа. Европейские ценности государственничества и гуманизма у нас всегда находились не просто по разные стороны баррикад, но были взаимоисключающими. Наше феодальное крепостничество носило изуверский характер. На самом деле оно было новым изданием древнего рабства. Хотя нигде в истории не было случая, чтобы к своим соплеменникам, своим единоверцам относились как к скоту, как, по словам Радищева, «волам во ярме». «Продается дворовая девка 18 лет и 4-местная карета на рессорах за умеренную плату» [2] — подобного рода объявления можно было найти только в газетах христианской, православной России.

Никто в Европе так не «сорил людьми», так равнодушно не относился к людским потерям во время бесконечных войн, как российские самодержцы. Меньше всего берег российского солдата и человеческие жизни по иронии судьбы все еще популярный в нашем российском народе Сталин. Он посылал сотни тысяч солдат на смерть даже тогда, когда в этом не было

Введение

никакой военной необходимости. Люди у нас часто погибали не во имя победы, а во имя «славных» сталинских побед. Беда наша, кстати, состоит не только в том, что в

нашей истории было много непомерной, бессмысленной жестокости. Практика сознательного умерщвления тела народного во имя его, народа, приуготовления ко Второму пришествию во времена Ивана Грозного, петровский опыт строительства новой столицы на костях крепостных и большевистская практика физического уничтожения враждебных классов тому подтверждением. Беда, наверное, состоит еще и в том, что русские привыкли к этой жестокости властей, до сих пор пытаются найти им оправдание.

Нельзя не знать, не видеть, что наш коммунизм тоже был порождением все той же непомерной гордыни европейского духа, гордыни европейского просвещения. Но по законам нашей мученической судьбы именно нам было предначертано раскрыть миру чудовищный аморализм, садистскую природу революционного социализма, марксистского учения о пролетарской революции, о том, что «насилие является повивальной бабкой истории». Нам пришлось заплатить десятками миллионов загубленных жизней за сомнительное право быть «первопроходцами» социализма.

Большевики со своими «открытиями», со своим «красным», а потом «сталинским» террором, со своей практикой уничтожения заложников, случайно попавшихся под руку людей, во имя «устрашения классового врага», со своей практикой концентрационных лагерей, со своей практикой уничтожения так называемых реакционных классов, духовенства, «казачества», а потом «кулачества», были предтечей зверств Гитлера. Хотя Гитлер был больше европеец, чем Ленин и Сталин. Гитлер как европейский варвар убивал чужих. Вожди большевизма — и Ленин, и Сталин — истребляли прежде всего свой народ, как правило, его наиболее одаренных и талантливых представителей. На самом деле, как становится видно, уже в годы нашей моральной и интеллектуальной разрухи Ленин и Сталин прежде

8

Введение

всего уничтожали будущее народа российского. Слава богу, что им не удалось довести свое дело до завершения.

Но именно потому, что в нашей истории худых времен было больше, чем добрых, потому, что надо было часто любить и сохранять верность России вопреки худому, что было и есть в нашей жизни, наш российский патриотизм был таким пронзительным, глубинным и ярким. Никто так не любил Россию, никто так ярко и вдохновенно не писал о ее моральной и духовной самооценности, как русские мыслители в изгнании, наблюдающие из своего европейского далека за мучениями русских людей во времена большевистского эксперимента. Они, русские мыслители в изгнании, видели, что в большинстве своем народ изменил сам себе, своей церкви, своим ценностям, что народ, возбужденной «страстью расправы» и «страстью раздела», впал в грех, но все же, вопреки всему, вслед за Федором Достоевским верили, что он, народ российский, «не примет и не захочет принять своего греха за правду» [3].

Русский патриотизм русских мыслителей в изгнании сродни вере древних христиан, утверждавших вслед за Тертуллианом: «Верую, ибо абсурдно». И действительно, было ли во времена Сталина хоть одно достоверное свидетельство, что Россия все еще жива, что у нее хватит духовных сил преодолеть чуму большевизма?

Российскому патриотизму в годы большевизма были предуготовлены испытания, которые еще в «благословенном», довоенном 1913 году предсказал великий русский патриот Василий Розанов. Готовность к этим испытаниям, ощущение их неизбежности помогли самому Василию Розанову морально выстоять в годы очень скоро наступивших катаклизмов, Гражданской войны, красного террора и страшного, мучительного голода. «Счастливую и великую родину, — писал Василий Розанов, — любить не велика вещь. Мы должны ее любить именно когда она слаба, мала, унижена, наконец, глупа, наконец, даже порочна. Именно, именно когда наша мать „пьяна“, лежит и вся запуталась в грехе, — мы и не должны отходить от нее» [4].

Введение

Эти страшные слова, понятно, нелегко дались патриоту Василию Розанову, *но* очень честно выражают кричащий драматизм российского патриотизма. Ибо русскому человеку не остается выбора: или полюбить вопреки всему свою Россию, какая она есть, не только со своими добрыми временами, но и с худыми, или перестать быть русским. Не обладая духовной привязанностью к своей стране, можно быть гражданином России или «россиянином», но русским в духовном, культурном смысле нельзя стать, не ощущая свою глубинную, неразрывную связь со своей страной, со своим народом, с судьбой нашей страны, нельзя быть русским, сохраняя в душе дистанцию к нашей русской судьбе. У того же Василия Розанова в «Опавших листьях»: «Может быть, народ наш и плох, но он — наш, наш народ, и это решает все». Вслед за Василием Розановым мы можем сказать: «Может быть, в нашей истории было много худого, много насилия и жестокости, но это наша, наша история, и это решает все» [5].

Еще в далеком 1967 году в Праге, будучи в гостях у белоэмигранта, профессора Карлова Университета, слависта Леонтия Васильевича Копецкого, я был свидетелем спора между хозяином квартиры и его внучатой племянницей Лепешинской, девочкой не более 10-11 лет, которая с мамой на обратном пути из Москвы в Париж заехала навестить своих родственников. Дед Леонтий настаивал, чтобы внучка читала по вечерам «Мертвые души» Гоголя. Но она, Оля, со слезами на глазах сопротивлялась, говорила, что ей не нравятся эти «страшные рожи», Чичиковы, Ноздревы, Коробочки... А он ей в ответ произнес слова, которые я запомнил на всю жизнь: «Если ты хочешь быть, остаться русской, ты должна полюбить и Ноздрева и Чичикова. Другой России у нас с тобой нет». Кстати, я сам, будучи тогда уже студентом пятого курса философского факультета МГУ, именно в Праге, общаясь несколько недель с Леонтием Васильевичем Копецким и с его друзьями, сыновьями русского промышленника Махо-нина Петром и Павлом, завершил свои университеты русского

10

Введение

патриотизма. На жизненном опыте этих людей, которые посчитали возможным мне, по сути молокососу, раскрывать свою душу, я узнал, что цену русскости, права быть русским можно осознать на чужбине, когда ты вынужден жить среди «чужих».

Но, наверное, по той причине, что любовь к России требует моральных усилий, работы и ума и души, у нас, с одной стороны, было сказано так много светлых, пронзительных слов о любимой России (ничего подобного вы не найдете ни во французской, ни тем более в англосаксонской литературе), но, с другой стороны, так много было и Смердяковых, утверждающих, что России в сущности уже нет, а есть только одно пустое место, сгнившее место, которое остается только завоевать «соседнему умному народу».

И самое важное для понимания природы извечного надлома, разломов русской общественной жизни. У нас всегда, в силу драматизма и трагизма русской судьбы, всегда был и до сих пор остается соблазн патриотизма с закрытыми глазами, соблазн облегчить себе душу и сказать, что наши худые времена, наши извечные муки и страдания и есть наша русская судьба, что свобода и полнота человеческого бытия заказаны русскому человеку, что муки — это и есть наша русская «красота», что иначе, как через надрыв, через истязание самих себя мы, русские, жить не можем. Отсюда соблазн сказать, что мук на самом деле не было, что народ российский все эти мученичества крепостничества нес не просто терпеливо, но и со светлой душой, прощая своих мучителей, что «праведность десятков миллионов очищала и просветляла в единстве народного сознания грех немногих тысяч поработителей» (С. А. Аскольдов) [6], что русскому человеку и даже русскому патриоту ничего иного не остается, как вслед за Тютчевым созерцать «край родной долготерпенья», верить, что

*Удрученный ношей крестной, Всю тебя, земля родная, В рабском виде Царь
Небесный Исходил, благословляя.*

11

Введение

Раньше предпринимались попытки облагородить, «благословить» тяжкую ношу народа российского. Кстати, все эти мифы о праведном восприятии русским народом своего мученичества были опровергнуты «расправой» в 1917 году внуков миллионов рабов над внуками «тысяч порабощенных». Но сегодня мы являемся свидетелями новых, просто яростных попыток доказать, что без надрыва, без «мобилизации», без «стоической», традиционной «жертвенности» народ наш просто не может жить. До настоящего дня не прекратились попытки доказать, что якобы точно так, как миллионы рабов во время крепостничества со «светлой душой» воспринимали тяготы своей неволи, миллионы советских людей не только со светлой душой, но и с радостью, энтузиазмом воспринимали уже новое сталинское издание крепостничества, что якобы (как убеждал нас вернувшийся из мюнхенского самозаточения автор «Зияющих высот») сталинизм со всеми его тяготами и испытаниями и был на самом деле моментом истины для русского народа.

В своих очерках о российском патриотизме я вслед за российскими философами, оказавшимися после 1922 года в изгнании, пытаюсь показать, что любовь к России такой, какая она была и какая она есть, не отменяет права отличать зло от добра в российской истории, не освобождает нас от нравственной оценки нашей национальной истории, не освобождает от христианского сострадания к тем, у которых, как и у нас, была всего лишь одна, Богом данная жизнь на этой земле, и которые все же оказались невинными жертвами наших бесконечных худых русских времен. Я убежден, что чувство личности, ощущение самоценности человеческой жизни не укоренится в нашем национальном сознании до тех пор, пока мы не научимся ощущать чужую боль и чужие страдания, даже боль и страдания тех, кто жил и умирал в близком и отдаленном от нас прошлом. Я согласен с теми, в том числе и с ранними и поздними славянофилами, кто полагал, что Россия была и останется одинокой в своей же Европе, непонятой,

12

Введение

недооцененной нашими соседями, европейцами, но я полагаю, что, несмотря на изначальный драматизм нашей российской судьбы, на то, что мы остаемся для европейцев «другой», «чужой» Европой, что наши жизни стоят для европейцев куда меньше, чем свои, мы не вправе отказаться от ценностей христианства и гуманизма, от сознания самоценности каждой человеческой жизни, ее свободы, ее права на личное счастье. Я не верю, что можно выстроить российское патриотическое чувство на каких-то особых, своих, «незаемных» ценностях.

В заключительных главах своей книги я пытаюсь показать, что на самом деле идея особого пути, особенно идея «красного пути», которая до сих пор греет душу «патриотизму с закрытыми глазами», с закрытой душой, на практике всегда была оправданием варварства, деспотизма и цивилизационной отсталости страны.

Автор этой книги уже несколько десятилетий принимает активное участие в нашей извечной российской идейной борьбе, в борьбе за право быть одновременно и патриотом и исповедовать европейскую веру в то, что человек рожден, чтобы быть свободным, что ему дано право не только на спасение "своей души, но и право достойно, полноправно прожить жизнь на этой земле. Я всегда инстинктивно чувствовал, что на самом деле за апологией опрощения, бедности, бытовой неустроенности, неукорененности русского человека стоит не столько стремление защитить духовность, сколько глубинная, инстинктивная зависть к богатству, укорененности других, европейских народов. Поэтому я лично уже со студенческих лет чувствовал отвращение к патриотизму бедности, к патриотизму «долготерпенья» и неукорененности русского народа.

В силу возраста и жизненного опыта я пришел к выводу, что на самом деле привести в свою веру можно только тех, кто ищет твоей веры, что невозможно прошибить никакими аргументами, никакой логикой тех, у кого по-другому, чем у тебя, устроена душа, кто в силу независящих от него

13

Введение

причин по-другому видит и чувствует старую и новую Россию, кто твое чувство России, твое понимание России и судьбы не воспринимает. Самая страшная правда состоит в том, что Смердяковыми, с их инстинктивным отторжением от России и русского народа, рождаются. Хочет, очень хочет видеть человек, что Россия — «пустое», «гнилое» место, и ничем, абсолютно ничем его не прошибешь. Кстати, среди поколения «первопроходцев» социализма, поколения индустриализации, тоже было много Смердяковых, я с ними сталкивался в юности, было много тех, кто, начитавшись Тэйлора и других издаваемых в то время «западных книжек», пришел к выводу, что «русские сами ничего не умеют делать».

Кстати, если быть честным, я сам воспринимаю в текстах, в том числе и текстах российских мыслителей, только то, что во мне в осознанной или неосознанной форме уже сидело. Поэтому у нас, наверное, в силу различного ощущения своей страны у разных людей, на равных во все времена процветал наряду с патриотизмом и национальный нигилизм, а сам патриотизм имел разные ипостаси.

Когда я первый раз в жизни, в 1965 году, будучи студентом 3 курса философского факультета МГУ, прочитал «Вехи», то обнаружил в этих текстах прежде всего запрещенную в СССР правду о моральной пустоте марксизма, самой идеи революционного переустройства общества. Но я тогда, в молодости, прошел мимо, не обнаружил в этой книге самого главного — правды о России, не обнаружил в ней философии государ-ственничества, философии морального патриотизма. И только позже, когда я пережил свои антимарксистские страсти, я увидел и в текстах «Вех», и в текстах сборника «Из глубины» трудную правду о русской судьбе.

На самом деле люди от рождения находятся, как сказано в Библии, на разном расстоянии от Бога, поэтому одним легко дается любовь к ближнему, а другим очень тяжело или совсем не дается. И кстати, в этом состоит глубинное, непреодолимое разумом противоречие христианского учения о человеке.

14

Введение

С одной стороны, якобы все мы — твари божьи и имеем право на спасение, на свободу добра. С другой стороны, оказывается, что у одних от рождения душа больше открыта к Богу, а у других меньше. Но, наверное, точно так и способность воспринимать судьбу своей Родины как свою судьбу, ощущение непрерывной связи своей судьбы с судьбой твоей Родины заложена по-разному в каждом из нас. Будем честны перед собой. Ведь на самом деле у большинства людей, и не только в России, доминирует иждивенческое отношение к своей стране. Она им нравится, когда она дает им блага, но они становятся к ней спиной, когда она от них требует жертв, приносит в их жизнь лишения. Как много было у нас патриотов, когда можно было в баре за кружкой пива болеть за «сказочные» победы сборной России по футболу. Но как трудно этим же патриотам российского футбола дается открывшаяся после войны в Южной Осетии правда о взаимоотношениях России с Западом, правда о той цене, которую мы заплатили за проявленное достоинство.

Люди от рождения находятся на разном расстоянии от того, что можно было бы назвать нравственным патриотизмом, то есть чувством единения, гордости за свое Отечество, моральным чувством, чувством отвращения к крови, насилию, отвращения к нашей российской привычке «сорить людьми». Я искренне пытался и пытаюсь понять тех «красных патриотов», кто убежден, что величие русских заключено в «глубине» нашей

революции, в «ожесточении», кровавости нашей гражданской войны 1918-1920 годов, и обнаруживаю, что у этих людей на самом деле душа работает по-другому, чем у меня, в ней изначально заморожено чувство сострадания не просто к ближнему, но и к своим соотечественникам. Но ведь на самом деле красный, классовый патриотизм пуст, ибо в нем нет фундамента патриотизма, то есть чувства национального единства, ощущения того, что жертвы этой «ожесточенной» гражданской войны — это твои соотечественники, такие же, как ты, частицы единого национального целого.

15

Введение

Но еще труднее пробиться в душу, пробудить чувство личной сопричастности России и русской судьбе у тех, кто убежден, что патриотизм, любовь к Родине есть признак слабости, интеллектуальной неразвитости, как любил говорить Денис Драгунский, патриотом является тот, кому нечего и некого любить.

Я прекрасно понимаю, что на самом деле совсем не просто пройти через испытания патриотизма российского. И не только потому, как я уже сказал, что в нашей истории все же было мало по сравнению с другими народами светлых дней, потому, что за суверенитет и государственную независимость нам пришлось платить намного больше, чем другим народам Европы. К. Маркс был неправ, когда утверждал, что без насилия нет прогресса, нет развития. Многие народы Европы, и прежде всего скандинавы, сумели и достойно жить, и творить духовно, не пройдя через ужасы гражданских войн и революционного террора.

Проблема, трагическая проблема состоит в том, что иногда при оценке тех или иных событий российской истории действительно невозможно примирить патриотизм как государственнический инстинкт с моральным чувством. Видно, как все идеологи морального, сознательного патриотизма — и Николай Бердяев, и Петр Струве, и Семен Франк — обходили стороной проблему Петра I. Несомненно, царь-садист, но все же «открыл окно в Европу».

Но при всем этом, при всей сложности выстраивания того, что называется патриотизмом с открытыми глазами и открытой душой, существует необходимость раскрыть его культурнические, гуманитарные достоинства. В конце концов, все самое ценное и глубокое, что было написано о судьбе России — речь идет о сборниках «Вехи» и «Из глубины», — как раз и было посвящено доказательству того, что можно и нужно, с одной стороны, преодолеть пораженчество, «государственное отщепенство» наследников Смердякова, но, с другой стороны, остаться на позициях европейского гуманизма, сохраняя верность идеалам свободы и прав личности. Кстати, Иван Ильин, который

16

Введение

в наших либеральных кругах слывет «реакционером», на самом деле решал вслед за веховцами ту же задачу соединения российского государственничества с моральным, христианским отношением и к человеку, и ко всем племенам человеческим.

В этой книге, над которой я начал работать еще в первой половине 90-х, когда с утра до вечера с экранов нашего российского телевидения внедрялась мысль, что быть патриотом постыдно, что «патриотизм является последним убежищем для негодяев», я ставил себе целью доказать, что патриотизм газеты «Завтра», который будил антигосударственные, «антиимперские» страсти нашей либеральной общественности, не имеет никакого отношения к традициям «сознательного», «просвещенного» российского патриотизма, что на самом деле доминирующий до революции 1917 года так называемый «сознательный патриотизм» не имел ничего общего ни с ксенофобией, ни с антисемитизмом, ни с этническим национализмом.

И надо видеть правду. Отчуждение наших демократов и либералов от ценностей и традиций российского патриотизма было связано и с их, как правило, левой марксистской закваской (не забывают, что все без исключения идеологи демократического движения

конца 80-х - начала 90-х были искренними ленинцами — и Егор Яковлев, и Лен Карпинский, и Отто Лацис, и т.д.), и с характерным для советских обществоведов дефицитом знаний о русской общественной мысли. Правда состоит в том, что в сознании подавляющего большинства наших демократов начала 90-х лицо идеи российского патриотизма отождествлялись с идеологией газеты, которая сегодня называется «Завтра». В этих условиях я и начал в своих статьях напоминать о том, что на самом деле российский патриотизм в лице его выдающихся идеологов имел совсем другое, гуманное европейское лицо, что российский патриотизм предполагал и уважение к культуре, и уважение к свободе, достоинству человеческой личности. Тогда, в 90-е, и даже в начале нового века я в своих статьях занимался просто популяризацией идей сознательного патриотизма и доказывал, что на самом деле все

17

Введение

обстоит прямо противоположным образом, что на самом деле моральным уродством является не патриотизм, а, напротив, равнодушие к судьбе своей Отчизны.

Все эти аргументы, которые я собирал в защиту патриотических чувств вообще и российского патриотизма в частности, как раз и отражены в первых главах книги, представляемой на суд читателя. Я пытался доказать, что можно и Родину любить, и быть достойным, нравственным, интеллигентным человеком. Хотя, наверное, только в нашей странной европейской стране надо доказывать ценность патриотических чувств. Такая задача никогда не стояла ни перед французскими, ни тем более польскими обществоведами. Сама необходимость оправдывать и защищать казалось бы такое естественное для европейца чувство, как любовь к Родине, государственничеству, конечно, свидетельствует о каких-то глубинных изъянах нашей интеллигенции, интеллектуальной элиты в целом.

Но с начала нового века, после того, как весной 2000 года Президентом России стал Владимир Путин, мне показалось, что близкие мне ценности сознательного, просвещенного российского патриотизма, которые я, честно говоря, без успеха отстаивал еще с конца 80-х прошлого века, со времен опубликования своей статьи «Истоки сталинизма» («Наука и жизнь». 1988. № 11, 12; 1989. № 1, 2), наконец-то становятся государственной идеологией, что наконец-то стала сама собой понятна, с одной стороны, противоестественность «государственного» и «национального» отщепенства, а с другой стороны, стал очевиден аморализм «красного патриотизма», всех этих восторгов по поводу «величия» нашей революционной ломки, по поводу «жертвенности» первопроходцев социализма.

И действительно, во всем, что говорил и до сих пор говорит о России Владимир Путин, традиционное российское государственничество органично и естественно сочеталось с европейским гуманизмом, с утверждением, что во имя идеалов, тем более когда они являются «пустыми», нельзя жертвовать жизнью людей. Президентская философия Путина всегда

18

Введение

была направлена и против национального нигилизма, и против нашей российской традиции «сорить людьми».

Но Россия — действительно страна неожиданностей. Когда либеральная борьба с российским патриотизмом сошла на нет, когда так называемое противостояние «между либералами и державниками» утратило свою прежнюю остроту, вдруг неожиданно — именно во время выборной кампании 2007-2008 годов — резко обострилась борьба в так называемом патриотическом лагере. Вдруг, как мне казалось еще несколько месяцев назад, явно и неявно на сознательный, моральный антикоммунистический патриотизм начали массированную атаку сторонники так называемого особого русского и обязательно «красного» пути. В последние месяцы в общественное сознание и, самое интересное, по

инициативе бывших либералов, в прошлом активных поборников демократических реформ Михаила Горбачева, началась атака на «заемные», «чужие», «западные» ценности, прежде всего ценности свободы и самоценности человеческой жизни, началась кампания по пропаганде традиционного российского изоляционизма, борьбы с якобы чуждыми «исконному» русскому сознанию ценностями «бюргерства», благосостояния, комфорта. Вдруг неожиданно всплыла казалось бы давно забытая идеология «Молодой гвардии» конца 60-х, идеология «красного почвенничества» с присущей ей враждебностью к западной, так называемой «торгашеской цивилизации».

В этой ситуации лично для меня открылся новый фронт борьбы, на этот раз борьбы с подменой патриотизма антизападными фобиями, с попытками вывести российский патриотизм с поля европейских ценностей. В этой все же новой идейной ситуации я просто был вынужден показать качественные, идейные различия между поздним консервативным славянофильством и идеологией сознательного патриотизма, показать различия между убеждениями Николая Данилевского и Константина Леонтьева, которые полагали, что «Европа существенно враждебна России» не только во внешней поли-

19

Введение

тике, но и по структуре своих ценностей, с одной стороны, и убеждениями патриотов-западников, Петра Струве, Николая Бердяева — с другой стороны. Все это потребовало от меня нового прочтения всего того, что было у нас сказано о природе «сознательного» патриотизма, расширения круга исследуемой и, соответственно, цитируемой в книге литературы. Результаты этого во многом еще предварительного исследования отражены в последних главах книги. Мне в ходе работы над книгой стала лучше видна органическая связь между идеологией особого русского пути и российского марксизма. Но, наверное, в ходе работы над этой темой надо лучше себе уяснить особенности патриотизма Федора Достоевского, его православного почвенничества, показать коренные различия между православным почвенничеством и нынешним красным почвенничеством.

Но скажу честно, новая идейная ситуация в стране, возникшая после решения Президента Дмитрия Медведева признать независимость Южной Осетии и Абхазии, после того, как наступил момент истины в наших отношениях с Западом, я был вынужден спешить и издать книгу в том виде, в каком она сложилась к настоящему моменту. Все, что я написал о природе и ценностях российского «сознательного патриотизма», патриотизма, который не порывает с моралью, с христианскими ценностями, как я убежден, стало востребовано новой ситуацией, когда наступили если не «худые», то трудные времена, когда снова появилось, как и двадцать лет назад, так много соблазнов и для смердяковщины, и для слепого патриотизма, зовущего нас в бездну добровольной изоляции от Запада. Посмотрите открытыми, трезвыми глазами на идейные страсти и споры сентябрьской России 2008 года. Как будто мы вернулись в СССР накануне его распада. Те, кто тогда, в 1990 и в 1991 годы, боролся с «имперским» наследством, призывал развалить СССР, сбросить «лишние территории», сегодня критикуют и Дмитрия Медведева, и Владимира Путина за то, что они стали жертвами «имперского синдрома»,

20

Введение

жертвами «имперских страстей» и вмешались в конфликт между Грузией и Южной Осетией и Абхазией, а затем признали их государственную независимость. Оказывается, я был неправ, когда надеялся, что в России после всего пережитого нами в последние двадцать лет последователей Смердякова стало меньше. Ничего подобного. Те же люди, которые в 1990-1991 годы говорили, что российская державность несовместима с демократией, сегодня говорят, что во имя сохранения дружбы с Западом нам «пора уходить с Кавказа». У нас, как выяснилось, до сих пор много тех, кто полагает, что пора отдать всю Россию с потрохами «умным соседям».

Но те, кто в начале 90-х призвал нас покончить с демократией, с гласностью, отказаться от западных «химер» свободы и личного благополучия, снова, как и без малого двадцать лет назад, даже с большей энергией сталкивают Россию на проторенную в XX веке колею «нетривиальной» экономики, особого «русского пути развития». Ситуация сейчас серьезная. Ибо проводимая в последнее время Западом в отношении России политика «двойных стандартов», откровенного игнорирования ее интересов и исторических прав объективно усиливает позиции сторонников «красного реванша», тех, кто призывает якобы во имя сохранения России и ее суверенитета отказаться от завоеваний демократии.

Надеюсь, что в этой новой ситуации моя книга о здоровом и уму и душой русском патриотизме поможет тем, кто не хочет поддаться ни искушениям национального нигилизма, ни искушениям слепого, инстинктивного патриотизма.

Благодарен моему помощнику Ирине Фроловой, а также издательству URSS в лице редактора Любови Чирок за труд и терпение, проявленные в процессе подготовки моей рукописи к изданию.

Благодарю академика Андрея Афанасьевича Кокошина за советы, которые помогли мне актуализировать работу, и помощь в издании книги.

Сентябрь 2008 г.

Глава 1

Правда и вымыслы

о русском патриотизме

Национальный нигилизм — удел нищих духом

Национальное сознание не есть национализм

Ложь космополитизма

О-различии между понятиями «патриотизм» и «гражданственность»

Русские — самая веротерпимая нация Европы

Патриотизм — духовная опора творчества

Особенности российского патриотизма

В патриотизме эмоциональная жизнь... непосредственна и природна, и он есть прежде всего обнаружение любви к своей Родине, своей земле, своему народу... Полное отсутствие патриотизма ненормальное, дефектное состояние.

Н. Бердяев. Судьба России [7]

1.1. Национальный нигилизм — удел нищих духом

Вообще нынешний запрос на реабилитацию патриотизма как ценности, как чувства любви к Родине, как сыновней любви к Отечеству свидетельствует о болезненности, идейной неустроенности современной России. Подобной ненормальной ситуации нет ни в одной из бывших социалистических стран Восточной Европы. Только в России в ходу представление, согласно которому патриотизм и демократия несовместимы, или «патриотизм — последнее прибежище негодяев». Скажу сразу, что последняя фраза не имеет никакого отношения к английскому публицисту XVII века Сэмюэлю Джонсону. На самом деле он писал слово «патриот» с большой буквы и полагал, что, напротив, патриотизм может спасти душу даже отъявленного негодяя. «Не все пропало даже для самого отъявленного негодяя, если в нем еще живо чувство Патриотизма, подчиняясь которому даже полный негодяй может совершить благое дело, благородный поступок на войне или в мирной жизни» (Джонсон) [8].

У всех народов во все времена было очевидно, что патриотизм как прорыв через зоологический индивидуализм, как

24

1.1. Национальный нигилизм

— удел нищих духом

способность, желание послужить Отечеству, как верность национальным святыням достоин поощрения, поддержки. Уже у римлян, у Цицерона мы находим восхищение

патриотизмом. «Здесь моя вера, здесь мой род, здесь след моих отцов, я не могу выговорить, какой восторг охватывает мое сердце и мое чувство...» [9].

Повторяю. Сам по себе факт, что у нас сегодня в России приходится оправдывать основные ценности человеческой цивилизации, оправдывать духовность, коллективистские чувства, свидетельствует о ее болезненности, о том, что в головах значительной части нашей элиты, в головах так называемого образованного общества не все в порядке. Когда-то, в конце XIX - начале XX века, болезненность российского общества проявлялась в массовом одобрении террористов и терроризма. Это моральное уродство России того времени обернулось победой большевиков, уродством их репрессий. Боюсь, что нынешнее уродство нашего образованного общества, вся эта борьба наших СМИ с патриотизмом и национальным чувством может обернуться еще большей бедой, просто гибелью России как государства.

Всегда существует опасность перерождения патриотических чувств в национальное высокомерие, в «великодержавие», что и есть опять-таки расизм. И надо знать, что все серьезные русские мыслители, считающие себя русскими патриотами, предостерегали против этой опасности патриотизма «как слепого чувства», который, по словам Ивана Ильина, «вырождается и становится злой и хищной страстью — презрительной гордыней, буйной и агрессивной ненавистью». Оказывается, развивал свою мысль И. Ильин, что «в сердце этого человека живет не любовь к Родине, а странная и опасная смесь из воинственного и тупого национального самомнения или же из слепого пристрастия...» [10].

Об этом же, об опасности перерождения патриотизма в национализм как национальное высокомерие, в расизм, предупреждал еще во время Первой мировой войны, к примеру,

25

Глава 1. *Правда и вымыслы о русском патриотизме*

один из идеологов русского либерального консерватизма Николай Бердяев. «Национализм, — писал Н.Бердяев, — гораздо более связан с ненавистью к чужому, чем с любовью к своему». «Необходимо еще прибавить, — развивал свою мысль Н. Бердяев, — что если национализм есть отрицательное явление, то расизм есть абсолютная ложь. Только древнееврейский расизм имел смысл, имел религиозную основу, но он может принимать отрицательные формы. Расистский же миф, как его утверждает германская идеология, есть злое порождение воли к могуществу и преобладанию. Он еще во много раз хуже национализма» [11].

Но при этом те же русские мыслители отмечали, что при всей опасности перерождения патриотических чувств в национализм, или еще хуже — в расизм, человек, лишенный чувства любви, привязанности к Родине, в духовном отношении просто мертв. «Полное отсутствие патриотизма — ненормальное, дефектное состояние». Так говорил Н. Бердяев. Еще более жестко и нелюбезно говорит о человеке, лишенном патриотических чувств, Иван Ильин. Такой человек, с его точки зрения, «духовно мертвый» или же он — «духовный идиот».

«Да, — говорит Иван Ильин, — патриотизм человека науки будет иной, чем у крестьянина, священника, у художника: имея единую Родину, все они будут иметь ее — и инстинктом, и духом, и любовью, и все же — каждый по-своему. Но человек, духовно мертвый, не будет иметь ее совсем. Душа религиозно-пустынная и государственно-безразличная, бесплодная в познании, мертвая в творчестве добра, бессильная в созерцании красоты... душа, так сказать, „духовного идиота“ — не имеет духовного опыта; и все, что есть дух, и все, что есть от духа, остается для нее пустым словом... Такая душа не найдет и Родины» [12].

К этой же мысли о том, что человек, не ощущающий духовной связи со своим народом, со своей Родиной, мертв, приходит и Достоевский в своих «Дневниках писателя» и в своих

1.1. Национальный нигилизм — удел нищих духом

лучших произведениях, в частности, в «Бесах». «А у кого нет народа, — говорит Иван Шатов в „Бесах“, — у того нет и Бога! Знайте наверно, что все те, которые перестают понимать свой народ и теряют с ним свои связи, тотчас же, по мере того, теряют и веру отеческую, становятся или атеистами, или равнодушными» [13].

Надо видеть правду. Нынешняя, продолжающаяся уже более пятнадцати лет борьба людей, называющих себя или «демократами», или «либералами», с патриотизмом как чувством и ценностью, служит подрыву духовного здоровья общества и прежде всего духовного здоровья подрастающих поколений. Она направлена в конечном счете на ослабление национального самосознания у населения, и прежде всего у преобладающего русского населения. Очевидно, что патриотизм как ощущение личной сопричастности и российской истории, и российскому государству, и российской культуре пробуждает и укрепляет российское национальное самосознание. А с другой стороны, ощущение и стимулирует ощущение привязанности к Родине.

Не соответствует истине утверждение, что чувство принадлежности к нации, национальное чувство и патриотизм как идея служения Отечеству, имеют различное происхождение. Первое, мол, идет от чувства, второе — от разума*. На самом деле и патриотизм, и чувство национальной принадлежности становятся полноправными только тогда, когда они оплодотворены работой и ума, и души. Несомненно верно, как писал русский историк Николай Карамзин, что патриотизм как «любовь ко благу и славе Отечества и желание способствовать им

* «Для патриота главное — „жила бы страна родная“, а что будет с тобой и твоей семьей — „нету других забот“». Тогда как национализм идет от чувства и не всегда национализму есть рациональное и разумное объяснение. Так что патриотизм — это вещь скорее для «служебного пользования», которая так необходима властям, чтобы обдѣлывать свои тщеславные дела. На смену одному патриотическому лозунгу «За Веру. Царя и Отечество!» приходит другой, тоже не менее патриотический — «За Родину! За Сталина!» [14].

27

Глава 1. Правда и вымыслы о русском патриотизме

во всех отношениях», требует «рассуждения, и потому не все люди имеют его».

Но ведь и национальное чувство, ощущение национальности становится глубоким и прочным при глубоком знании культуры и истории своего народа. Само понятие национальности есть продукт исторического и культурного развития и предполагает длительный процесс индивидуализации по отношению к другим народам и ко всему человечеству. «Качество национальности», как считал Николай Бердяев, зависит от духовного, культурного качества составляющих ее индивидов. «Национальность, — подчеркивал он в этой же связи, — как ступень индивидуализации в жизни общества, есть сложное историческое образование; она определима не только кровью, — раса есть зоология, происторическая материя, — но также языком, не только землей, но прежде всего исторической судьбой» [15].

Общественная наука говорит, что ощущение национального единства является нормой для современной цивилизации, по крайней мере, для Нового времени. Хотя не стоит забывать и того, что и европейское Возрождение XIV-XV веков по происхождению было историческим реваншем латинской нации, реваншем потомков Древнего Рима. За идеологией, порывом эпохи Возрождения стоит неизгладимое (на протяжении тысячи лет. — А. Ц.) воспоминание о невообразимом величии Рима, его могуществе и его культуре, которая, в свою очередь, была только наследием эллинистического и восточного господства над миром и культуры мира. И с этим воспоминанием было связано возрожденческое стремление воссоздать из самого себя потерянное воспоминание этого исчезнувшего мира: основать *nova Roma* («новый Рим») [16].

Национальное чувство, национальное самосознание, национальное достоинство и, самое главное, национальная память всегда были и сегодня являются самым действенным фактором мобилизации масс. Как уже сказано, Ренессанс, породивший Новое время, был прямым результатом национального

28

1.2. *Национальное сознание не есть национализм*

самопознания и национального самосознания италийского народа. Чудо воскрешения из пепла спустя две тысячи лет государства Израиль, является таким же ярким свидетельством силы неувядающего еврейского национального самосознания.

Национальность есть одновременно и механизм индивидуализации личности по отношению к другим народам, и механизм социализации, преодоление зоологического индивидуализма *по отношению к* представителям *своего* народа, своей нации.

Патриотизм, патриотические чувства как раз и являются проявлением национального чувства, эмоциями, сопровождающими нашу духовную жизнь. Марксизм и коммунизм потому и были враждебны природе человека, что покушались на патриотизм как проявление духовной жизни человечества.

Собственно, если в народе, в его правящем классе не укоренены патриотические чувства, то нет и нации в точном смысле этого слова. Кризис, разложение национальной элиты, ее духовное перерождение неизбежно ведет к размыванию и, в конечном счете, к утрате государственного суверенитета.

1.2. **Национальное сознание не есть национализм**

Ведущаяся на протяжении последних пятнадцати лет борьба и с российским патриотизмом, и с русским национальным самосознанием не только усугубляла то, что Иван Ильин называл духовным идиотизмом, неразвитостью социальных чувств, но и мешала на самом деле преодолению остатков коммунистического самосознания, классовых чувств и классовых пристрастий. Коммунизм, как известно, победил в России в силу острого дефицита национальных чувств, из-за классового раскола общества. По этой причине не восстановив, вернее, не воссоздав заново русское самосознание, мы не имеем никаких шансов на дальнейшее развитие.

«Либеральная» борьба и с русским патриотизмом, и с русским национальным самосознанием на самом деле является

29

Глава 1. *Правда и вымыслы о русском патриотизме*

борьбой, сознательной борьбой с главным духовным, мобилизационным ресурсом развития современной России. Если, не дай бог, нынешняя, чудом воскресшая вера в возможность возрождения России будет подорвана, то российское общество просто рассыплется.

Наличие национальной элиты в точном смысле этого слова, то есть наличие образованного, что не менее важно, одаренного меньшинства, выросшего из национальной почвы, ощущающего свою личную связь, ответственность за судьбу своего народа, своей нации, за достоинство своего национального государства, способного сформулировать его интересы, активно проводить их в жизнь, является гарантом выживания, укрепления мощи данного народа.

Русские дореволюционные философы, которые, кстати, все без исключения были патриотами, говорили, что для того чтобы сохранялась нация, нужно, обязательно нужно, чтобы француз себя чувствовал только французом, чтобы немец себя чувствовал немцем и только немцем, чтобы русский чувствовал себя русским. Строго говоря, каждый нормальный человек должен быть националистом, но только в том смысле, что каждый человек должен ощущать свою принадлежность к своему народу, племени, гордиться своей принадлежностью к нему и защищать его достоинство. В словаре В. Даля сказано: «Патриот — любитель Отечества, ревнитель о благе его, отчизнолюб, отечественник или отчизник...».

До сих пор еще мало среди молодого поколения, выросшего в новой, демократической России, тех, кто ощущает гордость за свою русскую, российскую принадлежность, гордость за принадлежность к российской истории и к российскому государству.

Конечно, в России, как в многонациональной стране, смерти подобен национализм крови, он просто разорвет страну. Лозунг «Россия для русских» как обратная сторона идеи так называемого «суверенитета РСФСР» привел к гибели подлинной, исторической России, которая складывалась на протяжении-

30

1.2. Национальное сознание не есть национализм

нии последних трех столетий. Правы те, кто утверждает, что национализм самообороны на самом деле является «национал-изоляционизмом».

Конечно, на мой взгляд, национализм как гордыня — это плохо. Но все же национализм обычно связан с энергией, с экспансией. Наш же российский национал-изоляционизм — от слабости, от желания загородиться от всего мира в своей скорлупе. Как точно подметил один из идеологов суверенной демократии Владислав Сурков, наши националисты — «шарлатаны, проповедующие прелести этнического уединения, на самом деле пытаются выселить русских из многонациональной России. Куда? В „русскую республику“ в границах раннемосковского царства? В этнографический заповедник, где нас никто не достанет, с табличкой „не беспокоить“ на заборе?» [17].

Но не менее опасно и подавление, выкорчевывание из ума и души остатков русского национального самосознания. Ни в коем случае нельзя допускать, чтобы борьба с русским изоляционизмом принимала характер борьбы с русскими и русским вообще. Не следует забывать, что иногда борьба против национализма большого народа выливается в ксенофобию малого народа ■против его большого соседа. В последнее время, после драматических событий в Кондопоге, Владимир Путин в целом ряде своих речей обращал внимание на то, что местная власть в местах компактного проживания русских должна считаться с традициями, достоинством и правами местного, коренного населения. Кстати, Путин является единственным из лидеров страны последних десятилетий, кто рискнул открыто защищать права преобладающего «коренного» населения России. Русофобия так же недопустима в России, как и антисемитизм, антикавказские настроения и т.д.

Теперь ясно, и об этом говорит опыт развития России в XX веке, что качество национальной элиты является в условиях кризиса куда более важным фактором развития страны, чем политический режим. Китайцы при наличии национальной элиты (более того, откровенно националистической эли-

31

Глава 1. Правда и вымыслы о русском патриотизме

ты) даже коммунистическую утопию смогли приспособить для создания своей новой «Великой Поднебесной». Наш же социализм из-за отсутствия национальной элиты и руководителей, способных думать о благе, счастье населения своей страны, высосал все соки и силы из национального тела России и в конце концов распался, оставив после себя слабого и душой, а иногда и умом постсоветского человека. Еще меньше без национальной, политической элиты может дать демократический строй. Не следует забывать, что и реформаторы Польши, и реформаторы Чехии были национально ориентированными кадрами, которые соизмеряли каждый свой шаг на пути ухода от социализма советского образца к рынку с интересами, социальным самочувствием своих народов. Важно еще добавить, что в тех европейских, бывших социалистических странах, где верхи проводили и проводят идеологию просвещенного, сознательного патриотизма, где уважение к национальному достоинству является главным условием прохождения в политики, нет никаких нацболов и скинхедов. В Польше, где любое правительство ставит во главу моральное здоровье нации, практически нет фашиствующих движений. Легализация национальных чувств, призывы нового руководства Польши к воссозданию

духовного здоровья польской нации, явились стимулом консолидации, единения современной Польши.

У нас же сегодня, как и в царской, и советской России, у значительной части правящего класса нет ощущения родственной, национальной связи с народными массами.

Настораживает, что не только «деловое сообщество», но и определенная часть политической элиты живет и работает в России как бы вахтенным методом. У этой «оффшорной аристократии», как ее называют, самое важное в жизни — дети, семьи, деньги, любимые квартиры, виллы и даже гарантии безопасности — находится за рубежом. Проблема в том, что «оффшорная аристократия» не связывает ни свое будущее, ни будущее своих детей с Россией. Для них Россия — «зона свободной охоты».

32

1.2. *Национальное сознание не есть национализм*

И проблема даже не в том, что эта «оффшорная аристократия» хранит свои капиталы за границей, а в том, что она «живет ментально не здесь, не в России и, соответственно, держаться за нее такие люди не будут и заботиться о ней тоже не будут. То есть у них не только деньги в оффшоре, но и голова там же» [18].

Если деловое сообщество не трансформируется в национальную буржуазию, в национальную элиту, то, конечно, будущего у нас нет. И именно по этой причине необходимо патриотическое национальное воспитание молодежи, патриотическая закуска новой, сейчас формирующейся элиты.

И самое интересное. Если правящая элита не способна стать национальной в точном смысле этого слова, то есть поставить интересы своей страны выше интересов других стран, то и ее население само по себе не в состоянии преодолеть инерцию маргинализации и духовного распада населения страны.

Опыт Белоруссии, кстати, как и опыт послеельцинской, путинской России, показывает, что только позитивные перемены наверху, переход высот власти в руки патриотически настроенных руководителей дает толчок к оздоровлению духовной ситуации в обществе, к появлению у людей хоть какой-то веры в свое государство, хоть какой-то уверенности в будущем.

В коммунистической России руководство большевистской партии относилось к своему народу как завоеватель относится к покоренной нации. Но точно так, как завоеватель, относилась к народам России «либеральная элита» ельцинского призыва*. Казалось бы, такой случайный по отношению

* Несколько неожиданно звучит мнение известного российского философа Вадима Межуева о том, что «государство в России, как ни парадоксально, никогда не было государством русского народа», но я бы все же прислушался к словам этого философа. «Государство в России, как ни парадоксально, никогда не было государством русского народа. Русский народ в своем большинстве, живший и работавший на земле, не имел прямого отношения ни к его

2-3921

33

Глава 1. *Правда и вымыслы о русском патриотизме*

к истории России фактор, как патриотическое мировоззрение и государственнические чувства преемника Ельцина, коренным образом изменили не только морально-политическую обстановку в стране, но и характер всего нашего национального развития. Запрос на патриотизм снизу, конечно, был. Но когда он получил ответ сверху, произошло замыкание созидательных настроений. Лично у меня складывается впечатление, что даже в эпоху государственничества Путина задачи, которые решали наши СМИ, имели мало общего с задачами национального развития, с духовными запросами русского народа.

Проблема и беда нынешней России до сих пор состоит в том, что у нас на

протяжении последних пятнадцати лет наши СМИ преподносили духовные ценности населению и осо-

созданию, ни к расширению, никак не участвовал в политической жизни, в процессе выработки и принятия важнейших государственных решений. Государство возникло как бы помимо него, существовало само по себе и исключительно для себя, тогда как народ был для него всего лишь подсобным материалом, из которого тянули подати и рекрутировались солдаты. Барщина и рекрутчина — вот его удел в течение многих поколений. „Государство пухло, народ хирел" — писал Ключевский. Русский народ никогда не был государственным, интересы государства были ему неведомы и непонятны. Государственниками были дворяне, а также вышедшая из них часть интеллигенции, служившая власти. Народ же, выключенный из сферы государственной жизни, проделал в нашей истории совсем другую эволюцию. Живя в деревне, он был связан между собой „кровью и почвой", единством происхождения и места проживания (плюс, конечно, вера). Но и переселившись в массовом порядке в город (как это произошло при советской власти), он не стал ни буржуа, ни просто свободным гражданином. Как же можно называть людей, живущих в городах, но не являющихся ни тем, ни другим? Как и в Древнем Риме, они образуют собой слой городского плебса с его требованиями „хлеба и зрелищ". С таким человеческим материалом трудно проводить какую-либо модернизацию.

Субъектом модернизации на протяжении всей истории России был не народ, а власть. И потому эта модернизация никогда не доходила до своего логического конца, а часто возвращалась на исходные рубежи. Как только модернизация, проводимая сверху, добиралась до самой власти, все возвращалось вспять, ибо власть, берущая на себя функцию модернизировать все и вся, вряд ли может модернизировать саму себя» [19].

34

1.3. *Ложь космополитизма*

бенно молодежи в перевернутом виде. У нас долгое время в 90-е годы и на телевидении, и в журнальной публицистике то, что является дефектом души, то есть полное безразличие к судьбам России, более того, откровенное предательство России, преподносилось в качестве нормы, признака цивилизованности и культурности. Примером служит отчаянная, продолжающаяся по сей день пропаганда в различного рода телевизионных программах тех деятелей культуры, которые по доброй воле уехали из СССР или покинули Россию в начале 1990-х. У нас до сих пор эмигрантские настроения, эмигрантское мировоззрение, убеждение, что для человека Отчизной является та страна, где ему живется хорошо, преподносятся как признак цивилизованности и воспитанности. Примером тому является апологетика в прошлом в либеральных СМИ «политического выбора» генерала КГБ Олега Калугина, а на самом деле — апологетика откровенного предательства, государственной измены со стороны российского офицера. Долгое время в 90-е в наших СМИ либерального толка патриотизму, любви к Родине, как уделу «неразвитых», «ограниченных» людей, противопоставлялся космополитизм, ощущение себя человеком «гражданином вселенной», «гражданином мира» как свидетельство подлинного духовного развития личности. Но на самом деле космополитизм как мировоззрение, как система ценностей ложен от начала до конца.

1.3. *Ложь космополитизма*

Космополитизм как стремление преодолеть все национальные и культурные различия, как желание добиться от всех живущих на земле, чтобы они забыли о своих национальных различиях, о своих «малых» и «больших» Родинах, о своей национальной истории, чтобы они полностью растворили свое «я», свою память в едином космополитическом деле, в лучшем случае является утопией, абстракцией, имеющей мало отношения к миру, где на самом деле всегда все конкретно и мно-

35

Глава 1. *Правда и вымыслы о русском патриотизме*

гообразно. Но при этом надо понимать, что космополитизм к тому же есть вредная утопия, «уродливая мечта» (по словам того же Н.Бердяева), которая заставляет человека предавать ценности и святыни своего народа, предавать все, чем жил и живет его, «космополита», народ. В космополитизме есть нарочитое, дьявольское отчуждение от того, что ценно для любого нормального, психически здорового человека. Космополитизм происходит от дьявольского желания преодолеть, умертвить все — весь реальный мир, желание убить всю красоту мира, красоту нации и цивилизации, которая держится на уникальных, неповторимых красках единичного, особенного. Космополитизм как отвлеченное чувство отвлекается от реального, ныне живущего человека, он заставляет его насиловать себя, умерщвлять *себя во имя утопии*.

Но на самом деле, как точно заметил один из основателей консервативной традиции Жозеф де Местр, никогда и нигде не было гражданина мира. «Однако, — писал он еще в начале XIX века по следам Французской революции, — в мире отнюдь нет общечеловека. В своей жизни мне довелось видеть французов, итальянцев, русских и т.д., я знаю даже, благодаря Монтескье, что можно быть персиянином, но касательно общечеловека я заявляю, что не встречал такового в своей жизни» [20].

Наблюдая за нашими российскими космополитами и «гражданами мира» добрых двадцать лет (до перестройки многие из них называли себя «шестидесятниками»), я убедился, что на самом деле они отказывались от всего российского и русского, предавали анафеме российское православие, российскую старину и российское государственничество не во имя всечеловечности, а во имя какой-то другой, отдельно взятой культуры или страны. Впрочем, так было и раньше. Большевики-интернационалисты, ненавидящие Россию и все русское, как, к примеру, В. Ленин, были откровенными германофилами. После Второй мировой войны, среди русских интернационалистов и космополитов редко удастся встретить германо-

36

1.3. *Ложь космополитизма*

филов, а американофилов, израиелефилов и даже саудофилов пруд пруди. Среди наших борцов с российским патриотизмом, среди тех, кто считает, что привязанность к нации и национальным чувствам является уделом бедного человека, почти все — откровенные поклонники политики США и ее имперских амбиций.

Лично я не видел исключения из этого правила. И это не только мое мнение. Когда-то, в конце 1990 года, когда я, как один из «героев» перестройки, был гостем Государственного департамента США, мне довелось долго беседовать о русской демократии и русских демократах с тогдашним представителем США в ООН, членом республиканской партии США госпожой Кирпатрик. И она, как выяснилось, была не очень высокого мнения о наших гонцах свободы, пересекших впервые в жизни Атлантический океан. «Всем они, ваши демократы, хороши, — говорила госпожа Кирпатрик, — и относительно молоды, и умны, и даже хорошо говорят по-английски. Но почему-то никто из них не связывает свое будущее со своей страной, с Россией. Все хлопочут о грантах, о гринкартах, а те, кто постарше, о стипендиях США для своих детей». На прощание тогда всемогущая госпожа Кирпатрик похвалила меня за то, что я ничего не прошу у нее для своих взрослых сыновей, и многозначительно пожелала мне «счастья дома, в России». Поверьте мне, такое счастье дома действительно прочнее и надежнее.

Правда состоит в том, что сами идеологи глобального лидерства США не верят ни в какой космополитизм, не верят тем, кто называет себя «гражданами мира», ибо хорошо знают, что декларации о космополитизме являются своеобразной клятвой в верности интересам США.

Уже давно замечено, что на самом деле человек, который не в состоянии полюбить свой народ, свою землю, которому чуждо национальное достоинство, не в состоянии

оценить достоинства и завоевания и другого народа, проникнуться уважением к мировой культуре в целом. Кто не любит свой

37

Глава 1. *Правда и вымыслы о русском патриотизме*

народ и кому не мил конкретный образ его, тот не может полюбить и человечество. Последняя фраза является общим местом у всех авторов знаменитых «Вех».

Все дело в том, что все истинно человеческое, все, что составляет сокровищницу мировой культуры, создано как национальное, произрастает из лона уникальной, общечеловеческой культуры. Космополиты и граждане мира никогда ничего существенного не создавали.

1.4. О различии между понятиями «патриотизм» и «гражданственность»

Иногда, особенно в молодежной аудитории, приходится сталкиваться с мнением, что преодолеть зоологический эгоизм и индивидуализм нашего безвременья можно и без воспитания патриотизма, что та же личная ответственность за преуспевание государства может быть достигнута путем воспитания гражданских чувств, так называемой гражданственности.

Несомненно, гражданственность, чувство личной ответственности за качество и судьбу своего национального государства, готовность бескорыстно служить своему Отечеству, работа на него сродни патриотизму и как чувству, и как линии поведения. Гражданственность — это и форма сцеplения индивида и общества, и форма соединения личных интересов и интересов национально-государственных. Несомненно, гражданственность, как и патриотизм, — это коллективизм, духовно обогащающий индивида, его жизнь, мотивы его поведения и деятельности. Гражданственность прежде всего опирается на правовое воспитание.

Но все же духовно и эмоционально патриотическое чувство богаче, шире, чем простая гражданственность. Последняя носит все же механистический, технический характер, она продиктована заботами дня сегодняшнего, она соединяет ныне живущего гражданина с нынешним существующим об-

38

1.4. «Патриотизм» и «гражданственность»

ществом и государством. Гражданин работает не только на сегодня существующее общество, но и на себя лично.

Патриотизм по природе своей имеет более широкую временную систему координат, он привязывает индивида не только к ныне живущему обществу и ныне существующему государству, но и к тем, кто жил и творил до нас, и к тем, кто будет после нас. Кстати, особенность суверенной демократии как идеологии, как консервативной идеологии, состоит в том, что она трактует народ как историческое понятие, призывает учитывать и мнение предшествующих поколений. Кстати, идеология суверенной демократии, как и любая консервативная идеология, состоит в том, что в нашем споре о том, какой быть России, она дает слово нашим предкам. Ее авторы вполне справедливо утверждают, что нашим предкам, которые в поте лица строили наше государство, не безразлично, что будет восстановлено на месте разрушенного большевиками храма — кабак или все же молитвенный дом. Очевидно, что наше будущее имеет смысл только как «отчетливо национальное», что «народ не наделял ныне живущие поколения правом прекратить его историю».

Гражданственность сама по себе не предполагает ни национального самосознания, ни чувства принадлежности к своему народу. Патриотизм, напротив, неразрывно связан с национальным самосознанием, является его выражением, он предполагает прежде всего глубинное единение человека со своим народом, развитое национальное и, следовательно, историческое самосознание.

Гражданственность вполне может процветать и во времена революции, когда

доминирует желание отказаться, разрушить все прошлое, когда люди чувствуют себя свободными от какой-либо ответственности за прошлое. В советское время, сразу после революции культивировалась социалистическая гражданственность. А на советский патриотизм, тем более российский патриотизм, обратили внимание только во время войны с фашистской Германией, в «минуты роковые».

39

Глава 1. Правда и вымыслы о русском патриотизме

Патриотизм, как правило, восстанавливается в правах, когда угар революции идет на убыль, когда становится понятным, что мы, ныне живущие, все же стоим на плечах предшествующих поколений, пользуемся плодами их трудов праведных. Воспоминание о народе, о его достижениях ведет к укрощению революционной гордыни, к ощущению своей принадлежности к истории своего народа, к переоценке того, что сначала отвергалось и разрушалось.

Все русские серьезные мыслители, пережившие муки Февральской и особенно Октябрьской революции 1917 года — и Николай Бердяев, и Петр Струве, и Семен Франк, — говорили, что большевизм в России умрет своей смертью и это произойдет только тогда, когда возродится у русских людей историческая память, когда они проникнутся ощущением связи со своим народом, проникнутся чувством гордости за великое, что было создано их предками в прошлом. Патриотизм, писал, к примеру, Н. Бердяев, связан с осознанием того, что «народ есть великое историческое целое», что «в него входят все исторические поколения, не только живущие и умершие, и отцы и деды наши». А русский патриотизм, исходя из этой концепции, уже завязан конкретно на «волю русского народа», который «есть воля тысячелетнего народа, который через Владимира принял христианство, который собирал Россию при Великих князьях Московских, который нашел выход из Смутной эпохи, прорубил окно в Европу при Петре Великом, который выдвинул великих святых и подвижников, и чтит их, создал великое государство и культуру, великую русскую культуру» [21].

Интересно, на это мало кто обращает внимание, что еще И. Сталин, правда, не от *хорошей* жизни, в годы войны с фашистской Германией начал возвращать советских людей в их национальную, российскую историю, реабилитировал великих российских полководцев и флотоводцев, вернул на пьедестал национальной памяти российскую воинскую славу. Сталин-коммунист, по приказу которого в начале тридцатых были

40

1.4. «Патриотизм» и «гражданственность»

разрушены многие великие памятники России, ее многие храмы, потом, спустя десять лет, поступил в точном соответствии с рецептами Николая Бердяева и Петра Струве, вернул в советскую коммунистическую Россию героев русской истории — и Петра Первого, и Суворова, и Ушакова, и Нахимова. И сам по себе факт подтверждает духовное преимущество русского патриотизма над простой социалистической гражданственностью. Только тогда, когда Сталин соединил социалистическую сознательность, социалистическую гражданственность с российским патриотизмом и превратил защиту социалистического Отечества в народную, Отечественную войну, он сумел добиться в свою пользу перелома на фронтах и в конце концов выиграть войну с фашистской Германией.

Конечно, нельзя не видеть, не признать, что в наше время возрождающийся патриотизм имеет не только благородное, но и злое лицо. Порой патриотизм приобретает болезненный характер, превращается в патологию ненависти к другим народам, в ксенофобию, в откровенный расизм. Об этом шовинистическом, биологическом патриотизме и его уродствах я буду вынужден говорить в заключительных главах нашей книги.

Мне хорошо известен и либерализм от злости к России, от откровенной русофобии. Он, этот либерализм от так называемого «государственного отщепенства», ведет к

разрушению всего устойчивого, всего, что является национальной ценностью для русских, что освящено памятью истории. Примером тому нынешняя «либеральная» борьба с попытками ввести факультатив об истории российского православия в русских регионах Российской Федерации.

Но хорошо известен и патриотизм от невежества и умственной неполноценности, когда человек сводит все свои беды, свои профессиональные неудачи к козням и проискам «масонов», когда для одних во всем виноваты русские, для других во всем виноваты евреи, для третьих — татары. Мы имеем дело в данном случае не с патриотизмом в точном смысле этого слова, с сыновней привязанностью к Отечеству, а с мут-

41

Глава 1. *Правда и вымыслы о русском патриотизме*

ностью мыслей и чувств, когда весь мир видится как скопище врагов России, когда за каждой нашей ошибкой, неудачей видится заговор или измена. Все дело, как уже было сказано, в том, что патриотизм в точном смысле этого слова предполагает не только любовь к Родине, но и ощущение своей личной ответственности за ее судьбу, ее благосостояние. Патриотизм без мысли, совести, без развитого чувства личной ответственности мертв. Патриотизм предполагает не злость и ненависть к врагам страны, хотя без этой злости и ненависти к врагам нельзя победить во время отечественных войн. Но все же для патриотизма важнее мужество мысли, мужество видеть все слабости своего народа и признавать его ошибки. Без этого, без мужества видеть правду, патриотизм никогда не станет созидательной, конструктивной силой.

Среди людей, считающих себя патриотами, можно встретить и откровенных уродов, живущих ненавистью к другим народам и бредовыми идеями. И Россия, и русские не являются исключением из этого правила. Хотя, если никому не придет в голову отрицать ценность свободы на том основании, что свобода может быть использована и во вред, может стать свободой насилия и преступления, то и патриотизм нельзя поносить за то, что он иногда перерастает в национализм и ксенофобию.

Но справедливости ради не могу не сказать, что русские (в прошлом великороссы) среди славян наименее податливы к национализму и ксенофобии. Это надо говорить сегодня, ибо в последнее время у нас в новой России появилась мода разоблачать так называемый «русский фашизм», говорить, что более половины населения страдает ксенофобией. Еще раз приходится повторять. Нередки случаи, когда необходимая и нужная борьба с отдельными проявлениями ксенофобии и русского этнического национализма перерастает в борьбу с русским народом, в попытки дискредитации большинства и прежде всего государственно-образующего этноса. Но не следует забывать и о случаях, когда самолюбование, пустое на-

42

1.5. *Русские — самая веротерпимая нация Европы*

циональное тщеславие, когда гордыня национального патриотизма оборачивается высокомерным отношением к другим народам и даже к нашим соотечественникам.

1.5. Русские — самая веротерпимая нация Европы

Но все эти разговоры об угрозе «русского фашизма», об «угрожающем росте в России ксенофобии и антисемитизма» — обман и ложь. Они не подтверждаются фактическими данными. Все наблюдаемые нами в последнее время проявления бытового национализма, ксенофобии (а где их в Европе нет?) кроются не в русском характере, а в провале, вернее, отсутствии какой-либо продуманной социальной и эмиграционной политики у руководства страны в 1990-е годы.

На самом деле, и об этом известно давно, русские являются самой веротерпимой нацией из всех народов Европы. Если бы они были другими, если бы они не отличались веротерпимостью, то они бы никогда не создали свою многоконфессиональную империю. Русские, как любит говорить Нурсултан Назарбаев, являются единственной евразийской

нацией из все*"народов Европы, которые абсолютно лишены какой-либо азиатophobia. Еще более нелепы обвинения в великодержавном шовинизме по отношению к нынешним русским, которые сами, по собственной воле разрушили свою империю, ушли не только из Средней Азии, Закавказья, Прибалтики, но и со своих русских и древнерусских земель, ушли из Крыма, Новороссии, Белоруссии, Северного Казахстана.

На самом деле беда в другом, на чем я более подробно остановлюсь во втором разделе этой работы, — беда в отсутствии у нынешних русских развитого национального самосознания, развитого национального достоинства, необходимого для того, чтобы сохранить остатки своего национального государства.

«Русскому народу совсем не свойственен агрессивный национализм, склонности насильственной русификации. Рус-

43

Глава 1. Правда и вымыслы о русском патриотизме

ский не выдвигается, не выставляется, не презирает других». Увы, считал он, один из лучших сынов России, беда в другом: «Русские почти стыдятся того, что они русские: им чужда национальная гордость и часто даже — увы! — чуждо национальное достоинство» [22].

Все эти облыжные обвинения русских в якобы свойственной им «прирожденной ксенофобии» или разговоры о русском фашизме стали возможны оттого, что на самом деле русские не могут постоять за свою честь и достоинство, что очень часто в российском государстве некому постоять за честь и достоинство русских.

В русском национальном менталитете достаточно слабых мест и недостатков, русские не могут похвастать организованностью и аккуратностью, самостоятельностью и в действиях и в мышлении. Хорошо известно, что русские больше всего страдают от своего долготерпения, инертности. На эту тему еще в дореволюционной России написаны тысячи страниц. Об этом — и дефектах нашей души, которые обернулись в том числе и изуверствами большевизма, — мы будем говорить в заключительных главах книги. Но уже Федор Достоевский говорил, что «находить вероисповедную нетерпимость в русском человеке — грешно, просто грешно». «Поверьте, — писал об этом же великий писатель земли русской, — что нигде на Западе и даже в целом мире не найдете вы такой широкой, такой гуманной веротерпимости, как в душе настоящего русского человека» [23].

Русские куда меньше националисты, чем немцы, поляки, французы, по той простой причине, что русское национальное самосознание намного слабее, чем национальное самосознание других европейских народов, связано с кровью. Русскость в дореволюционной России была связана прежде всего с верой, с православием, она определялась моральным, духовным выбором, соединением самого себя, своей жизни и с русским бытом и с русским языком, и с российской государственностью, но самое главное, соединением себя с русским народом.

44

1.5. Русские — самая веротерпимая нация Европы

У Федора Достоевского мы находим два наиболее емких определения русскости: «Стать русским значит перестать презирать народ свой». Или же: «Не православный не может быть русским». В этих определениях русскости нет ни грана этничности [24].

Все русские мыслители, мыслители-патриоты, были убеждены, что ощущение Родины, ощущение принадлежности к русской нации есть прежде всего «нечто от духа и для духа». «Есть люди — развивал эту мысль Иван Ильин — никогда не бывавшие в России и еле говорящие по-русски, но сердцем поющие и трепещущие вместе с Россией; и обратно, есть люди, русские по крови, происхождению, месту пребывания, быту, языку и государственной принадлежности — и предающие Россию, ее судьбу, жилище, ее тело, ее колыбель и ее самое во славу материализма и интернационализма» [25].

Смердяков, герой романа «Братья Карамазовы», сожалеющий, что французы в 1812 году не завоевали Россию, — национальный, русский типаж.

Конечно, и голос крови играет роль в выборе Родины и в выборе нации. Это легче, когда ты с детства знаешь, что язык, на котором ты говоришь, является языком твоих предков, что народ, который тебя окружает, — это твой народ, что государство, в котором ты родился и в котором тебе суждено жить, является твоим государством и т. д. Но все равно даже эту кровнородственную близость к русскости не понять без работы души и ума. «Чтобы постигнуть сущность Родины, необходимо уйти в глубь своего сердца» (И. Ильин).

Конечно, когда мы говорим о сохранении национального облика страны, культуры, театра, то важно заботиться о том, чтобы гены нации, заложенные в художнике, политике, все же могли проявиться. Важно, чтобы сохранился русский народный фольклор, национальный театр, национальный стиль мышления. Но самым важным геном является отношение того, кого мы наблюдаем, к русскому народу, к тому народу, среди которого он родился, вырос и живет. А это уже зависит от воспи-

45

Глава 1. *Правда и вымыслы о русском патриотизме*

тания, которое он получил в семье, от окружающих. Тот же Владимир Даль, потомок обрусевшего датчанина, писал: «Дух, душа человека — вот где надо искать принадлежность его к тому или другому народу». И не зря же говорят, что русский — это состояние души человеческой.

Конечно, правда состоит в том, что русские являются государственно-образующим в историческом смысле этносом нашего многонационального государства. Никуда не уйти от того факта, что Россия будет существовать только тогда, когда у представителей наиболее многочисленного, государственно-образующего этноса сохранится в той или иной форме национальное сознание, чувство привязанности к своей земле, желание ее защищать, беречь ее достоинство. Если нынешние темпы разложения, социальной и моральной деградации русской нации сохранятся, то никакие другие народы уже не смогут удержать за Российской Федерацией ее необъятные территории, ее несметные богатства. И только тот, для кого русский народ — это не чужой, а свой народ, русская история — это своя история, в состоянии проникнуться всей полнотой российского патриотизма. Для того чтобы стать русским, надо прежде всего душой породниться с русским народом. Кстати, Лев Николаевич Толстой, который действительно не любил слово «патриотизм», по этой своей душевной привязанности, близости к русскому народу был очень русским, очень патриотическим человеком.

Хотя в то же время необходимо помнить, что идеи патриотизма не совпадают с идеологией народничества. Идеологи сознательного патриотизма (на это обращал особое внимание русский философ Семен Франк — речь прежде всего шла о Петре Струве) не страдали так называемым «низкопоклонством» перед народом, не полагали, что народ всегда глаголет истину. Истинный патриот, как полагали его проповедники, иногда должен идти против мнения большинства. Необходимо отличать народ как одухотворенное целое от «толпы», «массы», настаивал в свою очередь И. Ильин. Соединяя свою судь-

46

1.5. *Русские — самая веротерпимая нация Европы*

бу с судьбой своего народа, писал Ильин, истинный патриот «не сливается с жизнью темной массы, которая в дни бунта бывает, по бессмертному слову Пушкина, „бессмысленна и беспощадна“, он не приносит себя в жертву бедной или роскошествующей черни (ибо чернью называется вообще жадная, бездуховная, противогосударственная масса, не знающая Родины или забывшая ее); он отнюдь не пресмыкается перед „множеством“ только потому, что на его стороне количество, и не считает, что большинство всегда одарено мудрою и безошибочною волею» [26].

Нельзя не видеть, что очень часто это ощущение сопричастности и к истории русского народа, и к судьбе его государства у тех, кто не был по крови русским, было

даже выше, чем у этнических русских. И это, наверное, объясняется тем, что у нерусских русскость была результатом большой работы души, по настоящему духовный выбор. Выдающийся русский философ, еврей по происхождению, Семен Франк обращал внимание, что идеи русского сознательного патриотизма, русского государственничества чаще всего исповедовали и развивали представители нерусских народов. Он, в частности, обращает внимание, что в начале XX века, после поражения России в войне с Японией первым стал пропагандировать русский государственный патриотизм, защищать достоинство России и русского национального самосознания немец по крови Петр Бернгардович Струве. «Немец по своему происхождению (его мать тоже была обрусевшая немка из прибалтийского края, баронесса Розен), проведший свое детство в Германии, он ощущал себя не только исконно русским человеком (что случается едва ли не со всеми иностранцами, переселившимися в Россию), но и горячим русским патриотом; и в центре его интересов и его служения стояла именно Россия и ее судьба». И здесь же: «Сознание Родины, как высшей ценности, и служение Родине — не только ее земным нуждам в плане эмпирической действительности, но и самой ее духовной реальности, как некоего соборного лица — не нуждалось у П. Б.

47

Глава 1. *Правда и вымыслы о русском патриотизме*

тания, которое он получил в семье, от окружающих. Тот же Владимир Даль, потомок обрусевшего датчанина, писал: «Дух, душа человека — вот где надо искать принадлежность его к тому или другому народу». И не зря же говорят, что русский — это состояние души человеческой.

Конечно, правда состоит в том, что русские являются государственно-образующим в историческом смысле этносом нашего многонационального государства. Никуда не уйти от того факта, что Россия будет существовать только тогда, когда у представителей наиболее многочисленного, государственно-образующего этноса сохранится в той или иной форме национальное сознание, чувство привязанности к своей земле, желание ее защищать, беречь ее достоинство. Если нынешние темпы разложения, социальной и моральной деградации русской нации сохранятся, то никакие другие народы уже не смогут удержать за Российской Федерацией ее необъятные территории, ее несметные богатства. И только тот, для кого русский народ — это не чужой, а свой народ, русская история — это своя история, в состоянии проникнуться всей полнотой российского патриотизма. Для того чтобы стать русским, надо прежде всего душой породниться с русским народом. Кстати, Лев Николаевич Толстой, который действительно не любил слово «патриотизм», по этой своей душевной привязанности, близости к русскому народу был очень русским, очень патриотическим человеком.

Хотя в то же время необходимо помнить, что идеи патриотизма не совпадают с идеологией народничества. Идеологи сознательного патриотизма (на это обращал особое внимание русский философ Семен Франк — речь прежде всего шла о Петре Струве) не страдали так называемым «низкопоклонством» перед народом, не полагали, что народ всегда глаголет истину. Истинный патриот, как полагали его проповедники, иногда должен идти против мнения большинства. Необходимо отличать народ как одухотворенное целое от «толпы», «массы», настаивал в свою очередь И. Ильин. Соединяя свою судь-

46

1.5. *Русские — самая веротерпимая нация Европы*

бу с судьбой своего народа, писал Ильин, истинный патриот «не сливается с жизнью темной массы, которая в дни бунта бывает, по бессмертному слову Пушкина, „бессмысленна и беспощадна“, он не приносит себя в жертву бедной или роскошествующей черни (ибо чернью называется вообще жадная, бездуховная, противогосударственная масса, не знающая Родины или забывшая ее); он отнюдь не пресмыкается перед „множеством“ только потому, что на его стороне количество, и не

считает, что большинство всегда одарено мудрою и безошибочною волею» [26].

Нельзя не видеть, что очень часто это ощущение сопричастности и к истории русского народа, и к судьбе его государства у тех, кто не был по крови русским, было даже выше, чем у этнических русских. И это, наверное, объясняется тем, что у нерусских русскость была результатом большой работы души, по настоящему духовный выбор. Выдающийся русский философ, еврей по происхождению, Семен Франк обращал внимание, что идеи русского сознательного патриотизма, русского государственничества чаще всего исповедовали и развивали представители нерусских народов. Он, в частности, обращает внимание, что в начале XX века, после поражения России в войне с Японией первым стал пропагандировать русский государственный патриотизм, защищать достоинство России и русского национального самосознания немец по крови Петр Бернгардович Струве. «Немец по своему происхождению (его мать тоже была обрусевшая немка из прибалтийского края, баронесса Розен), проведенный свое детство в Германии, он ощущал себя не только исконно русским человеком (что случается едва ли не со всеми иностранцами, переселившимися в Россию), но и горячим русским патриотом; и в центре его интересов и его служения стояла именно Россия и ее судьба». И здесь же: «Сознание Родины, как высшей ценности, и служение Родине — не только ее земным нуждам в плане эмпирической действительности, но и самой ее духовной реальности, как некоего соборного лица — не нуждалось у П. Б.

47

Глава 1. *Правда и вымыслы о русском патриотизме*

в каком-либо обосновании. Оно просто было непосредственным чувством, доминирующей страстью его жизни» [27].

Впрочем, русский сознательный патриотизм, служение России и ее культуре были и непосредственным чувством, и непосредственным делом самого Семёна Франка. В конце концов, не следует забывать, что последний в ряду великих идеологов духовного патриотизма И. Ильин был по матери немец.

Российская империя и великая русская культура, великие русские воинские победы были результатом деятельности, творчества всех ее народов.

Не каждый русский становится и является патриотом. Но каждый, кто является патриотом, кто любит и ценит Россию, является русским. Русским был еврей по происхождению адмирал Нахимов. Русским был армянин по происхождению, флотоводец, адмирал Лазарев. Русским был грузин по происхождению, герой Отечественной войны 1812 года, генерал Багратион. Русским был немец по происхождению, герой Отечественной войны 1812 года, генерал Барклай де Толли.

Повторяю: русскость является, прежде всего, моральным, духовным выбором. Русскими героями являются руководители белого движения, потомок казахов генерал Корнилов, потомок датчан Врангель, рожденный в Варшаве от польской матери генерал Антон Деникин. Русский, как уже было сказано, это прежде всего русская душа.

В том-то и дело, что сама идея «суверенитета РСФСР», идея создания русской этнической республики по образцу латышской и литовской республик, была вызовом не только здравому смыслу, но и всей русской истории последних по крайней мере четырех веков. Нет чисто этнической русской культуры и русской общественной мысли. Куда вы денете нерусского, полуполяка, полуукраинца 17голя? Куда вы денете всех потомков татар, ярко представленных и в русской литературе и в русской науке — Карамзина, Тургенева, Сергея Булгакова? В конце концов, семейство славянофилов Аксаковых имеет и турецкие корни.

48

1.5. *Русские — самая веротерпимая нация Европы*

Но если русский патриотизм — это прежде всего моральная категория, это моральный выбор, выбор дела служения Отечеству, то как оценить действия тех, кто это святое чувство пытается опорочить? Не хочется прибегать к сталинской лексике. Но все

же иначе как вредительством, сознательной порчей души народа нашу «либеральную» борьбу с патриотизмом и как с чувством, и как с моральной ценностью не назовешь. Впрочем, не стоит недооценивать и «патриотический вред» идеалам и ценностям сознательного русского патриотизма со стороны так называемого шовинистического, биологического патриотизма. Соблазны национальной исключительности так же развращают душу, как и соблазны национального нигилизма.

Если патриотизм, тем более русский, российский патриотизм, предполагает большую работу души и ума, то просто преступно мешать этой духотворящей работе.

Надо называть вещи своими именами. Все те, кто ополчился на патриотизм, хотя и на самом деле закрепить нынешнее «дефектное состояние» русской нации, состояние бездуховности. Борьба с патриотизмом сегодня может быть приравнена к борьбе с совестью, со стыдом. Надо понимать, что патриотизм, привязанность к Родине, к Отчизне являются фундаментальными основаниями духовно развитой личности.

Нет ничего хорошего в том, что сегодня более восьмидесяти опрошенных молодых людей, согласно данным наших социологов либерального толка, равнодушны к такой нашей национальной святыне, как патриотизм.

Ведь на самом деле в России на место «святого» патриотизма приходит не «святая» свобода и уважение к личности, а приходит звериный, хуже звериного, эгоизм. Разлом «русской парадигмы», то есть уничтожение традиционной для русского человека привязанности к Родине, сопровождается в российской жизни, к примеру, появлением сотен тысяч матерей-кукушек, отказывающихся от своих детей. Сначала у человека обрывается связь с Родиной, отчизной, нацией,

49

Глава 1. Правда и вымыслы о русском патриотизме

затем — со своими родителями, потом даже с собственными детьми. Драма. У нас каждый год матери оставляют 120 тысяч новорожденных детей в родильных домах.

Когда нет ощущения личной привязанности ни к своей семье, предкам, ни к своему народу, Отчизне, когда в человеке нет ничего, кроме жажды удовольствий, кроме индивидуализма, то и нет реального места для появления в его душе чувства стыда, совести, потребности в сострадании. Социализм во многом разрушил русского человека тем, что лишил его православной веры, лишил его естественной моральной привязанности к своим родителям. Идеология, которая сделала своим героем Павлика Морозова, доносителя на своих близких, не могла не поколебать, не подорвать семью, на которой держится все человеческое и духовное.

Наши же либералы, борцы с патриотизмом и национальным сознанием, покушаются уже на последнее, что все же осталось в советское время, но что подвергается сомнению сейчас, — на патриотизм, на чувство связи индивида с жизнью и победами своей страны.

1.6. Патриотизм — духовная опора творчества

Еще раз необходимо повторить. Патриотизм — естественное чувство любого нормального, духовно развитого человека. Патриотизм как любовь к Родине, преданность родной земле, является высшей связью личного и общественного, коллективного. Духовная привязанность к своему народу, нации, ее прошлому, преданиям, ее борьбе за независимость придает жизни и деятельности индивида общественный смысл, дает точку опоры, делает его человеком в подлинном смысле слова. Патриотизм — духовная опора всех высших проявлений духа, героизма, подвижничества, художественного творчества. Но в то же время ненависть человека к своему государству, к своей нации превращает его в уродца, в недочеловека. Все,

50

1.6. Патриотизм — духовная опора творчества

что создается вне связи с Родиной, вне связи с традициями и ценностями народа, мертво, порочно.

В сущности, нельзя быть русским, не будучи патриотом, не испытывая благоговения перед святынями, прошлым нашей Родины. И ничего нельзя добавить к тому, что увидел, прочувствовал в душе русского человека гений Пушкина:

Два чувства давно близки нам, В них обретае сердце пищу — Любовь к родному пепелищу, Любовь к отеческим гробам. На них основано от века По воле Бога самого Самостоянье человека Залог величия его. На них основано семейство И ты, к отечеству любовь Животворящая святыня! Земля была без них мертва. Без них наш тесный мир — пустыня. г- Душа — алтарь без божества.

В сущности, душа, лишенная любви к Отечеству, не просто больна, она мертва, ее просто нет. Ложь и опасность нынешнего российского либерализма как раз и состоит в том, что он покушается, как говорит Пушкин, на основы «самостоянья человека», на любовь к Отечеству как самые глубинные, фундаментальные основания души человека.

Честно говоря, есть что-то глубоко антирусское, чуждое всей русской общественной мысли, всей русской культуре в попытках наших либералов выдать национальное отщепенство, отщепенство от своего государства, от своей национальной религии за признак цивилизованности, «продвинутой», как сейчас принято говорить. На самом деле всегда и у всех народов соотношение между национальным нигилизмом и способ-

51

Глава I. Правда и вымыслы о русском патриотизме

ностью к созиданию, к творчеству носило прямо противоположный характер.

Конечно, патриотизм бывает разный, и даже brutальный, но меня всегда смущала наша либеральная враждебность вообще к слову «патриотизм», какое-то тупое, совсем не либеральное отвращение к этому понятию, ко всему, что связано с попытками выделить и понять свои российские национальные интересы, что связано с соображениями военной, экономической и духовной безопасности.

Еще раз повторяю: нет будущего у страны, где подавляющая часть интеллектуальной и политической элиты заражена национальным нигилизмом, каким-то зоологическим отвращением ко всему, что невозможно подчинить универсальному, отдать во власть рынка, конкуренции.

Я уже говорил, что в России с ее драматической историей не так-то просто обрести Родину, обрести любовь к «родному пепелищу». Любовь к России требует самоотвержения, умения духовно преодолеть все старые и уже новые посткоммунистические уродства нашей жизни. Я понимаю, что иногда нет силы духа, почвы для этого самоотвержения, нет силы полюбить Россию вопреки многим страшным фактам. Но если тебе это не удалось, если Россия остается для тебя чужой, то не поноси худым словом тех, кому любовь к России нужна, для кого она является изначальной ценностью.

Если ты считаешь себя либералом, европейцем, то научись уважать духовную жизнь, духовное творчество как самоценность.

На примере того же Пушкина видно, как писал Семен Франк, что «связь с „родным пепелищем" и с „родным прошлым" не сужает, не ограничивает и не замыкает человека, а, будучи единственной основой его „самостояния", есть, напротив, основа подлинной свободы и творческой силы, „залог величия" личности — и, тем самым, народа. Укорененность в родной почве ведет к расцвету духовной жизни, тем самым расширяет человеческий дух и делает его восприимчивым ко всему общечеловеческому» [28].

52

1.6. Патриотизм — духовная опора творчества

Аксиомой и для всех русских писателей, и для всех русских философов является утверждение, что, не зная, не чувствуя своего особого национального интереса, невозможно прийти к пониманию интересов всего человечества. «Прежде, чем понять общечеловеческие интересы, надобно усвоить себе хорошо национальные, потому что после тщательного только изучения национальных интересов будешь в состоянии отли-

чать и понимать чисто общечеловеческие интересы». Последние слова принадлежат Федору Достоевскому [29].

Складывается впечатление, что наш нынешний либеральный национальный нигилизм, вся эта «либеральная» борьба с патриотизмом и с любовью к «отеческим гробам», порожден еще и общим советским, марксистским «опусканием» гуманитарной культуры, утратой интереса к духовной стороне бытия человека. Надо учитывать, что наша советская интеллигенция, так называемые шестидесятники, составляющие костяк воителей нашего либерализма, еще более далеки от русского народа, от простого русского крестьянина, простого русского рабочего, чем образованные классы дореволюционной России. Разночинцы все же пошли в народ, решили у него учиться правде русской жизни. Нынешняя, все еще советская интеллигенция ставит себе совсем другую задачу, она хочет поломать русский «архетип», поломать так называемый «русский вектор развития». Правда, при этом они, наши либералы, воюют с ветряными мельницами. На самом деле (об этом последние главы книги), нет особого русского общинного «мы», не было и, к сожалению, нет особого русского «государственнического инстинкта».

Но человек, сознательно порвавший со своим государством, Россией, с интересами и ценностями своего народа, превращается в перекасти-поле, в былинку, не имеющую ни веса, ни цены*.

* «Все „родное“, „родственное“ означает „свое“, „сходное“ и близкое по духу и чувству. 1 laini народны» — пословицы поясняют это, говоря, что „Рыбам —

53

Глава 1. *Правда и вымыслы о русском патриотизме*

Еще раз хочу сказать, что надо видеть правду такой, какая она есть: и среди простого народа, и особенно в интеллигентской среде много тех, кто не любит Россию и очень критически относится к достоинствам русского народа. Этот национальный нигилизм распространен в немалой степени и среди этнических русских. И в русской истории, и в русском характере можно найти много поводов для национального нигилизма, для критического отношения и к своему народу, и к своей стране.

Но надо видеть, что тот русский, кто поддался соблазнам нигилизма, кто еще в молодости убедил себя в том, что в России, как принято говорить, не может быть ничего хорошего, что здесь «вор сидит на воре и вором погоняет», сам страдает от неверия в свой народ больше всего. Русскому еврею или русскому армянину еще можно найти спасение от своего отторжения от России, где он родился, которая является его Родиной. Он, в конце концов, может найти успокоение души в достоинствах своего древнего народа, в его истории.

Но у русского нет другой «исторической Родины». Поэтому для русского национальный нигилизм — это гибель, духовная смерть. Тот, кто морально предает свой народ, его достоинство, свою веру, на самом деле никому другому не нужен. Его могут подкармливать, стимулируя его речи о «врожденной русской ксенофобии» или о «врожденной русской лени». Но он никогда на самом деле не станет своим ни среди американцев, ни среди французов, немцев и т.д.

море, птицам — воздух, а человеку Отчизна — вселенный круг", почему за Отечество „живот кладут" и „кости по родине плачут". Если оскудевшая душа человека или его подорванный разум не находят уже благословения для Отечества — то это значит, что такое человек не способен ничего любить горячее, самоотверженной любовью... Самоотверженности любви, самоотверженности творчества, которое дается лишь любовью, уже не может быть у человека, утратившего светлое чувство любви к Отечеству, то есть ко всей совокупности миллионов окружающих людей с сотнями миллионов предков, с сотнями миллионов будущих поколений, совместно творящих одно дело... [30].

54

1.6. *Патриотизм — духовная опора творчества*

Ненавидящий Россию русский интеллигент мертв в творческом отношении, ибо у него нет того, на чем держится любое творчество, нет ни веры в свой народ, ни желания как-то облагородить жизнь своего народа, желания побороться за лучшее будущее своих детей и внуков. Такой человек лишает себя многих духовных радостей в жизни, ибо он не умеет, не хочет радоваться очевидным успехам своей страны, не хочет видеть те скромные, но все же позитивные перемены, свидетелями которых в последние годы мы являемся.

Но тот, кто полюбил Россию вопреки всему, кто прошел через катарсис русского патриотизма, во многом счастлив, ибо он расширил для себя поле духовного счастья.

По сути, и об этом надо говорить прямо, ведущаяся уже 15 лет война наших либералов против российского патриотизма является своеобразным насилием над совестью народа, кражей духовного здоровья и национального счастья у многих и многих людей.

Правда состоит в том, что нынешнее «либеральное» восстание против патриотизма является вызовом всей русской культуре, всей русской литературе. Может быть, по этой причине нбвое поколение изучает русскую литературу не по произведениям Пушкина, Гоголя, Тургенева, Достоевского и Толстого, а по нововелу Сорокина.

Главным оправданием русского патриотизма является тот факт, что этим чувством сыновней привязанности к Родине, к России обладали все гении русской культуры, русской общественной мысли, все те, кто своим талантом обогатил мировую культуру. И Пушкин, и Иван Тургенев, и Николай Гоголь, и Федор Тютчев, и Федор Достоевский.

И как точно подметил Федор Достоевский в своей знаменитой лекции о Пушкине, в основе этой сыновней любви к Родине лежит вера в свой русский народ, вера в самого себя, вера в то, что мы многое можем. Чтобы стать русским патриотом, писал он, прежде всего необходимо выйти «на спасительную дорогу смиренного общения с народом». Русское решение

55

Глава 1. *Правда и вымыслы о русском патриотизме*

вопроса состоит прежде всего в том, чтобы жить «по народной правде и вере»: «Смирись, праздный человек, и, прежде всего, потрудись на родной ниве», вот это решение по народной правде и народному разуму. Не в вещах эта правда, не вне тебя и не за морем где-нибудь, а прежде всего в твоём собственном труде над собою. «...И узришь счастье, что наполнится жизнью твоя, и поймешь, наконец, народ, свою святую правду его» [31].

Сыновьей любовью к России пронизана вся публицистика Николая Васильевича Гоголя. Он восстает против тех, «которые утверждают, что в России нельзя сказать полной правды и что она у нас колет глаза!» «Нет, — говорит он. — Имей такую чистую, такую благоустроенную душу, какую имел Карамзин, и тогда... все тебя выслушают. И выслушает с такою любовью, с какой не выслушивается ни в какой земле ни парламентский защитник прав, ни лучший нынешний проповедник, и с какой любовью может выслушать только она чудная наша Россия, о которой идет слух, будто она вовсе не любит правды» [32].

Для всех русских писателей, мыслителей было близко пушкинское восприятие России как своей страны, русской истории как своей истории, все они «ни за что на свете... не хотели бы переменить Отечество или иметь другую историю, кроме истории наших предков, какую бы нам Бог ни дал».

Тем, кто сегодня говорит о патриотизме как о признаке духовной бедности, тем, кто пытается принизить и оскорбить национальные чувства, мы отвечаем строгими и мужественными словами Тургенева, великого патриота земли русской: «Россия без каждого из нас обойтись может, но никто из нас без нее не может обойтись. Горе тому, кто это думает, двойное горе тому, кто действительно без нее обходится. Космополитизм — чепуха, космополит — нуль, хуже 1гуля: вне народности ни художества, ни истины, ни

жизни, ничего нет. Без физиономии нет даже идеального лица, только пошрое лицо возможно без физиономии».

56

1.6. Патриотизм — духовная опора творчества

Конечно, каждый гражданин России сохраняет за собой право мировоззренческого, политического, морального выбора. Мы живем в демократической стране, и каждый может выехать из нее, попытаться счастья на чужбине, за границей. Но, честно говоря, я не могу понять тех, кто ненавидит Россию, клянет ее, но тем не менее продолжает здесь жить. Государство, если оно является государством, обязано бороться с попытками либералов навязать России психологию «перекасти-поле», навязать аномалию, т. е. ненависть к своей собственной стране всем другим людям. Необходимо бороться с попытками превратить то, что мы назвали национальным и государственным отщепенством, в эталон интеллигентности и культурности. Сейчас ситуация меняется в лучшую сторону. Теперь национальный нигилизм всего лишь один «угол» зрения на наши проблемы. Но все же я не вижу у властей предрержащих желания усилить позиции тех, кто мог бы с успехом противостоять все еще продолжающейся с экранов телевидения проповеди национального нигилизма.

И не случайно у молодых, кто душой выбрал свою Родину, Россию, кто не мыслит своего будущего вне ее, вызывает удивление инерция и равнодушие власти, порой не желающей обуздать, поставить на место тех, кто откровенно борется со святыми для русского человека чувствами, с идеей служения Отечеству, с российским патриотизмом, кто пытается дискредитировать и русские Победы и русские святыни.

Конечно, до революции того «сознательного» патриотизма, того «сознательного» государственничества, о котором говорили и Петр Струве, и Семен Франк, на самом деле было мало и среди народа и среди интеллигенции. Об этом речь во второй главе нашей книги. Если бы в России сознательного патриотизма было много, то вряд ли бы большевики пришли к власти.

Но все же нельзя забывать, что любой патриотизм, даже стихийный, народный патриотизм, как проявление глубинной, бессознательной привязанности и к своей нации, и к своей

57

Глава 1. Правда и вымыслы о русском патриотизме

стране, в экстремальной ситуации проявляется всегда одинаково, как готовность пожертвовать собой во имя других, как самый последовательный коллективизм. Конечно, как будет показано дальше, подневольному человеку трудно придти к сознательному патриотизму, осознанию самоценности государства и национальной жизни. Сегодня трудно полюбить Россию и умом, и сердцем тем, кто видит, что честным, даже самоотверженным трудом многого в России не добьешься, кто оказался не по своей вине в роли изгоев в новой России.

Но мы не имеем права забывать, что воинские подвиги, совершенные крепостными крестьянами, были проявлением свободного духа, проявлением чувства долга. Верно замечание великого русского философа Н. Бердяева, что у русского человека внутренняя свобода всегда была велика.

Трудно понять, почему гордость за военное величие своей державы, за победы над Наполеоном и Гитлером, мешает русскому человеку любить свободу и уважать частную собственность. Кстати, патриотизм является более органичным и глубинным чувством, чем просто гордость за «сверхдержавную мощь» России. Героизм, продиктованный патриотизмом, вызван прежде сыновней преданностью своей стране, своему народу. Он был и патриотизмом Минина и Пожарского, когда не было никакой «державной мощи», и патриотизмом героев обороны Севастополя, патриотизмом героев Льва Толстого, которые еще не знали о появлении «державной мощи».

Всегда, во всех обществах ослабление патриотизма, привязанности человека к

Родине, к народу, к государству является признаком деградации, распада. В любой, самой демократической и самой рыночной стране патриотизм, как мобилизационный, последний ресурс, холится и оберегается. Скажу сразу, у меня складывается впечатление, что и в постсоветскую эпоху власть не всегда с умом и целенаправленно использовала все еще сохранившийся у России мобилизационный ресурс. Рискну утверждать, что избранный нами вариант преемства курса, конечно, во многом неизбежный, подорвал

58

1.6. Патриотизм — духовная опора *творчества*

в значительной мере мобилизационный ресурс патриотического происхождения. Важно понимать, что завоеванный властью 2 марта 2008 года частично либеральный ресурс, до этого находившийся в оппозиции, надежен только в стабильной ситуации, когда все спокойно.

По крайней мере, при всем необходимом в нынешних условиях либеральном начале в экономике, ни в коем случае нельзя предавать забвению ценности патриотизма в идеологии.

В современных США существует разветвленная сеть государственного воспитания патриотизма. Хорошим тоном считается вывешивание национального флага США у каждого частного дома, тем более — у различного рода офисов. Каждый, кто хочет стать гражданином США, изучает специальный курс по истории своей страны, а потом сдает экзамен. В США воспитывается также подчеркнутое уважение к армии, к человеку в мундире. Радует тот факт, что наши недавние победы в спорте — в хоккее, футболе, связали сердца многих россиян с новой Россией, с новым государственным флагом.

Дело еще и в том, что ослабление старого русского патриотизма, когда «за державу обидно», на самом деле не ведет к «патриотизму свободного человека». Патриотизм и отсутствие каких-либо обязательств перед своим государством, народом несовместимы.

В современном «западном сообществе» нет ни одной нации, которая бы обошлась без возвеличивания своих побед и своих героев, которая не оберегала бы свой «суверенитет», и свою «державность», и святыни патриотизма. Абсолютно все нации Европы, как и русские, консолидировались перед лицом военной угрозы. И даже свое имперское прошлое все нации оберегают, как святыню. В главном Соборе Йорка в Уэльсе (Англия) вы всегда увидите живые цветы у стелы в честь героев-моряков, покорявших Индию. В последнее время на этом поприще воссоздания патриотизма особенно отличается современная Англия. В начале 2005 года под предводительством

59

Глава 1. *Правда и вымыслы о русском патриотизме*

королевы Великобритании ее подданные пышно, с морским парадом отметили двухсотлетний юбилей победы адмирала Нельсона над флотом Наполеона. 2006 год ознаменовался призывом преемника Блэра министра финансов Джорджа Брауна воссоздать патриотизм Соединенного королевства, «воспитывать уважение к национальному флагу и к национальным ценностям, к свободе и справедливости».

В восстановленном Королевском замке в Варшаве на почетном месте висит старая карта Великой имперской Польши, включающей все ее старые территории, Киев, Вильно и даже русский Смоленск. И, как известно, преданность поляков своим национальным победам и своей истории не мешает им любить свободу.

Патриотизм как выражение, проявление национального начала, является прорывом через узкие рамки эгоизма. И в этом смысле патриотизм связан с божественным, мистическим. И опять на помощь нам приходят русские мыслители начала XX века. Великий русский патриот Петр Струве писал: «Никакой человеческой рациональностью или целесообразностью нельзя объяснить, почему ради государства Ивану Сидорову надлежало умирать под Плевной, а какому-нибудь Ота Нитобе сложить свою голову под Порт-Артуром. Точно так же нельзя рациональными мотивами объяснить, почему французу надлежит всегда оставаться французом, немцу — немцем. В этом не сомневаются и об

этом не разговаривают. Это тот „чернозем мысли“, о котором говорил Потебня, „нечто, о чем больше не рассуждают"» [33].

1.7. Особенности российского патриотизма

Конечно, русский патриотизм на то и русский, чтобы иметь свои качественные особенности. Они, на наш взгляд, состоят в особой привязанности русского человека к земле своих предков, в ощущении глубинной, органической связи с Родиной. Факт остается фактом. Никто так тяжело не переживает

60

1.7. Особенности российского патриотизма

судьбу эмигранта поневоле, как русские (так как эмигрантов по своей воле, т.е. за «хорошей жизнью», практически не было). Не случайно русских не было среди основателей Америки.

Патриотизм как процесс духовного обретения Родины, как чувство сопереживания ее болям, как сознательное соединение своей личной судьбы с судьбой страны имеет сложную природу. Тут много идет от чувства, от природного, бессознательного, инстинктивного. Но много в сознательном патриотизме идет и от работы ума, от знаний, воспитания, образования. Поистине нет единого для всех людей пути обретения Родины, привязанности к ней. И.Ильин, изучающий природу патриотизма вообще и русского патриотизма в частности, писал, что один обретает Родину путем соприкосновения с родной «природой и искусством родной страны», другой — через «религиозную веру его народа», третий — через дух народа, «стихию национальной нравственности», четвертый — через осознание «величия государственных судеб родного народа», пятый — через «энергию его благородной воли», шестой — через «свободу и глубину его мысли и т.д.». Но при этом, добавляет Ильин, есть и «патриотизм, исходящий от семейного и родового чувства, с тем, чтобы отсюда покрыть всю ширину и глубину, и энергию национального духа и национального бытия. Но есть патриотизм, исходящий от религиозного и нравственного облика родного народа» [34].

Опыт послереволюционной эмиграции показал, что все же «отрыв от родных пепелищ», от родной природы, русской стихии дается русскому человеку труднее всего. Жизнь вне Родины, вне родного пепелища, как у Пушкина, стала «без них мертва» и «тесный мир» превратился для них в «пустыню». Нельзя не учитывать, что все же самые проникновенные и самые глубокие мысли о русском патриотизме, о том, как русский обретает Родину, написаны русским мыслителем, который в 1922 году потерял Родину. Речь в данном случае идет об исследовании природы русского патриотизма, содержащемся в трудах Ивана Ильина.

61

Глава 1. Правда и вымыслы о русском патриотизме

Много осталось у русского человека, оказавшегося на чужбине, — и слава его отцов, и прекрасный мир русской мысли, и его родной язык. Но вне Родины, вне родной земли все то, чем мог и может гордиться русский человек, ушло на второй план. И тогда в сознании, в душе всплыла лермонтовская любовь к России, любовь к «холодному молчанию» полей, к «дремучему колыханию» ее лесов. Лермонтовский патриотизм идет от глубокого личного единения с природой и с бытом своего народа. Вот только несколько строк из лермонтовского стихотворения «Отчизна»:

С отрадой, многим незнакомой, Я вижу полное гумно. Избу, покрытую соломой, С резными ставнями окно; И в праздник, вечером росистым Смотреть до полночи готов На пляску с гиканьем и свистом Под говор пьяных мужиков.

Для барина Михаила Лермонтова «дрожащие огни печальных деревень» — продолжение его самого, часть его внутреннего мира.

Не могу не сказать, что главный дефект сознания и самое слабое место души новой, уже посткоммунистической элиты состоит как раз в полном и окончательном разрыве с деревней, с российским крестьянством. Эти люди в силу целого ряда причин еще более

далеки от крестьян, от их жизни, забот, чем русские помещики. Факт остается фактом. До недавнего времени, до появления национальных программ, посвященных российскому селу, у посткоммунистической власти не было вообще никакой аграрной программы. Как мы помним, в 90-е откровенно делалась ставка на сворачивание национального сельскохозяйственного производства как «нерентабельного», на окончательное уничтожение российского крестьянства как особой породы людей. Хотя и советский крестьянин, попав

62

1.7. Особенности *российского патриотизма*

в ряды «номенклатуры», достигнув вершины власти, навсегда забывал и о деревне, и о ее жителях. Не следует забывать, что последняя программа ликвидации так называемых «бесперспективных деревень» была выдвинута курским крестьянином Н.С.Хрущевым.

Не знаю, что могут сделать для России политики, эксперты, которые, как они сами говорят, отрицают значимость патриотизма и патриотических чувств. Наверное, они подобных целей себе вообще не ставят. Идея служения Отечеству сегодня не в почете. Я даже не представляю, как можно жить и работать в России, чаще всего быть русским по крови, по воспитанию и ожесточиться душой против всего, что было близко Пушкину, Лермонтову, Тютчеву, всем великим сынам России.

Несомненно и то, что наш нынешний нравственный, духовный кризис еще от слабости патриотических чувств. Как выясняется, суррогатная советская духовность, подпитываемая страхом, все же выше, чем бездуховность современного россиянина, который никого и ничего не боится. Распад советского, во многих отношениях полицейского общества, освобождение от советских страхов, как выяснилось, само по себе не дает ни морали, ни чувства свободы.

Новые «российские либералы» сегодня покушаются не только на патриотические чувства, но и на здравый смысл, на духовную природу человека. Они не учитывают, что все же подавляющая часть людей с радостью обменивает многие материальные блага жизни и удобства цивилизации на возможность жить в своей собственной стране, говорить на своем родном языке, за право и возможность гордиться своей страной. Отсюда и вечное стремление каждого народа сохранить свой язык, приобрести свою государственность, укрепить ее суверенность.

Конечно, когда судьба не заставила тебя мыкаться на чужбине, когда ты не потерял такое великое благо жизни, как быть своим среди своих, говорить на своем родном языке и учить своих детей своему родному языку, такое благо, как

63

Глава 1. *Правда и вымыслы о русском патриотизме*

каждый день радоваться своей родной природе, жить среди нее, ты не в состоянии понять, какое это счастье — быть всегда у себя дома.

Еще раз вспомните, каким великим испытанием была для миллионов русских, оказавшихся после революции на чужбине, вынужденная эмиграция. Им удалось сохранить себя, жизнь, избежать пыток ЧК, но они лишились, как выяснилось, очень многого, лишились счастья ежедневного общения со своей Родиной. Многие бывшие остались в России после победы большевиков, пошли к ним работать только потому, что боялись мук эмиграции, не могли существовать и жить без Родины.

Это неправда, что рыба выбирает, где глубже, а человек — где лучше.

Человек не просто экономический атом, поглощенный всецело заботой о расширении своих личных благ и благ своей семьи. Иррациональное начало, эмоции, привязанность к своим близким, народу, стране, малой Родине играют огромную, решающую роль в жизни человека. Никакими рациональными мотивами не объяснишь, почему француз всегда стремится остаться французом, немец — немцем, поляк — поляком. Никакими рациональными мотивами не объяснишь, почему миллионы людей

боролись за национальную независимость, умирали во имя свободы своего народа. «Можно, — писал Петр Струве, — ненавидеть свое государство, но нельзя ненавидеть свою нацию» [35]. Это действительно противоестественно.

Вся история Европы нового времени опровергает «материалистическую», более точно — хватательную, эгоистическую философию наших нынешних российских либералов. Это неправда, что, как утверждала еще недавно Ирина Хакамада, человек любит только ту Родину, которая обеспечивает ему благосостояние.

Поляки, оказавшиеся после раздела своей страны гражданами Австро-Венгрии, пользовались всеми благами сытой бюргерской жизни. Но они не стали немцами, всегда жили

64

1.7. Особенности российского патриотизма

мечтой о воссоединении страны, о воссоединении с бедными поляками и бедной Восточной Польшей, вошедшей в состав Российской империи. Не менее поучительна история борьбы Гарибальди за воссоединение Италии.

Необходимо видеть, что национальный и государственный нигилизм нынешних либералов опаснее, чем национальный и государственный нигилизм российских марксистов, вернее, марксистов-ленинцев. Большевики боролись с национальными чувствами, с патриотизмом, не выходя за рамки человечности, за рамки культуры. Они только противопоставляли одной форме коллективизма — социальности, национальным чувствам другую форму коллективизма — классовые чувства. Да и государственный нигилизм большевиков не был последовательным. С одной стороны, они проповедовали теорию отмирания государства, а с другой стороны, делали все возможное для укрепления и расширения первого социалистического государства, как плацдарма для наступления на остальной капиталистический мир. Что-то было русское, имперское даже у нашего русофоба Владимира Ильича. Вспомните, как он радовался, когда Красная Армия освободила Владивосток от японцев. Для негр Владивосток был «город нашенский». Сегодня же на многих экспертных «тусовках» исследуется, к примеру, сама возможность существования России без Сибири.

Такая работа на разрушение русскости активно велась в 1990-е годы. Но ведь правда состоит в том, что была и благодатная почва для такой работы. Попытайся разрушать национальное самосознание в других странах, в Польше или, особенно, в Китае! Не получится. Никто тебе этого не позволит, никто твои антипольские или антикитайские речи не будет слушать. А у нас все же слушали и, более того, продолжают слушать. Конечно, не все.

Сегодня трудно понять другое. А почему в новой России, которая сохранила свое старое название, приходится доказывать очевидное, что любовь к Отчизне является естественным состоянием духовно развитого человека, гражданина? Почему

3-3921

65

Глава 1. Правда и вымыслы о русском патриотизме

на самом деле для многих, очень многих сегодня патриотизм как чувство не имеет прежней святости, почему так много среди нас людей, считающих себя русскими, но живущих на самом деле вне русской истории, вне русской культуры, у которых нет никакой заботы о том, чтобы сохранилась «страна родная»? Необходимо с горечью согласиться, что когда наши либералы говорят, что подавляющее большинство россиян не озабочено передачей патриотических ценностей своим детям, то они, конечно, правы. По всем социологическим данным русское национальное самосознание слабее всего развито именно в традиционно русских регионах Российской Федерации.

Сегодня, как выясняется, мало одной проповеди патриотизма и патриотических добродетелей. Конечно, важно, что сегодня во многом благодаря усилиям Владимира Путина как руководителя страны у нас в начале нового столетия произошла по крайней

мере на государственном уровне реабилитация российского патриотизма. У нас Президент не стыдился перед камерами телевидения говорить о Святой Руси, об уважении к национальной истории, национальным святыням. Но не менее важно понять, почему именно в России патриотизм так долго был в загоне, почему мы вынуждены решать задачи, которые отродясь не стояли в других странах, к примеру, в славянской Польше. Сегодня важно понять, почему русский народ, народы в России так часто в двадцатом веке шли за теми, кто призывал их взрывать храмы, надругаться над «отеческими гробами». Многие люди, считающие себя патриотами, полагают, что все дело только в зловредности наших либералов, которые мешают воспитывать молодежь в патриотическом духе, всячески разжижают опоры русского национального самосознания. Но ведь правда состоит и в том, что тот накал патриотических, подвижнических страстей, который был характерен для русского народа, для всех народов бывшего СССР во время борьбы с германским фашизмом во время войны 1941-1945 годов, угас задолго до событий 1991 года, до прихода к власти нынешних врагов русского пат-

66

1.7. Особенности российского патриотизма

риотизма. Ведь если бы на самом деле советские, в том числе и русские советские люди, были «государственниками» и «патриотами», они не пошли бы за теми, кто жаждал, содействовал распаду СССР, распаду исторической России. Нельзя ничего понять в истории русского двадцатого века, не потрудившись узнать и понять реальную историю русского национального самосознания. Вот почему я просто вынужден посвятить все последующие главы своей книги реальной, а не выдуманной истории русского национального самосознания. Повторяю, книга, которую я пишу, о благодатном характере патриотических чувств, о самоценности нации и национального самосознания не была бы нужна большинству народов Европы, и тем более славянским народам — полякам, сербам, хорватам. Нет у многих русских того, что было у апостола Павла, готовности потерять все, даже бога, во имя спасения тела своего народа. «Истину говорю во Христе, не лгу, свидетельствует мне совесть моя в Духе Святом... Я желал бы сам быть отлучен от Христа за братьев моих, родных мне по плоти...» [36]

'_

Глава 2

От какого наследства мы должны отказаться (О причинах вялости патриотических чувств и государственных настроений в современной России)

О русских причинах русских катастроф

Социальные и идеологические причины российского «государственнического» и «национального» отщепенства

О пораженчестве «невыездных»

Август 1991 года: революция человека из подполья

О патриотах, не любящих Россию

Капкан «красного патриотизма».

От Карла Маркса к Константину Леонтьеву

-v

*Когда крушение коммунистического строя станет свершившимся фактом и настоящая Россия начнет возрождаться, - русский народ увидит себя **без ведущего слоя**. Конечно, место этого слоя будет временно занято усидевшими и преходящими людьми, но присутствие их не разрешит вопроса. Прежняя, дореволюционная элита распалась, погибла или переродилась; и то, что от нее сохранится, будет лишь скудным, хотя и драгоценным остатком бывшего национально-исторического достояния. А революционный отбор должен будет отчасти совсем отпасть ввиду своей несостоятельности и неисправности, отчасти же измениться к лучшему как бы на ходу. То, в чем Россия будет нуждаться прежде всего и больше всего — будет новый ведущий слой. Эта новая элита, эта **новая русская национальная** интеллигенция, должна извлечь*

все необходимые уроки из всероссийского революционного крушения. Мало того, она должна осмыслить русское историческое прошлое и извлечь из него заложенный в нем - разум истории-. А история учит нас многому.

И. А. Ильин. Основная задача грядущей России [37]

2.1. О русских причинах русских катастроф

Зрячий, сознательный патриотизм отличается от слепого патриотизма прежде всего мужеством видеть правду, способностью к самосознанию. Патриотизм, построенный на песке, на иллюзиях, на мифах, изначально обречен на поражение. В Россию надо верить. Но после русских катастроф XX века, после катастроф 1917 и 1991 годов, Россию пора понять. Русское самосознание действительно пора освободить «от лживых и фальшивых идеализации, от отталкивающего бахвальства, равно как и от бесхарактерного космополитического отрицания и иноземного рабства» [38]. Примечательно, что про-

70

2.1. О русских причинах русских катастроф

цитированный выше призыв Николая Бердяева к национальной трезвости (1915 год) актуален до сих пор, спустя девяносто лет. И сегодня серьезный патриот и серьезный государственный вынужден бороться на два фронта, и с банальным «шапкокозакидательским» патриотизмом, и с космополитическим нигилизмом. И я не думаю, что нынешний красный, шапкозакидательский патриотизм с его славословием во имя «великих русских революций», с его славословием во имя глубинной «революционности» русского народа представляет меньшую опасность, чем космополитическое, нигилистическое отношение к России и к российскому патриотизму. Национальный нигилизм «либералов» наш народ уже научился распознавать, а от соблазнов красного патриотизма с его проповедью особого русского, соборного пути, с его проповедью, что для того, чтобы стать русским, надо не быть западником, трудно уберечь людей. Очень хочется быть непохожим на других, иметь свои исключительные, неповторимые особенности. В конце концов, все европейские нации выросли из мифов и красивых преданий. Но беда состоит в том, что все наши российские мифы и особенно миф об особом «русском пути развития» мешают нам развиваться, быть конкурентными в этом мире.

Не могу не обратить внимание читателя на то, что на самом деле, вопреки здравому смыслу, чем актуальнее для новой России задача рационализации производства, управления, всего нашего национального бытия, тем сильнее у нас звучит голос тех, кто призывает нас сходить с рельсов европейской цивилизации, с рельсов науки, эффективности, разума, истины и даже с рельсов европейского гуманизма.

Конечно, как уже было сказано, сущностной, коренной чертой патриотизма вообще и русского патриотизма в частности является непоколебимая вера в свою Родину, в свой народ. Вера в духовную, историческую состоятельность русского народа является основой русского патриотизма. Нельзя любить Родину и не верить в нее.

71

Глава 2. От какого наследства мы должны отказаться

Но абсолютно все русские мыслители-патриоты призывали нас не превращать веру в Россию и в русский народ в апологетику, тотальное оправдание всего и вся, вплоть до оправдания безумств и преступлений революционной толпы. Нет оправдания народу, который, по словам Пушкина, поддавшись соблазнам «бессмысленного и беспощадного» бунта, крушит все на своем пути — святыни, храмы, саму жизнь. Есть народ, а есть толпа, по словам Пушкина — «чернь», жадная, бездуховная, противогосударственная масса, не знающая Родины или забывающая ее. Не современному Западу судить о преступлениях большевистской власти. В конце концов, сам большевизм — духовное дитя Европы, дитя революционного коммунизма Карла Маркса. Но мы, наследники своей национальной истории, должны не только ужаснуться многими дичайшими преступлениями «ленинской гвардии» и Сталина, но и понять их истоки.

Патриотизму конца 1980-х — начала 1990-х годов, и красному, и белому патриотизму, как раз и не хватало мужества видеть всю правду российской и советской истории, не хватало мужества поставить вопрос об ответственности русских как преобладающего, государственно-образующего этноса за многие провалы, катастрофы нашей национальной истории.

В те годы многие политики, называющие себя патриотами, любили цитировать Ивана Ильина. Но мало кто прислушался к его совету избегать соблазнов национализма, вредной привычки «оправдывать свой народ во всем и всегда, преувеличивая его достоинства и сваливая всю ответственность за совершенное им на иные „вечно злые" и „предательски враждебные" силы». «Никакое изучение враждебных сил, — развивал свою мысль Ильин, — не может и не должно гасить в народе чувство ответственности и вины или освобождать его от трезво-критического самопознания: путь к обновлению ведет через покаяние, очищение и самовоспитание» [39].

Как мы помним, тогда политики, называющие себя патриотами, объясняли и распад СССР, и крах мировой социа-

72

2.1. О русских причинах русских катастроф

диетической системы до тупости просто, опять-таки ссылкой на «враждебные силы», на этот раз ссылкой на «масонские заговоры», козни ЦРУ, которое якобы подкупило Горбачева и Ельцина.

Но ведь если человек действительно любит свою Родину, всерьез озабочен ее будущим, то он не имеет права не вспомнить, что идея «суверенитета» РСФСР, которая спровоцировала распад СССР и прежде всего распад славянского ядра государства, принадлежит не ЦРУ, а самому русскому народу в лице наших искренних патриотов, писателей-почвенников, в лице лидеров КПРФ. В конце концов, сама идея КПРФ, идея создания «национальной», «русской» коммунистической партии вела к распаду страны. Ведь было件нятно, что после выделения КПРФ из КПСС последняя теряла свое историческое первородство и как наследница русского большевизма, и как правящая партия социалистической России. Ведь всегда, особенно после революции, понятия СССР и «социалистическая Россия» были синонимами.

Мужество сознательного патриотизма, как учил Иван Ильин, как раз и состоит в том, чтобы увидеть и «слабые стороны» русского народа, увидеть, что на самом деле в критические минуты истории ему не всегда хватает и государственного чутья, и элементарного инстинкта самосохранения.

Не было бы всех наших трагедий XX века, если бы на самом деле наш народ был глубоко верующим, если бы он всегда оставался государственнымником, всегда бы радел за судьбу и достоинство своего Отечества.

Трагедия состоит в том, что мы порой ищем свое величие там, где сокрыты наши пороки, а именно в нашей способности легко забыть Бога, легко переступить через христианское «не убий» и во имя «химеры», к примеру, химеры «мировой пролетарской революции», пойти убивать своего родного отца или брата. Миллионы людей в 1991 году изменили делу своих отцов и дедов, собиравших и защищавших Россию, и ринулись разрушать страну во имя «суверенитета РСФСР».

73

^•1

Глава 2. От какого наследства мы должны отказаться

Любой нормальный человек, тем более патриот, не может не считаться с тем фактом, что, к примеру, в декабре 1991 года никто, ни одна рота солдат, ни один военачальник не выступили против беловежских соглашений. Ни один нормальный человек не может не видеть, что тогда, в декабре 1991 года, миллионы, буквально миллионы людей и прежде всего жители русской России безучастно, равнодушно взирали

на то, как распадается создаваемая веками Россия. Тогда, в конце 1991 года, никого в РСФСР не волновала ни проблема Крыма, ни проблема Черноморского флота, ни судьба других, исконно русских земель, отошедших от России в результате Беловежских соглашений.

Понятно, что если бы на самом деле русские были такими «державниками» и «империалистами», как их принято величать на Западе, то тогда бы не было ни распада Российской империи в 1917 году, ни распада СССР в 1991 году. Вообще грешно обвинять в «великодержавном шовинизме» или в «имперском реваншизме» народ, который сам, по собственной воле разрушил складывавшееся веками национальное государство.

Все говорит о том, что причины нынешней вялости патриотических чувств у значительной, наверное, преобладающей части населения надо искать и в правде русского характера, и в правде нашей российской истории. Известна склонность русского народа к подвигу, его готовность служить и погибать во имя Родины. Но нельзя забывать и о русском анархизме. По мнению того же Николая Бердяева, посвятившего много лет исследованию русского самосознания, наш народ куда более анархист, чем государственный. «Россия, — писал Бердяев в своей статье „*Душа России*“, — самая безгосударственная, самая анархическая страна в мире. И русский народ — самый аполитический народ, никогда не умевший устраивать свою землю... Анархизм — явление русского духа, он по-разному был присущ и нашим крайним левым и нашим крайним правым... Русский народ как будто бы хочет не столько сво-

74

2.1. *О русских причинах русских катастроф*

бодного государства, свободы в государстве, сколько свободы от государства» [40].

Не могу удержаться от комментария по поводу последних слов из приведенной выше цитаты из статьи Николая Бердяева. И сегодня, в начале XXI века, подавляющая часть так называемых россиян по данным социологических исследований прежде всего хочет «свободы от государства», минимизации вмешательства государства в сложившуюся в последние годы жизнь. Многие сегодня хотят только одного, чтобы их «не трогали».

И в этом глубинное противоречие современного русского национального самосознания. С одной стороны, подавляющее большинство требует от государства наведения порядка, но, с другой стороны, болезненно воспринимает попытки государства навести порядок в экономике, собирать налоги, поставить шабашничество в законные рамки и т. д.

И есть все основания говорить, что в нынешней образованной России дефицит сознательной государственности куда выше, чем в крестьянской, безграмотной России начала XX века.

И действительно, почему в 1991 году народные массы не видели, что идея суверенитета РСФСР ведет к уничтожению русского государства, которое создавалось в последние три века? Почему в 1993 году никто не поддержал законно избранный парламент, который выступил в защиту достоинства новой России? Ведь все знали, что защитники Белого дома 4 октября 1998 года легли под танки не во имя коммунистической идеи, а во имя достоинства и чести России. Если не все, то многие в России понимали, что подвиг погибших был протестом против унижительной, пораженческой внешней политики Бориса Ельцина и Андрея Козырева. Но в массе люди и в Москве, и в провинции проявили поразительное безразличие и к судьбе избранных ими народных депутатов, и к судьбе тех несчастных, кто остался в роковую ночь у Белого дома и погиб под гусеницами танков.

75

Глава 2. От какого наследства мы должны отказаться

Кстати, этой правды, сознания реальных настроений в обществе, изначальной слабости государственных чувств у населения страны не было ни у руководителей

ГКЧП, ни у лидеров Съезда народных депутатов России. Горечь, глубокое разочарование было на лице генерала Тарасова, когда он поздно вечером 27 сентября, за неделю до трагедии 4 октября, докладывал Съезду о настроениях в армии, предупреждал депутатов, что армия не на их стороне.

Конечно, радует, что среди нового поколения россиян запрос на созидательный патриотизм на правду нашей национальной истории куда выше, чем у молодых начала девяностых. Особенность, преимущество новых, молодых патриотов, преимущество патриотически настроенной студенческой молодежи состоит в том, что она не боится задавать себе и другим трудные вопросы. Почему распался СССР? Почему население РСФСР, и прежде всего население Москвы и Ленинграда, пошло за лидерами «Демократической России», активно поддержало лозунг «суверенитета РСФСР»? Почему у населения современной России так слабы патриотические чувства, так слабо развито национальное достоинство? Когда у нас появится национальная элита, которая прежде всего будет служить России, будет заботиться о ее мощи, достоинстве, процветании?

Вот только некоторые из вопросов, которые лично мне задавали и участники движения «Наши» и участники московского движения «Гражданская смена».

На мой взгляд, для того чтобы найти ответы на эти вопросы, надо отказаться от вбитых в нашу голову в советское время штампов и посмотреть трезво на нашу отечественную историю. Вся проблема состоит в том, что на самом деле, несмотря на великие русские победы (речь в данном случае идет о дореволюционной России), патриотически настроенные люди, особенно среди разночинной интеллигенции, среди образованных классов, всегда в России были в меньшинстве.

76

2.1. *О русских причинах русских катастроф*

Мы по справедливости чтим великий подвиг русского народа, который под предводительством Минина и Пожарского освободил в 1613 году Москву от поляков, покончил со смутой. Но мы не хотим видеть правду Октября 1917 года. А ведь она состоит в том, что тогда народные массы, и прежде всего крестьянин с ружьем, пошли за большевиками, за партией национального поражения, за теми, кто призывал оставить фронт, «разрушить до основания» весь складывающийся столетия русский мир, русский уклад жизни, разрушить свою родную, православную цивилизацию. Для русского крестьянина, потомка крепостных, желание расправы над «бывшими» было выше всего. А что будет потом, никого тогда не волновало. Сожжем усадьбы, убьем бывших помещиков, а там хоть трава не расти. Как говорил Николай Бухарин, «народ хотел расправы, и мы ему позволили расправу».

Правда состоит в том, что декабрь 1991 года был повторением Октября 1917 года. Во всех этих случаях народные массы, население России начисто утратили инстинкт национального самосохранения, отдав себя целиком во власть садомазохистских, разрушительных страстей.

И я не думаю, что по крайней мере в 1917 народ не понимал, что делает. Ведь в 1917 году большевики не скрывали, что они марксисты, что они интернационалисты, что они против Бога, церкви, частной собственности и наций. Правда состоит в том, что В. Ленин и большевики, вопреки мнению наших шестидесятников, до сих пор поклоняющихся «великому учению Карла Маркса», на самом деле были единственными, подлинными на тот момент марксистами в мире. А Маркс, как известно, был не просто интернационалист, он был последовательный противник каких-либо национальных, патриотических чувств. Для марксистов понятие «патриотизм» всегда было ругательным.

И тем не менее русский человек — и русский крестьянин, и русский рабочий — пошел за большевиками, он ставил в тот момент свою жизнь, обещанный большевиками кусок земли

77

Глава 2. *От какого наследства мы должны отказаться*

намного выше и судьбы самого Отечества. «Мы тамбовские, до нас немец не дойдет» — вот логика солдата-крестьянина, который шел за большевиками, но в то же время готов был растерзать своих офицеров, героев войны, растерзать арестованных в августе 1917 года и генерала Деникина, и генерала Корнилова.

Если исходить из того, что подлинный патриотизм основан на осознании человеком *самоценности своего национального государства, самоценности своей национальной культуры, своего национального быта*, то мы имеем право утверждать, что по крайней мере тем, кто пошел за большевиками, было абсолютно наплевать на судьбу Отечества, на судьбу своего народа.

По мнению всех серьезных русских исследователей октябрьской революции 1917 года, народные массы, пошедшие за большевиками, были лишены не только национального самосознания, но и элементарного инстинкта самосохранения. Нельзя не видеть, о чем писал уже в эмиграции Семен Франк, что «русская революция в смысле отрицания — самая радикальная из всех доселе бывших... она отрицала собственность, религию, государство, даже национальность, началом ее был неслыханный в истории факт — отрицание национальной самозащиты, национальное самоубийство во время войны, как бы восстание против элементарного инстинкта национального самосохранения» [41].

И действительно, иначе чем атрофией инстинкта национального самосохранения не объяснишь кровавую расправу солдат под руководством комиссаров над своими офицерами, многие из которых провели с ними три года в окопах. Иначе как утратой инстинкта национального самосохранения не объяснишь физическую расправу крестьян и рабочих над образованными классами России. Все народы обычно берегут свой цвет, свою, как сейчас принято говорить, элиту, наиболее талантливых и одаренных представителей своего народа. Русские тогда, напротив, видели смысл своей жизни в распра-

78

2.1. О русских причинах русских катастроф

ве над «бывшими». Наша гражданская война 1917-1920 годов по сути была самогеноцидом, актом самоуничтожения и лучших сил русского народа, и выдающихся достижений русской цивилизации.

Посмотрите на большевистскую революцию нормальными глазами, не с позиции утопии равенства, а с позиции здравого смысла, и вы увидите всю правду нашего национального бытия. Конечно, если бы у русского мужика не было сознания национального единства, то Россия не победила бы Наполеона во время Отечественной войны 1812 года, не побеждала бы в многочисленных русско-турецких войнах. Но все же сам тот факт, что большевики-интернационалисты, большевики-космополиты победили впервые именно в России, говорит о сравнительной слабости русского национального сознания. У народов Европы с развитым национальным сознанием коммунистические партии ленинского III интернационала были всегда слабы и малочисленны. К примеру, в Польской коммунистической партии, которая перед Второй мировой войной составляла всего двадцать тысяч, практически не было этнических поляков. Зато в националистической ППС, польской социалистической партии, враждебной к большевистской Москве, состояли сотни тысяч человек.

Большевикам нужно было государство хотя бы для того, чтобы защитить свою революцию, обеспечить плацдарм для победы коммунизма в мировом масштабе. Народным массам тогда, в переломном 1917 году, практически было наплевать на государственность как национальную государственность. И не только на государственность. Не более уважительно было и отношение к национальным святыням. Вместо того чтобы молиться перед иконой, они начали молиться на портреты Ленина и Троцкого. Русские, шедшие девять веков в своей истории под знаком креста, предали веру и осенили свои чела красной звездой, придуманной Троцким как бы в насмешку над «ситцевой Россией». Никто из той тысячи православных русских людей, кто в феврале 1919 года в Сергиевом

Посаде наблюдал за организованным комиссарами вскрытием в Успенском соборе Троицкой лавры мощей самого почитаемого русского святого Сергия Радонежского, не воспротивился этой чудовищной акции надругательства над национальной святыней.

Не только русские философы, но и русские военачальники, активные участники событий 1917 года, видели главную причину победы большевиков в дефиците национальных чувств, отсутствии органической, осознанной связи народных масс с Отечеством, с Россией. «К началу XX века, — писал в своих „Очерках русской смуты“ руководитель Белого движения Антон Деникин, — уже не было того русского народа, о котором писал Федор Достоевский, к этому времени религиозность русского народа... пошатнулась... Как народ-богоносец, народ душевного вселенского склада, великий в своей простоте, правде, смирении, всепрощении, — народ поистине христианский терял постепенно свой облик». Генерал Деникин в своем анализе состояния религиозности в предреволюционной России исходил из «того несомненного факта, что поступавшая в военные ряды молодежь к вопросам веры и церкви относилась довольно равнодушно...» [42]. Россия 1917 года, обращает внимание автор «Очерков русской смуты», при всех разговорах о ее религиозности так и не родила на первых этапах революции сколько-нибудь серьезного духовного сопротивления революционному аморализму, люди в массе не были готовы постоять за честь и достоинство своей веры, постоять за веру своих предков. Как всегда, и в этой критической ситуации, народ «долго запрягал», упустил момент, когда можно было обуздать большевистскую агрессию против России.

Антон Деникин рассказывает об одном эпизоде, который сам по себе объясняет, почему православные русские люди в массе не только были безучастны к судьбе своей национальной церкви, но и приняли участие в инициированном большевиками (особенно после прихода в 1929 году к власти И. Ста-

80

2.1. *О русских причинах русских катастроф*

лина) разграблении и уничтожении церквей. «Мне невольно приходит на память один эпизод, — писал Антон Деникин, — весьма характерный для тогдашнего настроения военной среды. Один из полков 4-й стрелковой дивизии искусно, любовно, с большим старанием построил возле позиции походную церковь. Первая неделя революции... Демагог-поручик решил, что его рота размещена скверно, а храм — предрассудок. Поставил самовольно в нем роту, а в алтаре вырыл ровик для... Я не удивляюсь, что в полку нашелся негодяй-офицер, что начальство было терроризовано и молчало. Но почему 2-3 тысячи православных людей, воспитанных в мистических формах культа, равнодушно относились к такому осквернению и поруганию святыни?» [43].

Очень актуально и для наших дней замечание автора очерка о необходимости критического отношения ко всем этим патриотическим «гремучим фразам» о преданности русского человека своему Отечеству. По крайней мере тогда, в решающие дни 1917 года, руководство страны, армии «проглядело внутренний органический недостаток русского народа. Недостаток патриотизма... Теперь, — развивал свою мысль Антон Деникин, — незачем уже ломиться в открытую дверь, доказывая это положение. После Брест-Литовского договора, не вызвавшего сокрушительного народного гнева, после инертного отношения русского общества к отторжению окраин, даже русских по духу или крови, мало того — оправдания его...» [44].

Горькие слова Деникина о безразличии русских, русского общества к судьбе русских окраин, русских не только по духу, но и по крови, проявившееся в 1917 году, имеют самое непосредственное отношение к нашей недавней истории распада СССР. В определенном отношении «русское общество» в 1991 году вело себя по отношению к России и к русским землям еще более предательски, чем в 1917 году. Тогда, в 1917 году, инициаторами распада, «самостоятельности» были сами русские окраины, русские казаки,

интеллигенция Малороссии.

81

Глава 2. От какого наследства мы должны отказаться

В 1990-1991 году, напротив, идея «самостийности», идея «суверенитета» РСФСР шла уже от самого «русского общества», более того, от «почвеннической» интеллигенции. В 1991 году сами русские «сбрасывали» русские земли и русские святыни, Киев, Новороссию, Крым, населенные испокон веков русскими обширные территории советского Казахстана. «Русское общество» России 1991 года абсолютно не волновало, как сложится судьба двадцати пяти миллионов русских, которые окажутся за границами РСФСР.

Очевидно, что уже образованное, в отличие от царской России, население Российской Федерации было все же меньше русским по духу, чем необразованные русские крестьяне и рабочие 1917 года. Очевидно, что образованное общество Российской Федерации по духу, по самосознанию было куда менее русским, чем образованное общество 1917 года.

Не подтверждает русская история XX века глубоко укоренившийся миф об особой, примерной государственности русского народа, о его особой любви к Отечеству. Были взлеты глубинного народного патриотизма и во время Отечественной войны 1812 года, и во время Великой Отечественной войны 1941-1945 годов. Подвигом, примером служения Отечеству является подвиг Белой, офицерской гвардии, выступившей против большевиков, надругавшихся над Россией.

Но все же, по крайней мере, история XX века говорит о том, что глубинного, осознанного патриотизма, осознания самоценности и российского государства и самого русского национального бытия, осознания того, что есть в нашей жизни нечто такое, что трогать нельзя, над чем нельзя надругаться никогда и ни при каких условиях, у нас нет, нет у подавляющей части русского народа, тем более у современной российской интеллигенции. Помню свои споры с многими русскими патриотами, «заединщиками» идеи «суверенитета РСФСР» в роковые 1990-1991 годы. В мае 1991 года изъявил желание встретиться со мной и познакомиться автор и постановщик нашумевшего тогда фильма «Так жить нельзя» Станислав Гово-

82

2.1. О русских причинах русских катастроф

рухин. Приехал в его кабинет на «Мосфильме», мало-помалу мы разговорились, человек он для общения тяжелый, нашли точки идейного соприкосновения — «бессспорно, система себя исчерпала». Но как только разговор дошел до деталей, до выяснения отношения и к Ельцину, к подхваченному им лозунгу «суверенитета РСФСР», дошел до выяснения нашего отношения к так называемой «борьбе законов», к противостоянию между Кремлем и Верховным Советом РСФСР, мы с хозяином мосфильмовского кабинета разошлись полностью и, как оказалось, навсегда.

Я пытался втолковать Станиславу Говорухину, что на самом деле Ельцин борется не столько с «системой», сколько с Россией, с русской историей. Станислав Говорухин полагал, что иного пути нет, что иначе покончить с «прогнившей системой» нельзя. Многие литераторы-почвенники, называющие себя патриотами, просто жаждали распада СССР, надеясь, как говорил мне отец Юлии Латыниной поэт Леонид Латынин, что, пройдя через испытания распада, разрушения, «Россия снова возродится из пепла как птица Феникс».

И я думаю, что сегодня вместо того, чтобы убеждать друг друга в величии духа и в неистребимой государственности русского народа, надо посмотреть правде в глаза и выяснить причины наших национальных катастроф, угрозы нашему национальному существованию, заложенные в нас самих.

Дефицит национального самосознания, сознательного патриотизма — это то наследство, и прежде всего советское, от которого мы обязаны отказаться. Иначе мы

долго не протянем. В 1991 году для нас чужими оказались Украина и Белоруссия. Сейчас для многих у нас чужими являются Северный Кавказ и Сибирь. Все это опасно.

И тут, повторяю, как всегда в России, приходится вести борьбу на двух фронтах. Защитить от новых Смердяковых величие русских Побед, в том числе и воинских Побед. Но, с другой стороны, приходится бороться с теми патриотами чувств, которые живут мифами и иллюзиями, не хотят видеть

83

Глава 2. *От какого наследства мы должны отказаться*

всю трагедию, драму русского духа, его слабости и противоречия. И самыми опасными для России, повторю, являются те, кто наши российские слабости пытаются превратить в наши добродетели, видят наше величие в нашей вечной неустроенности, легковерии, в нашей жизни через «надрыв живота своего».

Сегодня, выстраивая снова в новой России идеологию русского или российского патриотизма, мы должны видеть то духовное наследство, без которого нам жить нельзя, и то русское наследство — и духовное, и политическое, — от которого нам нужно как можно быстрее отказываться.

Но для этого надо понять истоки нашего дефицита государственности, причины слабости, неукорененности русского национального самосознания.

Незадолго до своей смерти, в 1950 году, Иван Ильин писал, что духовное взросление новой российской элиты возможно только при изучении причин наших исторических крушений и наших исторических катастроф. Но он, Ильин, был оптимист, он надеялся, что наши исторические крушения ограничатся смертью российской империи и русского мира в 1917 году. Он не предполагал, что уже новая, советская интеллигенция совершит свою собственную национальную катастрофу и повторит дело Временного правительства, не только подготовит условия, но и станет инициатором распада на этот раз социалистической России.

Все дело в том, что все дефекты сознания российской — и либеральной, и социалистической — интеллигенции, которые привели Россию к катастрофе 1917 года, не только не были изжиты в ходе коммунистического эксперимента, но и во многих отношениях гальванизированы. Речь шла тогда о таких пороках российского интеллигентского сознания, как формализм, доктринерство, отсутствие чувства реальности, максимализм и, как у всего народа, слабо развитый инстинкт национального самосохранения.

84

2.2. *Причины российского отщепенства*

2.2. Социальные и идеологические причины российского «государственнического» и «национального» отщепенства

Само собой разумеется, об этом писали все серьезные русские мыслители, оказавшиеся после прихода к власти большевиков в изгнании, все же шокирующее безразличие русского мужика 1917 года к судьбам своего русского государства имеет свои глубокие корни. Трудно быть государственным, когда лично от тебя, простолюдина, в повседневной жизни ничего не зависит. Уже при Петре I, вернее, из-за реформ Петра I, обращал внимание Николай Бердяев, «произошел разрыв между высшими руководящими слоями русского общества и народными массами, в которых сохранились старые религиозные верования и упования» [45]. Но если на самом деле нет единства нации, то нет и общей, осознанной, повседневной ответственности за судьбу государства. Когда забота о судьбах государства является уделом правящих классов, то массы разучиваются думать о том, что выходит за пределы их повседневной жизни.

Правда состоит в том, об этом же писал и Семен Франк, что после реформ Петра I, после появления нации господ, говорящей не на родном, а на французском языке, и нации крепостных, лишенной какого-либо влияния на жизнь государства, страны как единого целого в сущности и не было. Семен Франк обращает внимание на сложившийся в XVIII-

XIX веках раскол между заботами «правлящих кругов» и заботами широких слоев народа. Когда забота о сохранении, защите и процветании государства, национального бытия целиком взвалена на плечи правящего класса, то люди просто отучаются мыслить, заботиться об общественном, о судьбе своей нации. «В силу некоторых особенностей русской истории XVIII и XIX века, — считал Семен Франк, — эта мысль и забота о самом национальном бытии, его сохранности и процветании оказалась достоянием одних только правящих классов. Широкие слои

85

Глава 2. *От какого наследства мы должны отказаться*

общества и народа настолько привыкли ощущать неколебимую прочность и мощь национального бытия, что совсем отучились думать о нем: это сказалось в особенности в полном пренебрежении к вопросам внешней политики» [46].

И опять проделанный, на этот раз Семеном Франком, анализ причин дефицита у русских в 1917-м году патриотических чувств, причин так называемого «индифферентизма к проблеме государственно-национального бытия» во многом применим и к анализу безразличия русского общества к произошедшему на его глазах и распаду СССР. И в СССР, как и в царской России, носителями так называемого «государственного сознания» были прежде всего — а во многих случаях исключительно — представители правящих классов. Советские люди, как и крестьяне царской России, не имели никакого отношения к управлению страной, к выработке ее внешней и внутренней политики, не имели никакого отношения к заботе о существовании и сохранении национального бытия. По своему социальному и политическому смыслу самодержавие правящих кругов КПСС ничем не отличалось от самодержавия правящих кругов царской России. И в первом, и во втором случае народу предоставлялась только подчиненная, исполнительская роль. Когда руководство ВКП(б) во главе с И. Сталиным организовало отпор фашистским ордам, вторгшимся в страну, то народ стал творцом великой исторической победы. Но когда власть наверху изменилась и руководство Россией перешло в руки демократов во главе с Б. Ельциным, народ снова по инерции пошел за верхами, не отдавая себе даже отчета, что желаемый им «суверенитет РСФСР» убивает его страну, калечит жизни миллионов людей, подрывает остатки русского национального бытия.

Поговорите с человеком с улицы, с бывшим ельцинистом, который активно поддерживал идею «суверенитета РСФСР». Когда начинаешь объяснять этому бывшему ельцинисту, который сейчас клянет «демократов», что он сам во всем виноват, что голосуя за Ельцина в 1991 году, он голосовал за смерть

86

2.2. *Причины российского отщепенства*

СССР, за радикальные реформы, то он смотрит на тебя с удивлением и произносит: «А я не понимал, за что я голосую». До сих пор существует точка зрения, что нельзя корить народы РСФСР за распад СССР, ибо они тогда не отдавали себе отчет о том, что делают, что они не видели все последствия прихода Ельцина к власти. Конечно, можно согласиться с тем, что невменяемый человек не несет ответственности за свой политический выбор. Но есть ли будущее у народа, который в критические минуты ведет себя как невменяемый? Вот в чем вопрос.

Обращает на себя внимание, что далекий от западника Семена Франка (в мировоззренческом отношении) монархист Лев Александрович Тихомиров тоже видел слабость современного русского народа в развитой в последние столетия привычке «беспрекословно подчиняться» правящим классам. А «что могли бы сделать Кузьма Минин-Сухорукий и Иван Сусанин, если бы умели только беспрекословно повиноваться?» — спрашивает он [47].

Задолго до Октября, еще в самом начале века, в 1901 году, в своей статье «Что значит жить и думать по-русски?» Тихомиров обращает внимание, что в России все держится на вере в царя, что по мере того, как она убывает, резко возрастает вероятность

катастрофы, распада государства. Лев Тихомиров, как и Семен Франк, видит, что на самом деле никакого осознанного патриотизма, осознанной заботы о делах государства у народа нет. А «когда человек недостаточно знает и понимает, его слишком легко обманывать и приводить бессознательно к действиям, вредным для государя и Отечества» [48].

Правда состояла и состоит в том, что за безучастностью народа к судьбам России в 1917 году и в 1991 году стояла примитивная укоренившаяся привычка к послушанию. Все наши революции на самом деле являлись переворотами, которые происходили в столицах и в которых, как правило, принимали участие всего лишь несколько тысяч человек. Как правило, эта борьба за власть наверху происходит при нейтралитете подав-

87

Глава 2. *От какого наследства мы должны отказаться*

1

ляющей части населения. Как помнят все свидетели событий начала октября 1993 года, не только Москва, но и вся Россия без исключения занимала позицию нейтралитета по отношению к борьбе между Ельциным и Съездом народных депутатов России. Но ведь на самом деле и в 1917 году, и во время Гражданской войны народная русская масса тоже занимала нейтралитет, выжидая, кто окажется сильнее: или красные, или белые. «Собственно народ, — записывает в 1919 году в своих „Петербургских дневниках“ Зинаида Гиппиус, — низы, крестьяне, в деревнях и в красной армии, главная русская толща в подавляющем большинстве — нейтралы. По природе русский крестьянин — ярый частный собственник, по воспитанию (века длилось это воспитание!) — раб. Он хитер — но послушен, внешне, всякой силе, если почувствует, что это действительно грубая сила. Он будет молчать и ждать без конца, норовя за уголком устроиться по своему, но лишь за уголком, у себя в уголке. Он еще весьма узко понимает и пространство, и время. Ему довольно безразличен „коммунизм“, пока не коснулся его самого, пока это вообще какое-то „начальство“» [49].

В 1917 году большевики соблазнили народ лишним куском земли, а в 1991 году «россияне» разгромили страну во имя того, чтобы самостоятельно распоряжаться сибирской нефтью и газом.

Но все же надо признать, что русский народ при всех своих периодических приступах самоистребления был куда больше государственник, куда больше предан идее Отечества, чем наша российская интеллигенция. Россия всегда держалась и народом, и служивым сословием.

Очень часто в нашей истории слово «интеллигенция» было синонимом понятия «национальный нигилизм». Критический анализ «национального», «государственного» и «религиозного отщепенства» левой революционной интеллигенции, содержащийся в знаменитых «Вехах», применим и к разночинной интеллигенции второй половины XIX века и еще больше к советской интеллигенции, к так называемым шестидесятни-

88

2.2. Причины российского *отщепенства*

кам. И здесь я снова ссылаюсь на мнение Николая Бердяева. «Русская интеллигенция, хотя и зараженная поверхностными позитивистскими идеями, — писал он, — была чисто русской в своей безгосударственности. В лучшей, героической своей части она стремилась к абсолютной свободе и правде, не вмещимой ни в какую государственность. И русские либералы всегда были скорее гуманистами, чем государственниками» [50].

Когда мы пытаемся сегодня выяснить для себя, понять причины относительной слабости, неукорененности сознательного патриотизма и в старой царской, и в новой демократической России, то надо видеть, что нигде в Европе не было такого уникального явления, как российская интеллигенция, как слой образованных людей, страстно желающих поражений, всяческих бед своему правительству. Понятно, что пораженчество

русской интеллигенции идет от желания свободы, от ненависти к самодержавию, от желания во что бы то ни стало, даже через национальные унижения подорвать существующую власть. Но все равно предательство национальных интересов есть предательство.

Сегодня мы справедливо говорим, что демократы 1991 года целились в коммунизм, а попали в Россию. Но ведь и в 1904-1905 годы, когда практически вся российская интеллигенция (не только большевики) желала, жаждала поражения царской России в войне с Японией, все эти страсти тоже были направлены против России, против ее достоинства, против сотен тысяч солдат, которые умирали на фронтах.

Но снова нельзя не вспомнить, что Ленин, пришедший покончить со старой, православной Россией, ее «разрушить до основания», победил в Октябре 1917 года при прямом попустительстве либеральной интеллигенции Петрограда. И тут снова напрашиваются аналогии, свидетельствующие о поразительной безответственности российской интеллигенции. Либеральная богема Петрограда, как видно из дневников той же Зинаиды Гиппиус, желала победы Ленину и его большевикам, чтобы избавиться от ставшего смешным Саши Керенского.

89

Глава 2. *От какого наследства мы должны отказаться*

При этом предполагалось, что Ленин и большевики ненадолго, всего на несколько недель, что когда народ узрит безумие ленинских планов, то он их оставит. И интеллигенция столиц, Москвы и Ленинграда, желала победы Ельцина, несмотря на угрозу распада страны, только для того, чтобы расстаться окончательно с потерявшим себя Горбачевым. При этом все предполагали, что по крайней мере Украина и Белоруссия, насытившись «суверенитетом», «на коленях приползут к России».

Отличие основных, ключевых фигур так называемой Ленинской гвардии от их внуков, совершивших августовскую революцию 1991 года, состоит в том, что они не скрывали своих планов ни по отношению к Российской православной церкви, ни по отношению к российской интеллигенции, ни по отношению к русской старине, русскому укладу жизни. Все знали, что и Ленин, и Троцкий являются сторонниками непрерывной революции, что их вера в коммунизм и всемирную коммунистическую революцию чревата огромными потрясениями. Все понимали и знали, что приход к власти большевиков после свержения опостылевшего клоуна Керенского приведет к гражданской войне, кровопролитию, к гибели страны. Все знали, что Ленин был фанатиком, который не любил ни русский народ, ни Россию. Но тем не менее русская интеллигенция сдала Россию Ленину и Троцкому без сопротивления. Петр Струве еще в молодости, в начале XX века, разошелся с Лениным как с человеком «по натуре злобным и жестоким». Многие знали, что у Ленина есть склонности «палача». Но в 1917 году никто из российской либеральной интеллигенции и пальцем не пошевелил, чтобы предотвратить приход к власти этого злобного фанатика.

И сам по себе этот факт губительной безответственности российской национальной интеллигенции, или, как ее сейчас называют, элиты, многое объясняет. Понятно желание лидеров большевизма отправить на тот свет «старую Россию», уничтожить всех представителей высших классов и прежде все-

90

2.2. *Причины российского отщепенства*

го гуманитарную интеллигенцию. За исключением Георгия Валентиновича Плеханова, все наши марксисты-революционеры были полуобразованными людьми, страдающими комплексом неполноценности. И совсем не случайно Ленин приравнивал интеллигенцию к «г...ну». И Зиновьев, руководитель Петербургской организации большевиков, после убийства Урицкого дал команду расстреливать в городе всех, у кого будет на голове гимназическая фуражка, то есть уничтожать цвет русской нации, ее будущее.

Но очень трудно понять, почему вменяемые, состоявшиеся люди, многие российские литераторы так легко поддались на разрушительные соблазны революции, без боя сдались тем, кто, как Лев Давидович Троцкий, мечтал покончить с «ситцевой Россией». Почему значительная часть русской элиты накануне Октября ждала этого руководимого большевиками русского бунта, который в клочья разнес не только империю, но и всю строившуюся веками русскую жизнь.

Да, как я уже пытался доказать, все талантливое и выдающееся в истории русской литературы и русской общественной мысли шло от любви к Отечеству, от глубинного патриотизма и государственничества. Пушкин, Тютчев, Гоголь, Достоевский были великими русскими патриотами.

Но не надо забывать, что Пушкин, страстно желающий в 1831 году победы русской армии над польскими повстанцами, был одинок. Он один из немногих из своего окружения действительно всю жизнь оставался верен тому патриотическому чувству, патриотическому возбуждению, которое он пережил в 1812-1815 годах во время своей юности, во времена победы над Наполеоном.

Но ведь уже через десять-двадцать лет большинство сверстников поэта утратило это государственно-патриотическое сознание. Уже интеллигенция 30-х годов, за исключением славянофилов, страдала национальным отщепенством, проповедовала идеи романтического космополитизма. Уже в 1832 году Пушкин пишет в отношении своего друга Вяземского, что он

91

Глава 2. *От какого наследства мы должны отказаться*

принадлежит к «озлобленным людям, не любящим России», что русский либерализм состоит из людей, «стоящих в оппозиции не к правительству, а к России».

И в 1991 году наши демократы стояли прежде всего в оппозиции к СССР, к «империи», как они говорили, а не к коммунизму.

И чем ближе к трагедии 1917 года, тем сильнее в образованном русском обществе была ненависть к России, к российскому государству. Правда состоит в том, что даже наша великая литература, включая творчество патриота Гоголя, только тем и занималась, что воспитывала у молодежи критическое отношение к русскому чиновнику, которое было одновременно критическим отношением и к российской государственности, и к российской жизни, и к русскому человеку в целом. Василий Розанов уже после революции 1905 года понял, что при нашем повальном критическом отношении образованного общества к российскому правительству и к России в целом мы обречены. У нас, писал Василий Розанов, нет героики патриотизма, не укоренены идеалы государственности. И он, Розанов, винит в том всю русскую литературу, которая только тем и занималась, что развенчивала, разрушала идеалы. «С весны, „с незапамятных времен" нашей истории героическому негде было расти, но особенно негде ему расти с появлением язвительного смеха в нашей литературе. С детства ведь все читали и смеялись персонажам Грибоедова; потом явился Пэголь: захохотали! Начал писать Щедрин: „повело животики"! Ну, где тут было замечаться юноше? А без мечты нет героя. У нас юноше с 14 лет „подводило животики" при всяком чтении, а в 19 лет появилась кривизна губ, желтизна кожи, взгляд раздраженный и презирающий. Чиновник или писатель в 29 лет решительно презирал все в России, кроме себя и той „умной книжки" (термин Чернышевского), которую он читал» [51].

Подобное нигилистическое отношение к России и ко всему русскому как раз было питательной почвой для произрастания социалистических движений и кружков. А русский социализм,

92

2.2. *Причины российского отщепенства*

как известно, с самого начала был противником и национальных, и государственных чувств.

Появившиеся в России в конце XIX - начале XX века социалистические партии делали все возможное и невозможное для искоренения у русских и без того слабых национальных чувств.

Ярыми борцами с национальным чувством, с патриотизмом и патриотическими ценностями были все без исключения российские социалисты. Когда Владимир Ульянов буквально ходил пешком под стол, первый русский социалист Павел Лавров писал в своем заграничном журнале, что «социальный вопрос есть для нас вопрос первостепенный. Вопрос национальный, по нашему мнению, должен совершенно исчезнуть перед важными задачами социальной борьбы. Для этой работы границ языков, преданий — не существует. Есть только люди и общие им всем цели. Эти принципы неизбежно требуют самой решительной борьбы против национальной разделенности...» [52].

Еще более жестко боролся с так называемым «национальным элементом», с сознанием национальной принадлежности родоначальник русского революционного терроризма, народоволец Павел Ткачев. Он говорил: «Между образованными людьми, между людьми психически развитыми нет и не может быть ни „эллинов, ни иудеев“, — есть только люди. Интеллектуальный прогресс стремится уничтожить национальные особенности, которые именно и слагаются из бессознательных чувств, привычек, традиционных идей и унаследованных предрасположений. Государство, наука, торговля, промышленность — все они стремятся сносить людей в одну общую и однородную массу... вылить их в один общенациональный, общечеловеческий тип... Социалист... глубоко убежден, что с повсеместным торжеством принципов социальной революции... всякие племенные и национальные различия между людьми должны исчезнуть...» И самое главное для нашего исследования. Ткачев говорит, что «*принцип национальности несое-*

93

Глава 2. *От какого наследства мы должны отказаться
местим с принципом социа/иной революции, и он должен быть принесен в жертву
последнему»* (выд. — Л. Ц.) [53].

Наше нынешнее российское национальное самосознание, национальное бессознательное бедно еще и потому, что оно на протяжении более чем ста лет приносилось сначала в жертву сначала социалистической революции и коммунистического строительства, а последние двадцать лет — в жертву демократического строительства. На протяжении без малого ста лет у власти в России стояли люди, которые всячески подавляли, искореняли русское национальное самосознание, российскую национальную память. Семьдесят лет этим занимались интернационалисты-большевики, а после них двадцать лет — их внуки, интернационалисты-демократы.

Не следует забывать, что к двум великим духовным катастрофам русской нации — к векам татаро-монгольского ига и к разрушительным культурным разломам Петра I — добавилась еще более разрушительная большевистская революция. Последняя была направлена против хребта русского национального самосознания, против православия и православного русского быта, против национальной памяти. Особенность нового советского человека состояла не только в том, что он был безрелигиозным человеком, но и тем, что он, как правило, ничего не знал о своих предках, о тех, кто жил до него.

Оскудению национальной памяти и национального сознания способствовала и большевистская кастрация русской общественной мысли, исключение по идеологическим мотивам из духовного оборота фундамента современной русской культуры и прежде всего русской православной, идеалистической философии. Беда была не только в том, что большевики расстреляли или насильно выслали из страны живых носителей богатства русской мысли, наиболее яркие дарования российской науки, но и в том, что резко понизили планку культурности и цивилизованности. В стране, где за гения слыл автор «Материализма и эмпириокритицизма», дилетант от философии Владимир Ульянов, не могло быть какого-либо нацио-

2.2. Причины *российского отщепенства*

нального, духовного развития в точном смысле этого слова. Владимир Ульянов был гений в другом, в деле разработки учения о захвате власти, но не в философии.

Такова правда, и ее надо видеть такой, какая она есть. Русские потому и податливы на различного рода космополитические идеи, способны, как красноармеец Копенкин, герой «Чевенгура» Андрея Платонова, поклоняться даже социалистке Розе Люксембург, что они очень слабо укоренены в своей национальной истории. Русские, несмотря на многократные попытки обвинять их в ксенофобии или в антисемитизме, шовинизме, были и до сих пор остаются самой податливой почвой для космополитических идей. Тем более грешно обвинять в антисемитизме нацию, у которой самым любимым политиком является «сын юриста» Владимир Жириновский.

Тот же всплеск русского патриотизма, который был вызван началом Первой мировой войны 1914-1918 годов и который подарил нам знаменитый прорыв генерала Брусилова в 1916 году, большевики очень быстро приглушили. Лидеры большевизма боялись и русского патриотизма, и русского национального сознания. И это понятно. Ибо целью Октября было не столько освобождение русского рабочего класса, сколько разогрев пожара всемирной пролетарской революции. Все эти так называемые «большевики-интернационалисты» Троцкие, радеки, раковские, ленины, Зиновьевы были на самом деле людьми без Родины.

Как известно, большевики после брестского мира, особенно в начале 1918 года, жестко карали за пропаганду русского патриотизма. Николай Короленко в своих дневниках эпохи Гражданской войны рассказывает о многих случаях расправы ЧК с солдатами и офицерами, которые не приняли позорный брестский мир. После победы большевиков в Гражданской войне на протяжении многих лет, вплоть до известного обращения Сталина к русскому народу в декабре 1941 года, русский патриотизм, русская тема вообще вышли из идеологического обихода.

95

Глава 2. *От какого наследства мы должны отказаться*

В двадцатые и тридцатые русская тема, в том числе и тема русского патриотизма, разрабатывалась, обсуждалась вне советской России. Так уж получилось, что наиболее глубокие исследования и о русском самосознании, и об истинном, просвещенном моральном русском патриотизме были написаны русскими философами и литераторами, оказавшимися в эмиграции.

Надо было потерять Россию, ощутить муки ностальгии об утерянной России, чтобы понять, какое чудо мы, русские, потеряли. Важно понимать, что самый сильный, проникновенный, чистый русский национальный патриотизм родился в рядах белого движения, среди тех офицеров царской армии, юношей-юнкеров, которые с оружием в руках пошли защищать свою Родину от большевистской чумы. Подавляющая часть из них, солдат и офицеров Добровольческой армии, погибла на полях Гражданской войны. Они своей кровью доказали, что русская нация жива, что мы способны творить чудеса героизма свободно, без принуждения, по зову сердца.

После Октября в эмиграции были сказаны многие проникновенные слова о России и русском патриотизме. «Что это значит — найти Родину?» — спрашивал Иван Шмелев в своей книге «Душа Родины». И сам себе отвечал: «Прежде всего, душу ее почувствовать. Иначе в ней самой не найти ее. Надо ее познать, живую! Не землю только, не символ, не флаг, не строй. Чуют ее пророки — ее поэты; по ней томятся, за нее отдают себя. Отдают себя за ее лик, за душу: ими вяжет она с собою. Люблю, а за что — не знаю, не определить словом... Поэты называют ее женой, невестой; народ — матерью, и все — Родиной. Что же родное в ней? Все, что заставляет трепетать сердце, что переплелось в душу, без чего — нельзя» [54].

В конце жизни, на чужбине пишет свою статью «Моя Родина» и православный

русский философ Сергей Булгаков. «Чем я становлюсь старше, — писал он, — чем более расширяется и углубляется мой жизненный опыт, тем яснее становится для меня значение Родины. Там я не только родился, но и заро-

96

2.2. Причины российского отщепенства

дился в зерне, самом своем существе, так что вся дальнейшая моя такая ломаная и сложная жизнь есть только ряд побегов на этом корне. Все, все мое — *оттуда*. И умирая, возвращусь — *туда же*, одни и те же врата — рождения и смерти... То, что я любил и читил больше всего в жизни своей — некричащую, благородную скромность и правду; высшую красоту и благородство целомудрия, — все это мне было дано в восприятии Родины. И ей свойственна также такая *тихость и ласковость*, как матери. Она задушевна, как русская песня и, как она, исполнена поэзии музыки. Только ее надо слышать самому, внутренним слухом, потому что она не насилует и не потрясает, не гремит и не кричит, но тихим шепотом нашептывает свои небесные сны. Она *робко напоминает* лишь о потерянном рае, о той надмирной обители, откуда мы пришли сюда... И теперь, когда я пишу эти строки и собираю свои чувства и свою любовь к ней, в душе моей звенит этот голос вечности. И поистине Родину можно — и должно — любить *вечною* любовью. Это не только страна, где „впервые вкусили сладость бытия“, это — гораздо большее и высшее; это страна, где нам открылось небо, где нам виделось видение лестницы Иаковлей, соединяющей небо и землю. Но для этого надо изжить свою Родину, воспринять и услышать ее» [55].

Показательно, что в самой социалистической России уже после смерти Сталина из всех форм диссидентства наиболее жестко каралась и преследовалась национальная, русская оппозиция режиму. Об этом часто рассказывает писатель Леонид Бородин, который был трижды осужден за попытки создать русскую, православную партию. Наиболее жестко карал за русский патриотизм Юрий Владимирович Андропов, руководивший на протяжении многих лет советским КГБ. Также показательно, что он очень упорно и настойчиво преследовал русских писателей-почвенников, славянофилов.

Насколько я помню, на моем философском факультете МГУ (я учился на дневном отделении с 1963 по 1968 год) даже в рамках довольно продолжительного двухгодичного курса

4-3921

97

Глава 2. От какого наследства мы должны отказаться

русской философии, который как раз и был создан в конце сороковых, во время борьбы с так называемым «безродным космополитизмом», никогда не ставилась, не обсуждалась проблема патриотизма вообще и русского патриотизма в частности. Нельзя сказать, что в шестидесятые эта тема русского патриотизма была под запретом, как в двадцатые и в тридцатые годы. Просто в рамках марксистско-ленинского мировоззрения ей не находилось места. За все годы существования советского философского факультета МГУ, насколько я знаю, не была написана ни одна дипломная работа или кандидатская диссертация по разработке проблемы российского патриотизма. Понятия «патриотизм», «Отечество» были введены в политический обиход не философами, а литераторами-почвенниками в шестидесятые годы.

Не хотел связывать перестройку с русским национальным возрождением, с российским патриотизмом и российским го-сударственничеством и Михаил Горбачев. Он как исконно советский человек, интернационалист до мозга костей, всегда боялся и сейчас боится, как он говорил «русопнятов», никогда не приближал их к себе. Хотя уже к началу 1989 года было ясно, что спасти перестройку смогут только патриоты, люди с русским национальным сознанием. Но Горбачев боялся патриотического крыла аппарата ЦК КПСС во главе с Егором Лигачевым и в конце концов сделал ставку на шестидесятников-интернационалистов во главе с Александром Яковлевым.

Автор этой книги в начале февраля 1989 года написал на имя Генерального секретаря ЦК КПСС записку с предложением укрепить идеологию перестройки за счет русского патриотизма. «Нынешняя социальная база „Памяти“, — писалось в ней, — речь идет о десятках миллионах людей, может и должна стать социальной базой перестройки. Но для этого надо перехватить у этого движения инициативу в осмыслении судеб русского народа, надо легализовать те проблемы, на которых оно спекулирует, честно рассказать о положении русского населения, о его тяготах, ощутимых потерях. Надо у простых

98

2.2. Причины российского отщепенства

русских людей возродить веру в свои силы, в то, что они могут хорошо работать, быть хозяевами своей земли. Этого можно достичь только при более объективной оценке достижений русского капитализма, дореволюционного земледелия, промышленности. Вряд ли имеет под собой почву мнение некоторой части интеллигенции, что обыгрывание некоторых сюжетов из русской истории в речах и выступлениях Генерального секретаря будет будировать националистические настроения. Если бы русские больше себя уважали, лучше жили, то наше государство было бы намного прочнее.

Патриотизм коренного населения России в широком смысле этого слова, патриотизм россиян мог бы послужить силой, поддерживающей перестройку. Но для того, чтобы его вызвать, пробудить, нужна несколько иная, более человеческая трактовка перестройки, происходящих в обществе перемен. Вместо вызывающих оскомину фраз о совершенствовании социализма, о его нераскрытых резервах, от которых в последние месяцы все изрядно устали, люди ждут конкретного разговора о восстановлении сел, национальных ремесел, культурной автономии тех наций, которые в ней больше всего нуждаются (татары, евреи, немцы, поляки), о восстановлении храмов, национальной кухни и т. д. Надо выступить с широкой, доступной пониманию всем народам России программой национального возрождения». Но мое предложение «национализировать» перестройку, ввести ее в контекст отечественной, российской истории, не получило отзвука ни у Александра Яковлева, ни у Михаила Горбачева.

Но чем больше усиливался кризис перестройки, тем больше Горбачев, напротив, искал поддержки у космополитической интеллигенции Москвы и Ленинграда. К 1989 году Горбачев окончательно сделал ставку на шестидесятников-ленинцев, на последователей ленинской гвардии, на Отто Лациса, Роя Медведева, Михаила Шатрова и др. и, соответственно, русский патриотизм был объявлен главным врагом демократии и демократических свобод.

99

Глава 2. От какого наследства мы должны отказаться

Вот почему в конце перестройки, в конце восьмидесятых, критика сталинизма и сталинских репрессий переросла в критику русского патриотизма и российского державничества. И в этом было коренное, вопиющее противоречие всей этой так называемой демократической революции 1991 года. С одной стороны, «Демократическая Россия» активно поддерживала лозунг суверенитета Российской Федерации, говорила о необходимости превращения РСФСР в «национальное государство русских», о том, что РСФСР имеет такое же право превратиться в национальное государство русских, как Литовская ССР — в национальное государство литовцев. Но, с другой стороны, вожди этой революции развернули широкомасштабную идеологическую кампанию по дискредитации русского патриотизма, по дискредитации истории российского государства, национальных святынь, побед русского оружия. Не могу в этой связи не сказать, что наш, во многих отношениях чумной русский патриотизм тех дней, националистический патриотизм «Памяти» отталкивал от себя не только борцов «с империей», но и тех, кому всегда была дорога Родина и ее судьба. Патриотизм тех дней, к несчастью, нес в себе не столько любовь к Родине, сколько злобу, крик, растерянность. На

самом деле чумной российский патриотизм 80-х - начала 90-х годов во многом способствовал победе «борцов с империей», победе пораженческой интеллигенции в борьбе за власть.

Появление новой России, возглавляемой демократами, началось с бичевания русской нации. Газеты, телевидение, радио во всех бедах советской истории винили так называемый «русский характер». Говорилось, что русские являются виновниками так называемого «голодомора» на Украине. Утверждалось, что русское сознание по природе утопично, что русские по природе недоросли — не взрослые. Утверждалось и до сих пор утверждается, что русские живут плохо, что ленивы. Даже журнал «Наука и техника», казалось бы далекий от идеологии, утверждал, что «лень — одна из черт русского характера». Известны десятки примеров этого «демократического» издева-

100

2.2. Причины российского отщепенства

тельства над Россией и русским народом. Один «демократический» автор утверждал, что «Россия должна быть уничтожена. В том смысле, что чары должны быть развеяны. Она вроде и уничтожена, но кощеево яйцо цело». И уже совсем потеряв контроль над собой, этот же автор пишет: «Страна дураков... находится сейчас... в состоянии свалочного общества».

Так называемая августовская революция 1991 года как бы открыла клапан для самой оголтелой пропаганды ненависти и вражды к русской нации. Моральному осуждению подвергался не только русский, российский патриотизм, но и вся история русского государства как история «несвободы», история «великодержавного шовинизма». Русский писатель Александр Солженицын боролся с коммунизмом во имя того, чтобы мы не жили по лжи марксизма-ленинизма, чтобы мы вернулись в свою православную культуру, чтобы началось возрождение русского Православия, русской национальной культуры.

Но реальная культурная, идеологическая политика команды Ельцина, пришедшего к власти благодаря беловежскому перевороту, находилась в вопиющем противоречии с этими задачами национального возрождения. «Либеральная элита», которая окончательно завоевала высоты информационной и финансовой власти после расстрела Белого Дома в начале октября 1993 года, делала все возможное и невозможное для выкорчевывания у населения, и прежде всего у молодежи, национального сознания, для дискредитации не только русской истории, дискредитации побед русского оружия, но и для дискредитации российской православной культуры. Дело дошло до дискредитации Пушкина, Гоголя, Достоевского.

Как выяснилось, наши демократы боролись с коммунизмом, с советской системой не во имя того, чтобы покончить с большевизмом, а для того, чтобы довести до конца то, что не удалось сделать в двадцатые ленинской гвардии, то есть полностью уничтожить русское национальное сознание, очистить его от остатков привязанности русских к своей стране, истории, культуре, к своей православной религии.

101

Глава 2. От какого наследства мы должны отказаться

После августа 1991 года с экранов телевидения исчезли все ныне живущие крупные русские писатели, и прежде всего Валентин Распутин, Василий Белов, Владимир Крупин, Михаил Алексеев. Показательно, что в перестроечной и посткоммунистической России «совестью нации» стал не русский патриот, защитник Белого дела Александр Солженицын, а социалист, защитник прав так называемых «отказников» Андрей Сахаров. О разительных, позитивных переменах в нашем общественном сознании, произошедших в так называемую «эпоху Путина», говорит тот факт, что все же в этом 2008 году Россия прощалась с Александром Исаевичем как с великим диссидентом, который своим произведением «Один день Ивана Денисовича» совершил политический подвиг, перевернул сознание советской интеллигенции.

Наверное, нет ничего удивительного в том, что вожди и идеологи нашей так называемой советской демократической революции 1991 года и мыслями, и чувствами, и особенно своим отношением к «старой России», к «империи» так напоминали вождей и идеологов Октября. У нас в советское время не могло быть никакого идейного наследства, кроме марксистского, кроме наследства революционного социализма. Те роды и сословия, которые могли бы воспринимать другую правду, правду православную, консервативную, были выбиты на корню в ходе революции, а потом сталинских репрессий. Отсюда такое, к примеру, поразительное сходство между мировоззрением российской революционной интеллигенции и мировоззрением так называемых «шестидесятников», которые духовно окормляли нашу демократическую революцию 1991 года. Общим и для революционной социалистической интеллигенции начала XX века, и для наших шестидесятников было утверждение Карла Маркса, что революционное насилие есть благо, что чем глубже революция, чем сильнее разрушается старое, тем больше надежд на процветание в будущем. Отсюда и характерное для всех шестидесятников поклонение Октябрю, Ленину и ленинской гвардии. Отсюда и характерная для

102

2.2. *Причины российского отщепенства*

большевиков и для наших шестидесятников совсем нехристианская, а классовая, марксистская ненависть к своим врагам. Прозвучавший летом 1993 года призыв наших демократов-шестидесятников «давить гадину», давить ненавистный им российский парламент, как оказывается, был дословным повторением призыва большевиков быть беспощадным к врагу накануне разгона Учредительного Собрания в январе 1917 года. Я говорю о «нехристианском» отношении к классовому врагу и первых, и вторых, ибо, что очень существенно, наши шестидесятники, как истинные ленинцы, все без исключения были не только атеистами, но и непримиримыми врагами Русской православной церкви. Наши шестидесятники, как представители советской социалистической интеллигенции, как представители российского революционного социализма начала XX века, испытывали трудно объяснимое для образованного человека отвращение к религиозной философии, но при этом отдали значительную часть своей жизни, как они говорили, «чтению социалистических книжек». Глубоко убежден, что умственная и духовная неразвитость в целом советской интеллигенции (отношу этот недостаток и к самому себе) является следствием той марксистской культуры, в рамках которой мы выросли, сформировались как гуманитарии. Отсюда характерная и для большевиков, и для наших шестидесятников так называемая «убийственная прямолинейность», сочетаемая с традиционной российской «мечтательностью». И само собой понятно, что в рамках марксистского восприятия революционного насилия и революционного терроризма как абсолютного блага, в рамках веры с исцеляющую силу Октября уже не может не сформироваться развитое моральное чувство сострадания к другому человеку. Отсюда и моральные разломы шестидесятников. Они, шестидесятники, очень сочувственно относились к мукам жертв сталинизма, к примеру, к страданиям Николая Бухарина и его жены, но были абсолютно равнодушны к мукам и страданиям узников концлагерей, созданных, кста-

103

Глава 2. *От какого наследства мы должны отказаться*

ти, впервые в истории человечества самим Бухариным. Поистине, как говорил Ленин, «в марксизме нет ни грана морали».

Но так как в рамках марксизма нет места ни национальному чувству, ни патриотизму, у нашей советской марксистской интеллигенции во многом стихийно сформировалось равнодушное отношение к своей стране как к «державе». Отсюда и очень характерное в прошлом для «шестидесятников», а сейчас для «либеральной интеллигенции» отделение понятия «Отчизна», «Родина» от понятия «государство». Последнее, как и у революционной социалистической интеллигенции, воспринимается негативно в пылу так называемого «национального» и «государственного» отщепенства, а

потому у нашей советской, шестидесятнической интеллигенции, как у интернационалистов, был слабо развит интерес ко всему, на чем держится на самом деле государство, к интересам безопасности страны, к состоянию вооруженных сил, к геополитическим интересам России. Никто из тех, кто добивался суверенитета РСФСР, распада исторической России, не задумывался о последствиях этого распада в военной сфере, в сфере безопасности России.

Величайший обман и величайшая ложь нашей так называемой августовской революции состояли в том, что белые лозунги освобождения России от коммунизма использовались для укрепления «завоеваний Октября», то есть для окончательного очищения «русской почвы» и от остатков русского национального сознания, и от традиций российской государственности, и от «империи». Нельзя забывать, что ленинская гвардия ставила задачу превратить русских рабочих и крестьян в интернационалистов, не знающих ни своего племени, ни его истории, а одержимых мечтой о победе всемирной коммунистической революции.

Трехцветное знамя добровольческой армии, которая боролась за «Единую, Великую и Неделимую Россию», было использовано в августе 1991 года для уничтожения Российской империи. Показательно, что до августа 1991 года, то есть даже

104

2.2. *Причины российского отщепенства*

в рамках советской коммунистической системы, было подготовлено много телевизионных передач, посвященных и истории Добровольческой армии, и лично барону Врангелю. После же победы демократов все эти проекты по реабилитации героев белого движения были прикрыты.

Надо осознать, что в точке разлома, в 1989-1991 годы, на политической поверхности при активной поддержке российских масс оказались как раз те, для кого «имперская», «державная» Россия была заклятым врагом.

Проблемы безопасности, суверенитета России оказались и вне поля зрения тех, кто осуществлял демократические реформы в СССР. Правда, эту опасность разлома России вслед за разгоном коммунистической системы прекрасно видели деятели НТС, дети и внуки белой эмиграции. Владимир Дмитриевич Порембский, один из патриархов НТС, с которым мне довелось много общаться (он буквально преследовал меня по пятам во время моих выездов на Запад в 1991-1992 годы), объяснял мне, что все мы, «перестройщики» и «реформаторы», делимся на две категории: на борцов с коммунизмом и с советской системой, и на борцов с Россией. Меня, как российского патриота, относил к первому лагерю, но предупреждал, что такие, как я, в меньшинстве, что в России снова победят поклонники Ленина и Троцкого.

Мне думается, что повышенная чувствительность белой эмиграции к состоянию российского суверенитета была вызвана и ее личным негативным опытом. Старая, дореволюционная Россия была более зависимым от своих союзников государством, чем СССР, коммунистическая Россия. Державность и суверенность СССР нас во многом развратила, мы к ней привыкли, мы почему-то думали, что эти атрибуты нашей государственности нам гарантированы навсегда. И только тогда, когда в январе 1992 года Государственный секретарь США Бейкер начал, как новый хозяин, инспектировать бывшие советские республики, интеллигенция бывшего СССР увидела

105

Глава 2. *От какого наследства мы должны отказаться*

потерю, увидела, как легко независимая страна превращается в сателлита.

2.3. *О пораженьчестве «невыездных»*

Интересно, что даже я, сторонник сохранения исторической России, восставший еще в 1989 году против идеи суверенитета СССР, не чувствовал в должной мере опасность утраты суверенитета собственной страны. Это проявилось и в моем довольно легковесном отношении к грядущему объединению Германии, которое я поддерживал, и в

моем агрессивном антикоммунизме, который с наибольшей силой дал о себе знать в моей статье «Хороши ли наши принципы?» (Новый мир. 1990. №4).

Проблемы безопасности, суверенитета России, как я уже сказал, оказались вне поля зрения тех, кто боролся за демократизацию страны. Правда, эту опасность разлома России вслед за гибелью коммунизма прекрасно видели дети и внуки белой эмиграции. Мы, советская интеллигенция, не чувствовали так остро этой опасности, самой возможности превращения России в колонию Запада, наверное, потому, что абсолютная суверенность СССР была тем воздухом, которым мы дышали и ценность которого не могли знать. Хотя справедливости ради надо сказать, что в самой антикоммунистической позиции, в самом желании свободы от коммунизма было если не пораженчество, то элемент преклонения перед Западом, перед странами западной демократии. Не столько низкопоклонство, сколько очарование свободным Западом. И это очарование свободами Запада было тем выше, чем меньше у советского интеллигента была возможность побывать там, за бугром, куда его не пускала «выездная комиссия». И это естественная реакция на кричащие, чаще всего абсурдные с точки зрения здравого смысла ограничения и запреты советской системы. Когда смотришь на свое общество как на ненормальное, как на систему абсурдов, то невольно проникаешься уважением

106

2.3. О пораженчестве «невъездных»

к тем странам, где все по-другому, где все устроено, как тебе кажется, по-человечески.

Надо понимать, что наше самосознание и своей жизни, и своей страны было на самом деле самосознанием подпольного человека, живущего за железным занавесом, лишенного основных благ человеческой цивилизации и прежде всего свободы передвижения, свободы видеть другие страны, другой мир. И кстати, только сейчас, после августовской войны 2008 года в Южной Осетии, то есть без малого спустя двадцать лет после распада СССР, многие, в том числе и бывшие шестидесятники, осознали, что мир свободы и благосостояния, который мы, «невъездные», боготворили, на самом деле был и остается чужим для нас не потому, что там человеку живется плохо, как говорила советская пропаганда, а потому, что мы, россияне, на самом деле являемся чужими для Запада. Он, Запад, нас не любит, не ценит, не готов с нами «дружить» на равных. Отсюда и изначальный драматизм России. Конечно, мы — часть европейского мира. Но беда наша в том, что этот европейский мир не признает нас за своих.

Но, видит Бог, из советского далека все это было трудно увидеть и особенно — прочувствовать. «Железный занавес», напротив, рождал и романтический либерализм, и завышенные ожидания, связанные с грядущей свободой.

Отсюда и характерное для советского «невъездного» мистическое отношение к границе, к той полосе, которая отделяет твой мир от другого мира, куда тебе не позволено. Многие интеллигенты еврейского происхождения покидали СССР не из-за особого желания стать гражданами Израиля или США, а из-за открывшейся возможности хотя бы таким образом преодолеть запрет, ощутить себя первый раз свободным человеком, они устали жить в клетке. Само это желание освободиться от непосильных для нормального человека запретов и ограничений несло в себе психологию пораженчества, подавляло патриотические и государственнические чувства. У подпольного человека нет возможности в равной мере ощу-

107

Глава 2. От какого наследства мы должны отказаться

щать значимость, наряду со свободой, и государственного суверенитета, и своего национального бытия.

Созидательное государственничество, полноценное национальное самосознание трудно выработать в ненормальном обществе, где нет элементарных свобод. Вынужден обратить внимание на этот факт, ибо сегодня, о чем я буду говорить в заключительных

главах книги, снова заговорили громким голосом идеалы «железного занавеса», добровольной изоляции от Запада.

Ничего нельзя понять ни в природе самосознания советского антисоветчика, ни в причинах нашей контрреволюции (более точно, в механизме самораспада коммунистической системы), не принимая во внимание экстремальность нашего тоталитаризма. Семен Франк до конца своей жизни (он умер в 1940 году) обращал внимание на то, что «господство коммунизма есть самое ужасное из того, что когда-либо переживали не только европейские народы нового времени, но и человечество в целом. В сравнении с ним любой другой государственный и общественный порядок вплоть до пресловутого азиатского деспотизма, кажется гуманным и либеральным установлением. До русского коммунизма во всемирной истории не было такого деспотизма, который, с одной стороны, втягивал всю жизнь подданных в орбиту своей власти и пытался по общим принципам регулировать ее, а с другой, опирался при этом на чисто материалистическое мировоззрение при отрицании всех нравственных и религиозных ценностей» [56]. «Русская революция, — настаивал Иван Ильин, — есть величайшая катастрофа не только в истории России, но и в истории всего человечества» [57].

Еще раз обращаю внимание: при всех существенных различиях и в воспитании, и в мироощущении пораженчество и национальное, государственное отщепенство советской либеральной интеллигенции было продолжением и воспроизведением пораженчества и государственного отщепенства российской революционной интеллигенции. Они, которые были

108

2.3. О пораженчестве «невыездных»

предметом исследования пророческих «Вех», жили ненавистью к самодержавию. Мы, которые стали впервые предметом исследования в эпохальной статье Александра Солженицына «Образованщина», жили и питались ненавистью к стеснениям советской системы. Правда, как точно подметил Солженицын, мы были куда трусливее, чем либеральная интеллигенция дореволюционной России. Правда, поражает, что Александр Солженицын, который составлял сборник «Из-под глыб» в середине семидесятых, не чувствует, что грядут перемены, что очень скоро строй, с которым он борется, рухнет. Но ведь нельзя не видеть, что наша революция 1991 года была также бездарна и карикатурна, как Февральская революция 1917 года.

Многие историки, правда — например, Юрий Пивоваров, — полагают, что данная аналогия не вполне корректна. Россия, с его точки зрения, накануне 1917 года все же имела развитые демократические институты. Основные законы 1906 года превратили Россию в конституционную монархию, провозгласили свободу слова, вероисповедания, печати, собрания, создания союзов. Накануне 1917 года Россия была так называемой «дуалистической монархией», как и Пруссия. СССР же накануне перестройки был тоталитарной системой, основанной на одной марксистско-ленинской идеологии, где вся полнота власти была сосредоточена в руках Политбюро ЦК КПСС.

Все это верно. Россия накануне революции 1917 года была куда более демократической страной, чем даже горбачевский СССР конца восьмидесятых — начала девяностых. Но все же нельзя не видеть, что, к примеру, Горбачев, начиная свою перестройку, став на путь демократизации тоталитарной коммунистической системы, допустил те же ошибки, что и российские либералы 1917 года, добивавшиеся от Николая II отречения. Михаил Сергеевич в этом смысле уникален. Он повторил не только роковые ошибки Николая II, но и ошибки Временного правительства. Если наших «шестидесятников» роднило с революционной социалистической интеллигенци-

109

Глава 2. От какого наследства мы должны отказаться

ей начала XX века прежде всего марксистское мировоззрение, то с нашими российскими либералами их, «шестидесятников», особенно «шестидесятников» при

власти, роднила психология и, прежде всего, традиционная российская легковесность, поспешность в решениях. Не забывайте, Горбачев тоже был и есть «шестидесятник», из «шестидесятников» состоял и его ближайший круг — Георгий Шахназаров, Вадим Медведев, Наиль Бикенин. Нельзя было отменять «самодержавие» КПСС, конституционное закрепление руководящей роли КПСС до завершения экономических реформ. Нельзя было руководителю государства объявлять войну партийно-хозяйственному аппарату, на котором держалась вся организация общественной жизни. И все от формализма, от недостатка чувства реальности, от легковесного мышления, от незнания своей национальной истории. Ведь Временное правительство потеряло Россию, когда объявило войну прежней царской администрации. За ликвидацией прежнего государственного аппарата, «как якобы контрреволюционного» «распались все силы, способные поддержать порядок, а силам беспорядка были открыты все возможности» [58].

Горбачев и его окружение не понимали, что власть в России по природе сакральна, моноцентрична, что запуск революции сверху может привести не столько к демократии, сколько к распаду, анархии. Нельзя было делать ставку на либеральную интеллигенцию, политические аппетиты которой разгорались с каждым днем. Горбачев не видел, не понимал, что либеральная интеллигенция, которой он покровительствовал, живет разрушительными, пораженческими настроениями. Ни русские либералы 1917 года, ни команда Горбачева не видели, что демократические реформы могут восприниматься народом просто как ослабление власти, как легализация вседозволенности. Русские либералы, добивавшиеся отречения Николая II, не понимали, что монархия была единственным организующим принципом, стержнем в России, что без нее все просто рассыплется. Горбачев, дитя аппарата, тем

ПО

2.3. О пораженчестве «невыездных»

не менее тоже не понимал, что вся общественная жизнь в коммунистической России держится на так называемой партийно-хозяйственной номенклатуре, что борьба с аппаратом равноценна борьбе с государством. Реформаторы и 1917 года, и конца восьмидесятых — начала девяностых не отдавали себе отчет, что хуже бывает, что бывает намного хуже. Первые не понимали, что в России возможен деспотизм, превышающий многократно самодержавие самого деспотичного самодержца. Вторые, перестройщики, не понимали, что либерализация власти вместо экономического подъема может обернуться тотальной деградацией производства и общественной жизни. Либералы 1917 года не видели, что и в народной толще, и в психологии большевистской интеллигенции сокрыто море невиданной жестокости. Мы, перестройщики и реформаторы начала 90-х годов, не понимали, что в советском сознательном человеке сокрыта сокрушительная страсть к анархии, к вседозволенности. Выросший из советского человека и советского спортсмена криминал потопил в крови Россию начала 90-х годов. И эти кошмары очень напоминали кошмары, которыми наводняли города России уже летом 1917 года банды «черных кошек?».

И самое главное: и либералы 1917 года, рвущиеся, пришедшие к власти в феврале, и либеральная советская интеллигенция переоценивали свою готовность к управлению страной. Они не отдавали себе отчет в том, что те, которых они свергают, на самом деле являются профессионалами, что без них — беда, катастрофа. Такая завышенная самооценка роднит и тех и других.

В 1991 году реформаторы, как и в 1917-м, не понимали, что демократия в России в силу особых качеств нашей революционной интеллигенции, в силу ее непреодолимых пораженческих настроений может использоваться не для созидания, а для разрушения, что с такого типа интеллигенцией, с такого типа элитой ни одну серьезную национальную задачу решить невозможно. Было что-то нездоровое, холопское в заискива-

нии Горбачева перед либеральной советской интеллигенцией, он не понимал, что, оттесняя от власти партийную номенклатуру, он отдает страну в руки людей, больных душой, разрушителей.

И при этом и в 1917 году, и в начале 90-х годов проявилось абсолютное незнание, непонимание народа, к которому были обращены демократические реформы. При этом поразительная слепота, неумение, нежелание видеть, что нет не только гражданского общества, но и элементарных навыков самоорганизации. Не было понимания того, что на самом деле без государства, на местах никто не сможет сам организовать порядок, общественную жизнь, что без государственного кнута русская провинция развалится, начнет заниматься самоедством.

Обратите внимание! Не только поступки, но и речи Михаила Горбачева напоминают поступки и речи руководителей Временного правительства. У тогдашнего министра внутренних дел князя Львова в 1917 году: «Назначать никого не будем. На местах выберут. Такие вопросы должны разрешаться не из центра, а самим населением. Будущее принадлежит народу, выявившему в эти исторические дни свои гении. Какое великое счастье жить в эти великие дни!». Михаил Горбачев в самый разгар перестройки, в 1988 году, обласканный вниманием и любовью народа, говорит: «Я что вам — царь? Или Сталин? За три года вы могли разглядеть людей — кто на что годится, кто где может быть лидером, организатором — и выбрать того, кто заслуживает. И прогнать негодных. И организовать так, как вы считаете правильным».

Повторяю. И те и другие реформаторы явно переоценили готовность народа российского к самоорганизации и к самоуправлению. И самое поразительное. Люди, называющие себя политиками, вовлекающие миллионы людей в революционные преобразования, не видели, не понимали, на чем держится власть, общественный порядок в их собственной стране. Либералы, добивающиеся свержения самодержавия, не осознавали, что монархия на самом деле является един-

112

2.4. Август 1991 года: революция человека из подполья

ственным институтом, на котором держится общественный порядок, что это был тот фундамент, на котором держалось воздвигаемое столетиями здание России. Горбачев в свою очередь не отдавал себе отчет в том, что цензура, сдерживающая правду и о принципах системы, и о методах ее возведения, является на самом деле ее фундаментом, что советская система по природе своей несовместима с демократией, с исторической правдой.

2.4. Август 1991 года: революция человека из подполья

Я лично не вижу качественных различий между революционной, либеральной интеллигенцией 1917 года, ждущей свою «честную революцию», и нами, советской либеральной интеллигенцией, ждущей избавления от коммунистической системы.

И в 1917 году, и в 1991 году казалось, что как только рухнут оковы самодержавия, красота, добро и ум одержат верх над уродством, злом и глупостью. И если разница между качеством российской интеллигенции 17-го и качеством советской интеллигенции начала 90-х годов существует, то не в нашу пользу. Они, либералы и социалистическая интеллигенция 1917 года, при всем своем так называемом «государственном», «религиозном» и «национальном» отщепенстве, были русскими людьми, своими мыслями и чувствами глубоко укорененными в российской истории, в российском православном быту и т.д. Либералы же времен перестройки были прежде всего советскими людьми, детьми разлома эпох и времен. Они были воспитаны на тотальном отрицании того, что было до Октября, а связь времен для них держалась только на традициях борьбы с всевластием. Отсюда и отношение к коммунистическому самодержавию, — точно такое же, как и у либеральной интеллигенции 1917 года к самодержавию царскому.

113

Глава 2. От какого наследства мы должны отказаться

Все говорит о том, что сознание советской оппозиционной интеллигенции по своей структуре, по исходным ценностям, по своей легковесности было близко к сознанию героев февраля 17-го. Оно было акцентировано не столько на правах и свободах личности, на достоинстве человека, сколько на борьбе с всевластием своей же российской власти. Свобода в данном случае понималась (и до сих пор понимается) только как свобода от власти и государства. В каком-то смысле это было сознанием традиционного российского «человека из подполья», который видит весь мир и свою собственную жизнь через окошко своей надежды на грядущее освобождение от системы — или от самодержавия, или от коммунизма. Кстати, вся жизнь этого советского человека, критически настроенного к системе, есть вечное ожидание перемен, послаблений и даже освобождения от ее оков. Когда-то, еще в 70-е годы, советский интеллигент, социолог Захар Ильич Файн-бург, умерший накануне распада СССР, рассказывал мне, что все его беседы с однокурсником Юрием Александровичем Левадой сводились к проблеме «крепчает или ослабевает маразм в Кремле».

И самое важное. Политик, наделенный сознанием подпольного человека, мыслит плоско, сводя все богатство социальных проблем, общественных отношений к зависимости индивида от государства. А потому весь смысл политики сводится или к укреплению власти государства над индивидом, или к ослаблению, разрушению этой власти. Этот человек абсолютно не видит, что наряду с проблемой свободы личности существует проблема морального, духовного здоровья нации. Этот человек не видит того, что должен видеть патриот, — исходную самооценку национального и государственного бытия. Для него главным и единственным социальным благом является лишь независимость индивида от государства, а общественный прогресс измеряется только мерой освобождения общественной жизни от государства.

114

2.4. Август 1991 года: революция человека из подполья

Либералы и 17-го, и 91-го годов не осознавали, что индивидуальные свободы могут прийти в противоречие с другими фундаментальными нормами жизни — сохранением личной и общественной безопасности, социального мира, духовного здоровья нации. Что эти свободы сами по себе не ведут ни к морали, ни к творчеству, ни к истине. Что они в конце концов могут вступить в противоречие с интересами национальной безопасности государства. Ни один русский либерал никогда не понимал, что личные свободы вне национального государства и национального бытия не имеют смысла. Кстати, не будет национального государства, не будет традиционного российского суверенитета — и не будет уже ни нашей «Отчизны», ни «Родины». Когда Родина превращается в колонию, в управляемую извне территорию, она уже не будет «Родиной» в русском смысле этого слова.

Честно говоря, не могу понять, почему я сам долго не видел то, что можно было увидеть еще двадцать лет назад, почему я не видел, что никакая реставрация духа, ценностей старой России невозможна по той простой причине, что у нас нет и не было тогда, во второй половине 80-х годов прошлого столетия, национальной элиты, то есть политиков, деятелей культуры, науки, которые бы обладали развитым российским национальным, государственным сознанием, национальной страстью, желанием пожертвовать чем-то своим личным во имя России, не было элиты, наделенной национальной страстью, то есть стремлением воссоздать великую Россию.

Не обладали российским национальным сознанием ни Горбачев, ни члены его команды, о чем я пишу в своих мемуарах. Не обладал национальным сознанием и любимец Сталина Андрей Громыко, который, как теперь стало известно всем, отдал Горбачеву вакансию Генерального секретаря взамен обещания Михаила Сергеевича в случае успеха назначить его, Андрея Громыко, Председателем Президиума Верховного Совета СССР. Не обладали национальным сознанием и члены Межре-

115

Глава 2. *От какого наследства мы должны отказаться*

циональной группы во главе с Гавриилом Поповым и Андреем Сахаровым, Юрием Афанасьевым. Понятно, что не могло идти речи о какой-либо реставрации, о преемственности между добольшевистской и послебольшевистской Россией среди людей, которым «не было жаль старой России», для которых она была лишь собранием «мерзостей русской жизни».

Наше демократическое движение конца 80-х - начала 90-х годов, то есть движение, которое возглавило борьбу за освобождение от, как они говорили, «командно-административной системы», сплошь состояло из тех, кто был противником всего, что было в старой России. Еще раз стоит напомнить, что у нас в стране освобождались от коммунизма не с помощью лозунгов реставрации, а с помощью лозунгов «подлинной коммунистической справедливости». Идеологи «Демократической России» не только не хотели реставрации того, что можно было спасти из остатков старой России, к примеру, не только не хотели возрождения Русской православной церкви, а, напротив, настаивали на том, что в России не будет демократии до тех пор, пока не разрушим до конца наследство российского традиционализма.

Для Александра Исаевича Солженицына как национально мыслящего писателя проблема реформ была проблемой обустройства России. Отсюда и название его программной статьи «Как обустроить Россию». Для подавляющей части перестройщиков и реформаторов начала девяностых не существовало проблемы России как тысячелетнего государства, а только проблема «преодоления тоталитаризма», преодоления «однопартийной системы», «диктата марксистско-ленинской идеологии» и т. д. Надо понимать, что идея «суверенитета РСФСР» могла зародиться только у людей, лишенных национальной памяти и национального сознания. Интересно, что смысл понятия «национальная элита» стал для нас доступен только в конце девяностых, когда в результате краха реформ обнаружился дефицит людей, осознающих национально-государственные интересы и способных воплощать их в жизнь.

116

2.4. Август 1991 года: революция человека из подполья

Интересно, что «демократическая оппозиция» в странах Восточной Европы, и прежде всего в Польше, уже в семидесятые ставила вопрос о качестве национальной элиты, сформированной в условиях социализма, пыталась ее интегрировать. Примером тому тексты клуба польской интеллигенции «DIP». У нас же ни в трудах легальной оппозиции, ни в самиздатовских подпольных изданиях не исследовалась проблема элиты в классическом смысле этого слова. Справедливости ради надо сказать, что опять Александр Исаевич был, как всегда у нас, исключением. В своей статье «Образованщина» он подходит к проблеме элиты. Но все же рассматривает ее в традиционном ключе как проблему исходных пороков российской интеллигенции, как проблему духовных пороков уже новой советской интеллигенции. Но Солженицын не видит более серьезной, драматической проблемы — проблемы дефицита субъекта грядущих реформ. Солженицын не видел тогда ситуации, с которой столкнулись мы, не видел, что сама по себе свобода от коммунизма без наличия национальной элиты мало что дает.

Поражает, что и мы, представители советской интеллигенции, жаждущие перемен, и убежденные «антисоветчики», и поклонники «социализма с человеческим лицом» не видели того, что могло угрожать нашей мечте. А есть ли гарантия, что те, кто придет на смену советской номенклатуре, будут в состоянии построить нормальное демократическое рыночное общество? А есть ли у населения новой России, у тех, кто останется после коммунистического эксперимента, кто переживет советскую систему, силы и способности создать новую экономику, более эффективное и достойное общество?

Эти сами собой напрашивающиеся вопросы не задавал себе никто из тех, кто косвенно или прямо разрушал идеологические устои системы. Я лично никогда не был сторонником смены элиты, отстранения от власти тех, кто правил страной до

перестройки, во время перестройки. Я предлагал сделать то, что позже сделали китайцы — сменить идеологическую

117

Глава 2. *От какого наследства мы должны отказаться*

легитимность КПСС на государственническую, перейти от спасения институтов марксизма к спасению нашей общей Родины. По этой причине я был противником роспуска КПСС. В силу этого никогда не посягал на власть «номенклатуры» как единственной реальной опоры государства. Но лично меня никогда не посещало сомнение в возможность моих современников, представителей советской интеллигенции, наладить нормальную жизнь, без доктринальных абсурдов, нормальную демократию, экономику.

И только теперь я понимаю, почему мы, советская интеллигенция, не видели реальные угрозы для новой России, которые подсказывал элементарный здравый смысл. И здесь я снова должен вернуться к анализу негативных последствий нашего марксистского воспитания.

Во-первых, надо принять во внимание наше советское, марксистское восприятие человека, который якобы от природы равен другим, вложенное нам в детстве убеждение, что любая кухарка сумеет править страной, если ее научат. Мы не видели очевидного, того, что бьет в глаза сейчас. В рамках советской системы, в рамках советского экономического образования не могли появиться кадры с подлинным рыночным мышлением, могущие всем своим нутром чувствовать реальную экономику, отвечать своими решениями на ее импульсы. Наши реформаторы марксистской закваски могли только поменять одну доктрину на другую, могли только создать коммунистическую систему хозяйствования наоборот. Если первая система предполагала ответственность государства за каждую производственную гайку, то их система, как антисистема, была нацелена на то, чтобы государство не отвечало ни за что, абсолютно ни за что.

Во-вторых, нас, советскую либеральную интеллигенцию, подвела излишняя оппозиционность, гиперкритичность по отношению к советской системе в целом. Многие из нас думали, что основной коренной порок реального социализма в так называемой «закупке вертикальной мобильности», что идео-

118

2.4. Август 1991 года: революция человека из подполья

логический, партийный подход к подбору кадров отстраняет от власти наиболее одаренных, талантливых людей. Отсюда и убеждение, что у нас пруд пруди талантливых, одаренных людей, что стоит им придти на смену номенклатурщикам, и социальные и экономические блага польются потоком.

Интересно, что эти разговоры о «закупке вертикальной мобильности» как основном пороке «реального социализма» я слышал и от сподвижников Александра Дубчека, в частности от Отто Шика и Карела Косика в Праге в 1967 году, накануне апрельской революции 1968 года, и в 1979 году в Варшаве от идеологов правой оппозиции Анджея Веловейского и Богдана Готовского накануне появления революционной «Солидарности».

Вера в свое интеллектуальное превосходство по сравнению с правящей номенклатурой объединяла оппозицию всех стран Восточной Европы, включая СССР.

Но на примере реформ в Российской Федерации обнаружился не только острый дефицит серого вещества среди победившей демократии, но и ее профессиональная непригодность по сравнению с отстраненной от власти номенклатурой. Теперь-уже ясно, что если бы Ельцин послушался «вашингтонский обком партии» и сделал бы сразу ставку не на «чикагских мальчиков», а на проверенные кадры — на Евгения Примакова, Юрия Маслюкова, Владимира Щербакова и им подобных, то сейчас мы бы обладали куда более устойчивой и развитой экономикой.

Но тогда, в конце восьмидесятых, когда все заболели жаждой перемен, никто из оппозиции, ни патриотической, ни космополитической, не видел, не чувствовал грядущую

угрозу кадрового дефицита.

Но было бы неверно полагать, что все беды и болезни нынешнего российского духа от козней или от так называемого «вредительства» демократов или либералов, от их пораженчества. Само российское общество, наша традиционная апатия, безразличие, неумение постоять за себя, защитить достоинство

119

Глава 2. *От какого наследства мы должны отказаться*

России и ее народов, как я уже сказал, порождают эту атмосферу ерничества, издевки над всем святым, в том числе и над ценностями патриотизма, над идеей служения Отечеству. Не надо забывать, что эта эпоха «либерального» глумления над патриотизмом была возможна лишь при попустительстве команды Ельцина. *Как только к власти пришел Путин и реабилитировал ценности патриотизма и государственничества, сказал, что Россия будет великой или ее совсем не будет, страсти либерального нигилизма поутихли.* Надо понимать и знать, что все же в мирное время атмосфера сохранения и почитания национальных святынь, пропаганда патриотических ценностей является прерогативой государственной власти. Никто и никогда не отменял идеологической и духовной миссии государственной власти. Кстати, и в советское время все инициативы по воспитанию патриотизма, так называемому «воспитанию молодежи на боевых традициях», все эти походы молодежи «по местам боевой и трудовой славы» шли от государства, от партии и от комсомола. И ничего страшного. Важен результат. В рамках нашей советской системы, идеология которой была построена на отрицании старой России как «классового», «эксплуататорского» общества, молодые были куда больше включены в контекст национальной истории, чем поколения девяностых прошлого века и значительная часть молодежи нового, XXI века.

Еще раз не могу не сказать: в конце концов несут ответственность за вспышку национального нигилизма в начале девяностых и те политики и общественные деятели, которые называли себя «патриотами» и которые якобы несли в массы идеалы любви и служения Отечеству. К сожалению, они много — конечно, неосознанно — сделали для дискредитации идеологии и ценностей русского патриотизма. Важно выяснить, почему народ российский в этот критический момент российской истории пошел не за теми, кто клялся в любви к Отечеству, а за теми, кто открыто говорил, что русские ни на что не способны, что русская история не имеет смысла и т.д.

120

2.5. *О патриотах, не любящих Россию*

Пора сегодня понять, почему народ российский не очень доверял политикам, которые называли себя «патриотами», клялись в верности России, а в большинстве случаев ее действительно безмерно любили. Наверное, у нас была бы другая национальная история, если бы у нас были другие патриоты, не те, которые во вред себе и во вред России присвоили себе монополию на любовь к России, на право выражать и защищать ее национальные интересы.

2.5. *О патриотах, не любящих Россию*

Россия действительно особая страна. У нас в России редко были в почете, а тем более при власти русофилы. И еще реже им сопутствовал успех в политике. На то, наверное, были серьезные причины. Правители России всегда боялись так называемых «русских патриотов», редко приближали их к себе. У защитника «русской старины» и «чувства Родины», главного редактора «Молодой гвардии» конца семидесятых А. Никонова было столь же мало шансов приблизиться к Брежневу, как у публициста, защитника интересов «коренного русского племени» М. Меньшикова оказаться рядом с Николаем И. Михаил Горбачев, не подпускающий к себе, как он говорит, «русофатов» на пушечный выстрел, не был исключением. Не было никакой скрытой «русской партии» и у Брежнева. Интересно, что русофил Егор Лигачев, оказавшийся в 1985 году вторым человеком в партии, так и не приблизил к себе ни одного видного деятеля так называемой

«русской», «молодогвардейской партии».

Парадокс состоит в том, что у нас, в отличие от других стран, к примеру, в отличие от Германии, Польши, политический успех больше сопутствовал разоблачителям «пороков» русской нации.

На серьезные размышления наводит тот факт, что второй и последний после Ленина русский среди вождей Октября Николай Иванович Бухарин, как полагает исследователь Михаил

121

Глава 2. *От какого наследства мы должны отказаться*

Агурский, был просто русоненавистником, в его русофобии «было нечто экзистенциальное, некая национальная самоненависть, национальный нигилизм» [59]. «О Бухарине, — писал Михаил Агурский, — сложилось немало легенд, и одна из них заключается в том, что он якобы был настоящим русским человеком, близко к сердцу бравшим страдания русского народа и в особенности крестьянства... Реальные же факты показывают, что, не считая Зиновьева, мало кто так последовательно боролся против русского национализма и всего того, что могло под ним подразумеваться. Бухарин испытывал подлинную ненависть к русскому прошлому и, пожалуй, из всех лидеров большевистской партии наибольшим образом олицетворял антинациональные идеи раннего большевизма» [60]. В том-то и дело, что по части русофобии Николай Бухарин переплюнул Владимира Ульянова. Когда Ленин говорил об «истинно русском человеке» как о «подлеце и насильнике», то он имел в виду «великоросса-шовиниста... каким является типичный русский бюрократ». Бухарин же разоблачал русскую нацию в целом, говорил, что русские были «нацией Обломовых», а слово «русский» было синонимом жандарма. Но не за белыми патриотами, которые перед боем целовали русскую землю, а за партией Ленина и Бухарина, за теми, кто постоянно и публично унижал достоинство русского народа, пошли в конце концов русские массы, пошли великороссы. Теперь становится понятно, что даже Сталин с его тостами «За здоровье русского народа!» был липовым русофилом. Он, Сталин, ловко использовал пробуждающееся русское национальное самосознание, феномен национал-большевизма для опрокидывания своих врагов и укрепления своей власти. Но на самом деле мало что сделал для процветания преобладающего, государственно-образующего этноса России. Идеологическая империя Сталина была не более этнической, не более русской, чем аристократическая империя русский царей. Империя Сталина, как и империя русских царей, строилась и существовала за счет беспощадной эксплуатации титульной

122

2.5. *О патриотах, не любящих Россию*

нации и высасывания всех жизненных ресурсов великороссов и малороссов. Белорусы удостоились этой чести жить и работать во имя империи только в XIX веке. По своей жестокости раскулачивание в русском Поволжье ничем не отличалось от раскулачивания на Украине.

Ленин и Троцкий хотя бы не покушались на святое, на цвет российской нации. Они посадили всех выдающихся представителей русской культуры и русской общественной мысли в 1922 году на пароход и дали им возможность умереть своей смертью, творить во имя России, будущей России, за рубежом. Сталин же отправил в мир иной все крупные имена русской науки, оставшиеся в СССР, — и Чаянова, и Кондратьева, и Николая Вавилова, и Устрялова, и многих других, менее известных представителей русской общественной мысли. О русофильстве Сталина в кавычках многое говорит та кровавая бойня, которую он устроил и в так называемой «русской партии» во время так называемого «ленинградского дела» в 1949 году. Были убиты не только такие выдающиеся государственные деятели, как Н. В. Вознесенский, А. А. Кузнецов, М. И. Родионов, но практически все выдвиженцы уже умершего Жданова.

«Русская партия» Н. А. Вознесенского и А. А. Кузнецова — это, скорее всего, метафора. Хотя разговоры о намерении создать компартию РСФСР они действительно вели. Но поразительно, что ни одна политическая сила в России, считающая себя русской национальной партией, никогда не выигрывала борьбу за власть в нашей стране в XX веке. О поражении ГКЧП уже все сказано. Поражение влиятельной, в прошлом мощной КПрФ в борьбе за власть в новой России в середине девяностых прошлого века еще свежо в нашей памяти. Но ведь Временное правительство 1917 года по отношению к Петроградскому Совету рабочих и солдатских депутатов тоже было русской партией, ставящей своей целью спасение России, спасение государства русских. И она, эта русская партия, партия Временного правительства, проиграла борьбу за власть руководителю Петроградского Совета рабочих и солдатских

123

Глава 2. *От какого наследства мы должны отказаться*

депутатов Л. Д. Троцкому, мечтавшему, напротив, разрушить «любяную Русь», использовать Россию как плацдарм для продвижения мировой пролетарской революции.

Русской партией считало себя и белое движение, воевавшее во имя Великой, Единой и Неделимой России. Но, как обращал внимание еще русский философ Семен Франк, «коренной русский человек» во время Гражданской войны поддержал власть «иностранцев», которая была «чужда во многих отношениях русскому духу». Отсюда тот страшный вопрос, который задавал тот же Семен Франк и от которого уходят все нынешние историки патриотического движения в России: «Как произошло, что народ, который Достоевский — как это казалось до сегодняшнего дня — справедливо называл „народом-богоносцем“, народ, проникнутый достойными уважения древними традициями, которого в прошлом рассматривали в качестве главной опоры консерватизма в Европе, вдруг поменял свое мировоззрение и вместо своего святого и Богом данного царя избрал своими вождями и властителями западноевропейских социалистов? Как вообще возможно, что священные старые башни Московского Кремля, выдержавшие столько вражеских набегов, видевшие армию Наполеона... теперь служат воротами резиденции коммунистического правительства, а кремлевские часы вместо привычного гимна „Коль славен наш Господь в Сионе“ теперь ежедневно исполняют „Интернационал“?» [61].

Андрей Платонов в своей сатире на революцию, в своем «Чевенгуре», задает тот же вопрос: как мог «народ-богоносец» породить солдата революции Копенкина, поменявшего любовь к Богу на любовь к «прекрасной девушке Розе Люксембург»?

Интересно, что о причинах этих странностей русского народа никто не думает и сейчас, и после того, как в конце восьмидесятых — начале девяностых, в эпоху перестройки «коренной русский человек», как и в годы гражданской войны, пошел не за патриотами, за партией ГКЧП, а за «Демократической Россией» Гавриила Попова, Елены Боннэр и Галины

124

2.5. *О патриотах, не любящих Россию*

Старовойтовой, за теми, кто обещал окончательно освободить Россию от всего «традиционного», от ее «имперского», «великодержавного» наследства.

«Коренной русский человек» пошел в начале девяностых за теми, кто открыто говорил, что якобы русский патриотизм является последним прибежищем негодяев, кто открыто говорил, что русская история не удалась, что нам нечего взять из прошлого, ни из царского, ни из советского, что «государственность», «религия» и «нация» являются пустыми понятиями. «Коренной русский человек» в начале девяностых пошел за «шестидесятниками», за теми, кто, как Ленин и Бухарин, откровенно гордился своим «религиозным», «национальным» и «государственным» отщепенством. Интересно, что русофобия в начале девяностых процветала точно так, как в стране победившего социализма в двадцатые. Интересно и то, что «коренной русский человек» молился в наши дни на жену Андрея Сахарова Елену Боннэр точно так, как красноармеец Копенкин

на Розу Люксембург в начале двадцатых. Тут есть над чем подумать.

Но до сих пор политики и общественные деятели, называющие себя русскими или российскими патриотами, не проявляют интереса к причинам недееспособности, несостоятельности своей собственной русской партии. Историк Олег Платонов написал уже несколько томов об истории так называемого «русского сопротивления». Проделал громадную работу. Но ему никогда в голову не приходит спросить себя: «А почему в России русская партия всегда оказывалась в роли, как он пишет, „угнетенной“, вынужденной „сопротивляться“?»?

О многом говорит и тот факт, что в начале девяностых моральным и духовным авторитетом россиян стал умерший социалист, гражданин мира Андрей Дмитриевич Сахаров, а не здравствующий патриот и государственный, антикоммунист Александр Исаевич Солженицын. Интересно, что тогда, в начале девяностых, еще не приехавшего в России Солженицына расстреливали из медийных орудий все наши главные партии.

125

Глава 2. *От какого наследства мы должны отказаться*

Сталинисты, национал-большевики, авторы газеты «День» проклинали Солженицына за его антисоветизм. А шестидесятники-ленинцы, авторы «Московских новостей», распинали Солженицына за его «традиционализм», «русский патриотизм».

Мне могут сказать, что надо благодарить Господа Бога, что он уберет «коренного русского человека» от соблазнов национал-патриотизма, от идеи создания этнического русского государства. Национал-большевизм эпохи перестройки, доведенный до идеи обособления русских территорий от других частей СССР, до идеи создания особой коммунистической партии РСФСР, особой русской школы, действительно имел разрушительный характер. Интересно, что Л. А. Тихомиров, который зарекомендовал себя как монархист и русский националист, еще в начале XX века предупреждал, что идея строительства России для русских, идея создания "племенного" русского государства, создания специальных русских "семинарий", "гимназий" противоречит и всей российской истории, и смыслу и духу российской культуры, и христианской природе российской нации. Эта идеология "эгоистической замкнутости", полагал Л.А.Тихомиров, не имеет ничего общего с российским патриотизмом. "Нельзя не согласиться, — развивал свои мысли Леонид Тихомиров, — что человек не русского племени нередко может быть скорее назван русским, чем иной потомок Московских бояр или даже Рюриковичей (которые, впрочем, и сами, по летописи, были не русскими)" [62]. Драма начала 90-х годов уже прошлого столетия в том, что советские люди, считающие себя русскими и русскими патриотами, начисто утратили инстинкт национального самосохранения, утратили чувство и дух русскости и начали добиваться строительства "племенной" России, суверенитета РСФСР.

Правда, страшная правда для русских патриотов-почвенников конца 80-х - начала 90-х годов состоит в том, что их сумасшедшая идея «суверенизации РСФСР», идея создания на ее основе «русского национального государства» была, к несчастью, все же услышана, но только тогда, когда она была произ-

126

2.5. *О патриотах, не любящих Россию*

несена их заклятыми врагами, когда она была взята на вооружение «Демократической Россией» Гавриила Попова и Елены Боннэр.

До тех пор, пока идея суверенизации РСФСР пропагандировалась на страницах патриотических изданий, на страницах газет «День» и «Литературная Россия», она воспринималась многими, и прежде всего интеллигенцией Москвы и Ленинграда, как чудачество. И действительно, как можно отделить РСФСР, ядро России от самой России, от Крыма, от Севастополя, от русского Казахстана!

Но как только стала видна политическая польза от этой сумасбродной идеи

«суверенитета РСФСР», демократы-интернационалисты, видные деятели так называемого «кружка Сахарова» поменяли к ней отношение на сто восемьдесят градусов и сами начали соблазнять российский электорат благами национального, русского государства. И самое поразительное, что для «коренного русского человека» идея русского национального государства, произнесенная Еленой Боннэр или Галиной Старовойтовой, оказалась куда заманчивей, чем та же идея, произнесенная писателем Дмитрием Балашовым или поэтом Владимиром Костровым.

Вся эта история борьбы за власть накануне распада СССР, а потом в начале девяностых, в 1992 и в 1993 годах, наводит на грустные мысли. Создается впечатление, что русофилы в России, политики, называющие себя русскими патриотами, во-первых, плохо знали и знают русский народ, имеют слабое представление о том, чего на самом деле хочет «коренной русский человек», а во-вторых, не обладали и до сих пор не обладают теми качествами, которые необходимы, чтобы действительно стать поводырями россиян, организаторами общей русской победы. Патриоты восьмидесятых и девяностых не хотят думать о причинах своего поражения, наверное, потому, что не находят в себе сил сделаться другими, укрепить свою любовь к России крепким умом и крепкой работой во имя нее. Патриотом России на самом деле, говорил

127

Глава 2. От какого наследства мы должны отказаться

у нас на встрече с коллективом «ЛГ» Никита Михалков, является тот, кто умеет делать свою работу лучше, чем тот, кто не любит нашу страну. И, наверное, власть российская «потянется» к новым, крепким своими совершенствами патриотам.

Я здесь обхожу вниманием специальный вопрос о провокаторах внутри патриотического движения и о том, что Станислав Куняев удачно назвал «патриотическим садизмом», вечную грызню, выяснение отношений внутри самого патриотического лагеря. Патриоты, как у нас принято, били и бьют прежде всего по своим, по самым сильным. Я бы, правда, говорил не о «патриотическом садизме», а о «сатанинском патриотизме». Кстати, среди политиков и литераторов, называющих себя «патриотами», до сих пор много ярых, открытых врагов РПЦ. «Русский патриотизм», объявивший войну РПЦ, на самом деле является духовным уродом. Это откровенная «гапоновщина». Даже Нина Андреева в своем в каком-то смысле эпохальном письме «Не могу поступиться принципами», опубликованном 15 марта 1988 года в газете «Советская Россия», обращала внимание на то, что во главе многих патриотических организаций почвеннического, «традиционалистского» толка «верх в их руководстве берут экстремистские, настроенные на провокацию элементы». Речь в данном случае шла о лидерах размножающихся как грибы фракций «Памяти». Хотя надо признать, что предложенное Ниной Андреевой в ее письме деление наций России на «революционные» и «контрреволюционные» само по себе было провокацией, которая нанесла громадный урон государственным и патриотам в то время.

Правда состоит и в том, что в патриотическом, русофильском лагере было куда больше сумасшедших и юродивых, чем в противоположном, так называемом «космополитическом», демократическом лагере. Дебош так называемого «рабочего русского патриота» К. Смирнова-Осташвили во время заседания литературного объединения «Апрель» 19 января 1990 года спровоцировал антирусскую, антипатриотическую кампанию в демократических СМИ. «Патриоты» проиграли

128

2.5. О патриотах, не любящих Россию

«демократам» борьбу за власть и в силу личных и даже физиономических особенностей своих лидеров. Но не может человек с лицом сатаниста быть лидером российского патриотизма.

Правда, в истерии демократических СМИ начала 90-х годов по поводу якобы

готовящихся в России погромов тоже было много сумасшествия. Стоило кому-нибудь во время телевизионной передачи появиться в то время в кадре рядом с «главным антисемитом» тех дней, главным редактором газеты «День» Александром Прохановым, и его сразу же записывали в «русские националисты», в ряды врагов еврейского народа. Я сам, как рассказал мне позже академик Халатников, не стал депутатом Съезда народных депутатов СССР от АН СССР только потому, что по глупости согласился участвовать в передаче Рыбаса, где в качестве моего оппонента, «русского консерватора», присутствовал Александр Проханов. Сейчас, спустя годы, стало понятно, что в «красном», откровенном антиправославном патриотизме Александра Проханова куда больше от троцкистской, революционной идеологии "перетряхивания жизни", чем от русского консерватизма Константина Леонтьева или того же Леонида Тихомирова. Патриотизм конца 80-х - начала 90-х годов был столь же ложным, поддельным, как и наша якобы демократическая и якобы антикоммунистическая революция августа 1991 года.

Так что у нас есть все основания утверждать, что в начале девяностых «патриоты» проиграли борьбу за власть «демократам», «космополитическим силам» и в силу своей человеческой недоброкачественности, дефицита данных, необходимых для участия в борьбе за власть. Не следует забывать, что человеческое, умственное качество руководителей и организаторов патриотического движения было и отражением качества, крепости национального, патриотического сознания советского и постсоветского русского народа. Размытое национальное сознание советских русских рождало и соответствующих ему лидеров патриотического движения с таким же мутным сознанием.

5-3921

/ 29

Глава 2. *От какого наследства мы должны отказаться*

На выходе из советской истории, после семидесяти лет воспитания интернационалистских чувств, от национального самосознания русских вообще мало что осталось. Так что нынешний патриотический сатанизм тоже является плодом рабоче-крестьянского государства.

Но я сейчас не об этом, не о человеческих качествах лидеров патриотического движения девяностых. В конце концов, на выходе из коммунистической истории вообще не могло оказаться не сломленных, не испытавших духовный разлад людей. Таких чистых и последовательных патриотов, как Леонид Бородин, прошедших через муки тюрем за свои русские убеждения, в политике тогда, в начале девяностых, не оказалось. У нас не было чистой и последовательной антикоммунистической контрреволюции, как в Польше и в Чехословакии.

Меня больше интересуют те идеи и те ценности, которые олицетворяли, несли в себе лидеры, идеологи патриотического движения и которые, как выяснилось, были отвергнуты населением РФ, не получили позитивного отклика в сердцах россиян того времени. Не стоит забывать, что до сих пор КПРФ как наиболее сильный и организованный отряд нынешнего российского патриотического движения, живет идеями и ценностями, с которыми патриоты вышли на политическую сцену двадцать лет назад, живет принципами, который были озвучены в письме Нины Андреевой.

Существует мнение, что патриоты-почвенники, идеологи ГКЧП проиграли, ибо воспринимались массами как ретрограды, как защитники «отжившего строя», как догматики. И в определенной мере такое мнение справедливо. Их, патриотов-почвенников, естественное желание как государственников сохранить существующий социалистический строй действительно не соответствовало той страсти перемен, которая овладела страной в тот момент. Они не понимали, что смогут сохранить и страну и власть, только став во главе назревших реформ и перемен.

130

2.5. *О патриотах, не любящих Россию*

Но все же надо видеть, надо знать, сейчас об этом все забыли, что и партия демократов, партия борцов с «империей» сплошь и рядом, как и партия патриотов,

состояла из марксистов-ленинцев, поклоняющихся идеалам Октября. Среди так называемых демократов не было «белых», не было антикоммунистов и антимарксистов. И лидеры демократического движения, и все их ведущие идеологи вышли на политическую сцену в том же 1988 году как защитники идеалов Октября, как сторонники полной и окончательной реабилитации «ленинской гвардии» и прежде всего Н. И. Бухарина. Все лидеры «Демократической России» были шестидесятниками, со всеми их мировоззренческими особенностями и прежде всего — восторженным отношением к так называемым «идеалам Октября». Все вожди нашей августовской демократической революции, как я показал выше, несли в своем сознании все характерные для марксизма революционные, разрушительные установки к обществу, истории, к миру. Вот и получается, что наш российский народ пошел не за «красными» патриотами и государственниками, а за «красными» интернационалистами, за разрушителями России пошел. Почему? Ведь те, кто в 1990-1991 годы боролся с «коммунистической номенклатурой», и те, кто в силу логики событий и своего государственничества были вынуждены ее защищать, были продуктом одного и того же советского, коммунистического воспитания.

Для Виктора Чалмаева, который сыграл важную роль в формировании идеологии красного патриотизма, ставшего на защиту советской власти в 1990-1991 годы, революция потому и «сохраняет великий свет в веках, что она „обнажает идеальное начало в народной душе" [63]. Но и для критика „чал-маевщины", шестидесятника Григория Водолазова, который в этот переломный момент российской истории был на противоположной стороне баррикад, Октябрьская революция „уже не просто 'солнце', тут почти по Маяковскому — „в сто сорок солнц восход пылал" [64].

131

Глава 2. *От какого наследства мы должны отказаться*

В 1991 году и проигравшие были большевиками, и их победители были большевиками. Понять то, что с нами и со страной произошло тогда, можно только тогда, когда мы примем во внимание, что они все же были разными большевиками, они по-разному, в сущности, прямо противоположным образом толковали истоки и смысл Октября.

И советские почвенники, и их идейные враги шестидесятники поклонялись одному и тому же „светлому празднику Октября". Но все дело в том, что трактовали они смысл ленинской Октябрьской социалистической революции прямо противоположным образом. Литераторы, члены так называемой „русской", „молодогвардейской" партии, видели в Октябре и в построенном под руководством Сталина социализме воплощение исконной русскости, исконных соборных начал русской жизни. Согласно этой точке зрения (ее до сих пор озвучивает Геннадий Зюганов), Октябрь спас Россию и русского человека от разлагающего влияния чистогана, капитализма. Отсюда и поклонение Сталину не только как организатору самой значительной русской победы, но и как спасителю исконных народных форм организации производства и общественной жизни. В заслугу Сталину вменялась и поддержка РПЦ во время Великой Отечественной войны.

Для шестидесятников, которые стали руководящим ядром „Демократической России", смысл Октября виделся прямо противоположным образом. Если красные патриоты предлагали людям возвращение к „прекрасному" прошлому (для них прекрасным прошлым была и эпоха Сталина), то красные либералы соблазняли народ „прекрасным" демократическим будущим, где власть будет выбирать весь народ, где не будет дефицита, где все будет как на Западе. У них, у „красных либералов", речь шла не о том, чтобы вернуться назад и к традиционной державности, и к традиционным формам народной, крестьянской жизни, как думали советские русофилы, а напротив, в том, чтобы окончательно вырвать Россию из „трясины" державных и коллективных традиций, из тряси-

132

2.5. *О патриотах, не любящих Россию*

ны „русской патриархальщины". Шестидесятники, большевики-интернационалисты, в отличие от советских почвенников, были западниками, они полагали, что новая демократическая Россия не возьмет ничего ни от царской, ни от советской России, что она, запряженная локомотивом демократии, двинет в сторону Запада. И надо видеть правду. Народ больше верил и большего ждал от наших большевиков-западников, от либералов, чем от национал-большевиков, от тех, кто называл себя российскими государственниками.

Красное славянофильство, или, что то же самое, национал-большевизм, было привлекательно в конце шестидесятых — начале семидесятых как уловка, дающая возможность в рамках марксистско-ленинской идеологии защитить остатки русской старины, защитить от окончательного разрушения материальные памятники народного творчества. Но защитить уже в условиях перестройки, свободной печати основной тезис национал-большевизма, доказать, что Октябрь, уничтоживший на корню и крепкого русского хозяина, и все образованные классы России, и, самое главное, русский православный быт, был „светлым праздником" русской истории, стало уже невозможно.

И как раз в тот момент, когда шестидесятники и политики начали прятать свою ленинскую, социалистическую родословную, когда они уже к 1991 году превратились из поклонников ленинской гвардии в либералов-западников, наши красные патриоты, как назло, начали выпячивать свой большевизм, свою советскость, свое восхищение Сталиным как государственным. Красные патриоты не учли, что в массе все же люди устали от социализма, они хотели перемен, они хотели чего-то нового.

И именно в начале девяностых выяснилось, что для многих наших русофилов их большевизм и „краснота" были не игрой с цензурой, а убеждением „всерьез и надолго", что они действительно верили, что Октябрь и социализм были выражением русского духа, праздником русской истории. Конечно,

133

Глава 2. *От какого наследства мы должны отказаться*

убеждения необходимо уважать, но правда состоит в том, что с идеями национал-большевизма нельзя было выиграть борьбу за власть ни в 1991 году, ни тем более сейчас, уже в XXI веке. И прежде всего потому, что красное славянофильство аморально, всем своим острием направлено против христианского, православного духа русского народа.

Все дело в том, что наше почвенничество, народничество шестидесятых было прежде всего классовым, оно было защитой не достоинства русского народа вообще, а достоинства русских крестьян и рабочих, которые пошли за большевиками. В сущности, во второй половине шестидесятых авторы журнала „Молодая гвардия" пошли тем же путем, что и национал-большевики в двадцатые, путем доказательства того, что Ленин был вождем „русской национальной революции", что, как доказывал, кстати, Троцкий, Россия и Октябрь „соединены по своей сути", Лев Троцкий настаивал на том, что „октябрьская революция глубоко национальна, —но это также и академия нации" [65]. Согласно этой точке зрения, русские восстали против капитализма, ибо по природе своей, как коллективисты, сторонники „соборного начала", они, русские, не приемлют ни индивидуализма, ни идеологии прибыли, ни частной собственности, ни прелестей парламентаризма, ни буржуазного мещанства с его сытостью.

Советский народник Виктор Чалмаев в конце шестидесятых в своей статье-манифесте „Неизбежность" воздал хвалу Ленину и Октябрю, зацвистивших „нашу Родину от буржуазного суховея", „который... стремился и в России прежде всего 'выветрить', сравнять с плоской равниной, рассыпать на песчинки русский народ как некий тысячелетний организм сохранивший во всех испытаниях, даже в века татарского ига, свою самобытную красоту" [66]. Интересно, что красный патриотизм в лице его главного идеолога Геннадия Зюганова стоит на тех же позициях неразрывного единства русскости с большевизмом.

134

2.5. О патриотах, не любящих Россию

Другой основоположник красного патриотизма шестидесятых Михаил Лобанов в своей программной статье „Просвещенное мещанство" тоже восстает против буржуазности, но на этот раз против буржуазности как благополучия, устроенности, отлаженного быта. „Нет более лютого врага для народа, — писал Михаил Лобанов, — чем искус буржуазного благополучия. Это равносильно параличу для творческого гения народа" [67]. Буржуазное благополучие, развивал свои мысли Михаил Лобанов, убивает „национальное чувство".

Красные патриоты защищали социализм не во имя Маркса и Ленина, а прежде всего как надежный заслон от искуса буржуазного благополучия, защищающий, как они считали, Россию от морального и духовного разложения.

Но красные славянофилы не заметили, что (в отличие от своих предшественников, славянофилов вообще, ополчившихся в свое время на западный рационализм и западный индивидуализм) они связали в своем мировоззрении духовность с аморализмом, с преступлением. Получается точь-в-точь, как у того же красноармейца Копенкина, могущего „с убеждением сжечь все недвижимое имущество на земле, чтобы в человеке осталось одно обожание товарища".

Что вообще в нравственном, духовном смысле означает подхваченная и пропагандируемая красными патриотами идея, что уникальность русских состоит в „яркой революционности" (М. Н. Покровский), в том, что русские во время своей Великой революции проявили не только „бурный темп преобразований, но и их небывалую глубину"? Только то, что русские, в отличие от других христианских народов, легко переступают через заповедь „не убий", чаще других живут по принципу „Бога нет, а потому все позволено". Нормальный, духовно развитый человек не может гордиться тем, что у его народа чаще, чем у других, брат идет на брата, сын на отца и т. д. А потому преодолевшая к концу 1980-х годов в душе классовую мораль Россия не пошла за красными патриотами.

135

1

Глава 2. От какого наследства мы должны отказаться

Конечно, еще раз обращаю внимание на то, что и демократы эпохи распада СССР, и патриоты этой переломной эпохи в развитии нашей страны были последователями и наследниками одного и того же российского революционного социализма, наследниками большевизма. Но нельзя не видеть, что все же они, эти противостоящие друг другу партии, выбирали из этого наследства каждый свое, особое. Мне думается, что демократам-необольшевикам все же был ближе интернационалистский заквас ленинизма — и его революционизм, и его атеизм, и его беспощадное отношение ко всякой патриархальщине. А нашим красным патриотам был ближе народнический пласт ленинизма — и его нигилистическое отношение к интеллигенции, традиционный народнический антиинтеллектуализм, ленинская ненависть к буржуазной интеллигенции, и его ленинское, сугубо утилитарное отношение к культуре, и его ленинская тяга к „опрощению" у наших демократов; кстати, не было никакого обожествления народа российского, они к нему относились весьма подозрительно. А у красных патриотов, напротив, как я показал выше, была сильна искренняя вера в народ российский, в его великую правду.

Классовое народничество аморально, как и все, что связано с классовым подходом. Тогда, в конце восьмидесятых, советская Россия, как точно подметил Солженицын, устала жить по лжи, она хотела, чтобы преступление было названо преступлением и прежде всего — преступление Сталина, ибо тех, кто был жертвой преступлений Ленина и Троцкого, уже не было в живых. А красные патриоты, как, к примеру, сотрудники „Советской России", авторы письма Нины Андреевой, призывали своих читателей не подменять классовый, „социально-политический критерий развития общества" „схо-

ластикой этических категорий", не оценивать в моральных категориях деятельность Сталина. И в это же время, в 1988 году, когда фильм Абуладзе „Покаяние", разоблачающий Сталина как преступника, прах которого даже земля не принимает, стал знаменем времени, писатель-почвенник Петр Проску-

136

2.5. *О патриотах, не любящих Россию*

рин заявлял, что еще не родила советская земля гения, который имел бы право судить о „такой колоссальной фигуре, как Сталин".

Так вот, на мой взгляд, беда „красного патриотизма" и одновременно России состояла в том, что всеми своими ценностями, своими устремлениями он находился в противоречии, в вопиющем противоречии с настроениями советских людей, и прежде всего с настроениями советской интеллигенции, которую перестройка вывела на политическую сцену. Народ тогда, и не только интеллигенция, хотел всего того, что ему не хотели предложить красные патриоты, хотел свободы от советского дефицита, хотел западной сытости и, самое главное, утаенной от него правды. Его, „коренного русского человека", как и всегда раньше, обманули. Но ему, видит Бог, тогда очень хотелось расстаться с исконной „соборной", „советской" жизнью.

Возможно, я упрощаю проблему, преувеличиваю роль идеологии и идеи в политической борьбе накануне распада СССР. Но все же нельзя не видеть, что патриоты и государственники проиграли тогда прежде всего потому, что не смогли выдвинуть программу, которая была бы привлекательна для реального российского, русского человека. Они, наши красные патриоты, национал-большевики, напоминали избирателю о традициях русской духовности, о славных подвигах наших отцов и дедов, о преимуществах русского пути над западным, о том, что не надо допускать к власти „не любящих" эту страну, а избиратель, вопреки всему, пошел за теми, кто действительно, как писали авторы „Слова к народу", искал „там, за морем, совета и благоволения". Пошел за ними потому, что они обещали ему покончить с советским дефицитом, обещали открыть границы и дать свободу слова.

Патриотов и государственников, на мой взгляд, погубил еще и антиинтеллектуализм. Далеко не все, кто заявил о себе в те годы как патриот и государственник, страдали этой „классовой" болезнью. Не могу в этой связи не сказать, что,

137

Глава 2. *От какого наследства мы должны отказаться*

к примеру, тексты русского патриота, критика Олега Михайлова во все времена — и в шестидесятые, и в девяностые — находились на уровне дореволюционных высот классической российской публицистики. Но все же нельзя не видеть, что наш национал-большевизм шестидесятых - начала семидесятых, наше красное почвенничество все же страдало этой болезнью антиинтеллектуализма. Во многих статьях, опубликованных в то время в журналах „Молодая гвардия" и „Наш современник", поклонение народу почему-то сочеталось с выпадами против интеллигенции и так называемой „интеллигентщины".

Если верить тому же Чалмаеву, которого принято считать автором манифеста советского народничества, то не интеллигенция, не люди умственного труда творят культуру, а она как бы выбрасывается сама по себе „из глубин народной жизни". А потому Виктор Чалмаев согласен с Лениным, полагавшим, что „интеллектуальные силы рабочих и крестьян" крепче интеллектуальных сил различного рода „интеллигентиков... мнящих себя мозгом нации", а на самом деле являющихся „не мозгом, а г..." [68].

Нет необходимости доказывать, что антиинтеллектуализм нашего советского народничества, все эти выпады против гениев русской общественной мысли, особенно против Николая Бердяева, были и являются не столько продуктом русской духовности, сколько продуктом советского воспитания. Национал-большевик, убежденный в том, что Ленин своим Октябрем совершил праздник русской истории, на дух не переносит все то,

что по силе мысли превосходит плоское и примитивное мышление вождей большевизма, особенно примитивные и односложные тексты Сталина.

Несомненно, для того чтобы в конце 60-х годов, за двадцать лет до начала перестройки, заговорить о „русской душе“, о русском национальном характере, необходимо было политическое мужество. Не надо забывать, что господствующая в Кремле марксистско-ленинская идеология своим острием

138

2.6. Капкан «красного патриотизма»

была направлена не столько против национализма, сколько против русского национального самосознания. Отдел пропаганды ЦК КПСС боролся с почвенничеством, с тем, что я сейчас называю „красным патриотизмом“, куда более настойчиво, чем с космополитическим шестидесятничеством.

2.6. Капкан „красного патриотизма“.

От Карла Маркса к Константину Леонтьеву

Но признавая заслуги нашего красного почвенничества в деле легализации русского вопроса, в деле защиты интересов русского этноса как составной части нашего многонационального российского народа, нельзя не видеть и его слабые стороны. Так вот, несомненно, красный патриотизм был одновременно и возвращением к народничеству, и к реакционному консерватизму, у которого поклонение русской старине свелось к поклонению русской отсталости, к оправданию крепостного права и традиционной российской бедности.

Как я уже сказал, красный патриотизм был не только возвращением к ленинизму, но и к его народническим корням. Как известно, Ленина роднила с поздним славянофильством ненависть к буржуазной, западной цивилизации. Уже Достоевский в „Бесах“ показал в образе Шатова, что у него сознание славянофильское перемешано с сознанием революционным. Такими Шатовыми, как стало видно во время „красного террора“, „полна наша революция; у всех у них не разберешь, где кончается их крайняя левость и начинается крайняя правость и реакционность. Они всегда враги культуры, враги права, всегда истребляют свободу лица. Это они утверждают, что Россия выше цивилизации и что никакой закон для них не писан. Эти люди готовы истребить Россию во имя русского мессианизма“ [69].

Кстати, это важное, забытое нами открытие Николая Бердяева, что легко перейти от большевистской левой крайности

139

Глава 2. От какого наследства *мы должны* отказаться

к крайности консервативной, дает очень много и для понимания природы красного патриотизма, и для понимания причин нынешнего повального увлечения реакционным консерватизмом Константина Леонтьева. Ведь действительно и за левой, и за правой крайностью стоит одно и то же убеждение, что Россия выше всех, выше цивилизации. Но о нынешней идеологической ситуации в России — несколько позже, в заключительных главах книги.

И это прелюбопытный факт. И он очень важен для понимания и сути идейных расколов в современной России и идейной истории России в целом. Накануне распада СССР из всех форм дореволюционного российского патриотизма и из всех форм славянофильства XIX века у нас возродился именно реакционный, антизападный, охранительский патриотизм. Суть патриотизма Константина Леонтьева, который осознанно или неосознанно исповедовали красные патриоты конца 80-х - начала 90-х годов, состояла в его отрицании Запада и его ценностей свободы и прав личности. И это понятно, ибо оправдывать или находить оправдания безумным зверствам Сталина мог только человек, ненавидящий свободу и связанные с ней другие ценности.

Обращает на себя внимание, что накануне революции, уже в начале XX века, славянофильство и прежде всего антизападное, позднее славянофильство Николая

Данилевского и Константина Леонтьева утратило свое влияние на образованную Россию. Все те авторы, русские мыслители, которых я цитировал выше и которых я называл идеологами „сознательного“, „просвещенного“ русского патриотизма, критически относились к антизападничеству поздних славянофилов. Сегодня важно напомнить, что ни один из представителей так называемой философии русского Серебряного века, ни один из идеологов русского сознательного патриотизма — ни Николай Бердяев, ни Петр Струве, ни Семен Франк, — не исповедовали учение Николая Данилевского об особой русской

140

2.6. *Капкан «красного патриотизма»*

цивилизации, отличной от Запада, со всеми присущими ему ценностями.

А у нас на исходе коммунистической истории из прошлого, вопреки логике процесса, брало верх не либеральное направление патриотизма, а, напротив, реакционное.

Интересно, что процитированный выше автор „Молодой гвардии“ конца 60-х годов Михаил Лобанов, объявивший „буржуазное благополучие“ главным врагом русского народа, наверное, сам того не зная, слово в слово повторял антибуржуазные проповеди российского консерватора последней трети XIX века Константина Леонтьева. У Михаила Лобанова советский человек, советский крестьянин стоит выше своего современника — буржуазного обывателя, ибо скромнее в быту, непритязателен в своих потребностях. Но об этом же, о том, что „русский безграмотный, но богомольный и послушный крестьянин“ ближе к „реальной правде житейской“, чем всякий „рациональный либерал, глупо верующий, что все люди будут когда-то счастливы, когда-то веселы, когда-то одинаково умны и разумны“, писал автор „Цветущей сложности“ [70].

Суть патриотизма Константина Леонтьева состояла в отказе от морали, от европейских либеральных ценностей, в том числе и от идеалов Нового времени, Просвещения, и при оценке российской истории, и при оценке состояния современной ему России. Леонтьев ставил эстетическое выше морального. Он, Константин Леонтьев, ставил сословное, феодальное общество с его крепостничеством выше капиталистического с его идеей гражданских прав.

Сегодня в разговорах о патриотизме и о наследии славянофильства мы не всегда учитываем качественные различия между славянофильством Константина Леонтьева, которое у нас в СССР в стихийной форме возродилось в конце 80-х годов XX века, и первичным, исходным славянофильством 40-х и 50-х годов XIX века — славянофильством Хомякова, Аксаковых и Киреевских.

141

Глава 2. *От какого наследства мы должны отказаться*

Ранние славянофилы, акцентируя внимание на своеобразии духовного развития России, тем не менее рассматривали свою Родину как часть Европы, как часть христианского, европейского мира. Поэтому ценность свободы, в том числе и свободы личности, была для них столь же важна, как и для их противников, которые называли себя „западниками“. Если Константин Леонтьев видел достоинство и духовное преимущество русского крестьянина в его „безграмотности“, то один из идеологов раннего славянофильства Иван Киреевский связывал счастливое будущее своей страны с „образованностью“, борьбой с невежеством. „Благоденствие наше, — писал Иван Киреевский, — зависит от нашего просвещения, а им мы обязаны Петру... Не позабудем, что те, которые осуждают его... скрывают свою корыстную ненависть к просвещению и его благодетельным последствиям, что невежество, как преступник, не спит ночью и боится дня“ [71].

Свобода для ранних славянофилов — не меньшая ценность, чем для западников, хотя трактуется ими преимущественно в духовно-религиозном смысле. В истории русской мысли славянофилы были первыми, кто сказал, что лежащие в основе европейской цивилизации принципы „отвлеченного разума“ недостаточны, даже непригодны для

достижения подлинной свободы и основанного на ней общественного порядка. Но отсюда не следовало отрицания ими всего западного. Ранние славянофилы просто подчеркивали, что европейская культура не сводится ведь целиком к традиции античного рационализма, но включает в себя и идущую от первых христиан духовную традицию. К ней, по мнению славянофилов, и следует апеллировать в первую очередь при решении проблемы устройства земного мира — решении не теоретическом, а жизненно-практическом. Короче, ранние славянофилы ценили Европу не за то, за что ценили ее западники. У каждого из них была своя Европа. Какую из них следует считать примером и образцом — вот предмет их спора.

142

2.6. *Капкан «красного патриотизма»*

Надо понимать, что в оценке российского крепостничества, зверств и жестокостей российских бар славянофилы ничем не отличались от российских западников, ибо исходили из одних и тех же европейских, христианских ценностей, самооценности каждой личности и каждой человеческой личности. Ранние славянофилы были противниками и крепостничества, и „новой сословной реакции“.

А воскресший в лице новых российских почвенников, в лице врагов перестройки Константин Леонтьев, напротив, видел слабость „чистого“, „раннего“ славянофильства в том, что оно не смогло порвать до конца с европейскими ценностями свободы и прав личности, с ценностями европейского либерализма и просвещения. Раз вы хотите великой России, раз вы хотите, „чтобы русское государство было прочно, долговечно“, говорил „чистым славянофилам“ Константин Леонтьев, то тогда вам „пора же, наконец, сознаться громко, что и вся Россия, и сама царская власть возрастали одновременно и в тесной связи с возрастанием неравенства в русском обществе, с утверждением крепостного права и с развитием того самого 'наследственного чиновничества'...“ [72].

Спасение России, полагал Константин Леонтьев, в отказе и от рационализма, и от идеалов Просвещения, и от идеалов либерализма. Поэтому, с его точки зрения, настоящий, подлинный патриотизм, подлинная забота о России и русском народе состоит в полном и окончательном выходе России и русской жизни из поля притяжения Европы и европейских ценностей. Раз вы хотели независимости Европы, утверждали, что „Запад гниет“, говорит „ранним“, „чистым“ славянофилам Константин Леонтьев, то тогда вы должны понимать, что „гниение это выражается не только безбожием и рационализмом“, но и в идее „бессословности и равенства самих гражданских прав“ [73].

Для понимания идейной борьбы и идейной ситуации конца 80-х годов, времен перестройки, надо знать, что позднее славянофильство в лице Николая Данилевского и Константи-

143

Глава 2. *От какого наследства мы должны отказаться*

на Леонтьева связывало русскость, „славянофильство“, то есть любовь к России, с якобы присущей способностью русского человека не быть европейцем, противостоять моральной оценке и нашей российской жизни, и нашей российской истории.

Поздние славянофилы, который по иронии судьбы в конце XX века стали духовными отцами красного почвенничества, напротив, не только не видели между Россией и Европой ничего общего, но и настаивали на качественном различии между особой русской цивилизацией и Западом. Николай Данилевский настаивал на том, что „Европа не случайно, а существенно нам враждебна, следовательно только тогда, когда она враждует сама с собою, может быть для нас безопасною“ [74]. И видел Николай Данилевский эту качественную особенность русского народа в том „огромном перевесе, который принадлежит в русском человеке общенародному русскому элементу над личным, индивидуальным“. Николай Данилевский полагал, „что вообще не интерес составляет главную пружину, главную двигательную силу русского народа, а внутреннее нравственное сознание“ [75]. При этом, добавляет Николай Данилевский, „терпимость

составляла отличительный характер России в самые грубые времена" [76].

Еще раз повторяю. В начале 90-х годов у нас проигрывал демократам националистический патриотизм Константина Леонтьева. Я говорю „националистический", ибо и Николай Данилевский, и Константин Леонтьев выводили особость русского пути не столько из православных корней России, сколько из якобы существующего особого, неевропейского склада души русского человека. У поздних славянофилов речь идет о попытке заменить европейские христианские этические ценности особыми национальными ценностями. В результате у них получалось, что русский безграмотный и крепостной крестьянин был, как культурно-исторический тип, в духовном отношении выше, чем человек буржуазного Запада.

Александр Проханов, который, в отличие от упомянутой выше Нины Андреевой, в годы перестройки стоял на позициях

144

2.6. Капкан «красного патриотизма»

не советского, а российского националистического патриотизма, атаковал перестройку и лично Горбачева с позиции Константина Леонтьева. Он еще в самом начале перестройки, в своем выступлении на пленуме Союза писателей СССР в конце апреля 1987 года упрекал Горбачева в том, что он не учитывает „особенный, уникальный" характер российского „общества, выстроившего социализм", ставит особое советское общество „в хвост цивилизации Запада", и заставляет нас видеть, что „советские компьютеры считают медленнее, чем западные", а „советские нивы скуднее, чем западные" [77].

Я, конечно, не знаю, в какой мере националистический, антизападный патриотизм Александра Проханова питался напрямую, осознанно идеями позднего славянофильства, идеями Николая Данилевского и Константина Леонтьева. Скорее нет. Многие наши ярые сторонники особого, „красного" пути — Александр Проханов, Сергей Кургинян — не имеют гуманитарного образования. Они технари, у них особое технологическое восприятие России.

Но обращает на себя внимание очень характерная и для Проханова, и для поздних славянофилов оценка всего, что связано и порождено Западом, как „тривиального". „Стыдно было бы за человечество, — говорил в сердцах Константин Леонтьев, — если бы этот подлый идеал всеобщей пользы, мелочного труда и позорной прозы восторжествовал бы навеки!" [78]"

„Красные" патриоты в лице Проханова тогда, в годы перестройки, даже рожденные на Западе „управленческие модели" встречали в штыки, ибо они несли с собой западную тривиальность. „Такое копирование (западного), — говорил Александр Проханов, — лишает нас суверенного пути, порождает комплекс неполноценности, предлагает уникальному обществу, выбравшему социализм, тривиальные пути и схемы, обрекающие нас на уныние" [79].

И точно так, как это делали поздние славянофилы, идеологи этнического идеализма, защитники особых, „племенных" ценностей русского народа, наши „красные", „советские" пат-

145

Глава 2. От какого наследства мы должны отказаться

риоты спустя без малого сто лет предлагали свои особые, русские и одновременно „социалистические" пути преодоления „стратегического отставания СССР от цивилизации Запада". Эта программа преодоления отставания, говорил Александр Проханов на заре перестройки, предлагает „оригинальные", незападные методы, эта программа „потребует от народа тех же усилий, что когда-то наша ядерная и ракетная программа, той же концентрации и незамедлительности" [80]. Интересно, что Александр Проханов уже тогда, в отличие от Нины Андреевой, которая выступила в защиту Сталина год спустя, весной 1988 года, требует не только реабилитации Сталина и его методов строительства

социалистической державы, но и предлагает нам снова в будущем отдать власть подобного рода руководителям (он их называет „мыслителями“), для которых характерна „идея государственного стоицизма, государственной жертвенности“ [81].

„И у 'красного патриотизма' времен перестройки, как и у их предшественников — поздних славянофилов, национал-патриотов, формирование гордости за свою отчизну предполагает отказ от ложного западного либерализма и морализаторства, предполагает умение увидеть за 'жестокостью' наших царей и вождей их стремление сохранить Россию и этим самым возвеличить ее“ (Константин Леонтьев [82]).

Тогда, в конце 80-х - начале 90-х годов, Россия в старом смысле, советская Россия, и прежде всего интеллигенция российских столиц, не приняла идеи и лозунги нового, на этот раз советского славянофильства, не пошла за теми, кто предлагал реабилитировать Сталина и снова, путем тотальной жертвенности и тотального аскетизма (читай — надрыва) преодолевать свое новое „стратегическое“ отставание от Запада.

Горбачев не победил, более того, проиграл. Но только потому, что население ждало более радикального западничества, чем предлагал Горбачев, население ждало немедленного разрыва и с советским аскетизмом, с вечным советским дефицитом, и с вечным советским надрывом, советской жертвенностью.

146

2.6. Капкан «красного патриотизма»

Народ тогда хотел таких западных „тривиальностей“, как свобода, как прилавки, полные товаров, как тривиальный, устроенный быт, как освобождение от государственного крепостничества, как право самому определять свою судьбу, право эмиграции.

Красный патриотизм, идеи национальной исключительности, тогда, в конце 80-х - начале 90-х годов, оказались на обочине духовной жизни и были отброшены обществом и прежде всего интеллигенцией. Это медицинский факт. По крайней мере, тогда мало кто хотел жить одной гордостью за наше „уникальное общество, выбравшее социализм“.

Но здесь сам собой возникает вопрос, который до сих пор мало кто себе задает. Почему в момент распада советской системы, в момент кризиса антинациональной по природе марксистско-ленинской идеологии у нас оказалось востребованным только крепостническое государственничество в духе Константина Леонтьева, почему тогда на поверхность из недр нашего национального сознания выбралась и широко распространилась прежде всего идея нашей российской исключительности?

В конце перестройки, накануне распада СССР, возродилась славянофильская идея русской исключительности, которая к началу XX века, казалось, уже совсем захирела. Все дело в том, о чем я писал в первой главе книги, что на самом деле идеи патриотизма трудно овладевали российскими массами. „В сущности, — писал русский философ Семен Франк в своих заметках о сознательном патриотизме, — впервые патриотизм снова (со времен Отечественной войны 1812 года) проявился в России в 1914 году, в момент объявления Германией войны; но и эта вспышка патриотического чувства была кратковременной и слабой. Все мы выросли и жили в атмосфере равнодушия к проблеме национального бытия: идеи национализма и патриотизма, лозунги о защите государства от внешних и внутренних врагов казались только лицемерным прикрытием реакционных мероприятия и вожделений власти, и над ними было принято только смеяться. Славянофильство, культивировавшее национальное сознание, скоро

147

Глава 2. От какого наследства мы должны отказаться

сошло со сцены или начало вырождаться: все оппозиционное общественное мнение стало 'западническим', а западничество — если не принципиально, то фактически — постепенно сливалось с индифферентизмом к проблеме государственно-национального бытия России“ [83].

Логика освобождения от коммунизма, казалось бы, требовала возрождения,

распространения совсем другого, неконсервативного патриотизма, патриотизма, противоположного, либерального свойства. Уже с начала 90-х годов у нас в стране еще при советской системе издаются труды идеологов сознательного патриотизма — труды Петра Струве, Ивана Ильина. Но именно в эти годы процветал патриотизм противоположного свойства, этнический патриотизм газеты „Завтра“. Настроения и идеи, погибшие, казалось бы, уже накануне Октября, расцвели пышным цветом спустя без малого сто лет, накануне гибели русского коммунизма.

Можно в этой связи только предположить, о чем я сказал выше, что от нашей официальной идеологии, которая после Сталина была окрашена идеями национал-большевизма, было проще и естественнее переходить к славянофильским идеям особой русской души и особого русского пути. Охранительское славянофильство понадобилось и для защиты советского строя. Как я уже сказал, прогноз Николая Бердяева, что красные левые могут обратиться в правых российских реакционеров, оправдался на исходе перестройки полностью. Хотя разве не тем же путем, от красной левой идеологии „обострения классовой борьбы по мере успехов социалистического строительства“ к консервативной идеологии славных традиций российского воинства, шел Сталин в начале войны с фашистской Германией?

Не стоит забывать, что и Константин Леонтьев в конце жизни пытался соединить монархическую идею с социализмом. Но ведь подавляющая часть интеллигенции в начале 90-х годов прошлого века хотела как раз другого освобождения от скрепов советской системы. Казалось бы, так легко было

148

2.6. *Капкан «красного патриотизма»*

тогда придти к идеям нормального патриотизма, соединить стремление к свободе с желанием сохранить в целостности свою отчизну.

Вполне понятно, почему тогда и позже, в начале 90-х годов, красные патриоты, более точно — большевики-почвенники, взяли на вооружение идеи позднего славянофильства, а не раннего. И Николай Данилевский, и Константин Леонтьев были притягательны для коммунистов начала 90-х годов, и прежде всего для его идеологов, своей атибуржуазностью, своим антизападничеством. Как в свое время в начале 80-х годов XIX века, в конце жизни для Карла Маркса оказалась притягательной антибуржуазность славянофильского народничества, так и для лидера КПРФ в условиях кризиса марксистской идеологии оказались соблазнительными идеи реакционного, крепостнического славянофильства. Интересно, что Карла Маркса в свое время не смущало то обстоятельство, что за русским революционным народничеством стояла вера в исключительность и особенность русского, общинного по своей природе человека. Не смущало его и то, что миф об общинном характере русского человека противоречил его учению об универсальных закономерностях развития общества. И наверное, по этой причине Леннадия Зюганова почему-то не смущал сословный, реакционный характер позднего славянофильства, которое оправдывало и российское самодержавие, и российское крепостничество. Для Леннадия Зюганова и Николай Данилевский, и Константин Леонтьев важны были и актуальны прежде всего своей верой в избранность русского человека, своим резким противопоставлением России Западу капиталистическому и либеральным ценностям, своей верой в то, что „Россия выше цивилизации“.

Когда марксистские аргументы неизбежного краха капитализма перестали работать, последним идейным убежищем русского коммунизма остается именно позднее славянофильство, утверждающее, что так как русский человек — это особый, во всем антизападный человек, то он никогда и ни при каких

149

Глава 2. *От какого наследства мы должны отказаться*

условиях не примет ни западные ценности, ни рыночную экономику, ни западный парламентаризм. Лидерам КПРФ был нужен Константин Леонтьев, утверждавший, что

„невозможно нам, не губя России, идти дальше по пути западного либерализма, западного рационализма" [84].

КПРФ и сегодня выводит Октябрь и советский строй не из Маркса и Ленина, не из успехов промышленного развития дореволюционной России, а, напротив, из веры в особость русской души, которой якобы по природе чужд рационализм, культ денег и торгашества, которой чужд, как писал Константин Леонтьев, весь „этот подлый идеал всеобщей пользы, мелочного труда и позорной прозы" [85]. Кстати, и марксистская идея коммунизма, и идея особой русской цивилизации, особого русского пути имеют много общего хотя бы по форме, по целям. Речь идет и в первом, и во втором случае о возможности создания альтернативной Западу системы ценностей, системы мотивации труда и организации жизни. Правда, у Маркса альтернатива должна была придти на место якобы гнивающей и распадающейся капиталистической, рыночной цивилизации, после нее, взамен ее, а у наших славянофилов речь шла об удержании прошлого, традиции подлинной духовности, о параллельном развитии наряду с „разлагающимся" Западом. Так как лидер КПРФ шел не столько за Марксом и Лениным, сколько за славянофилами, за императивом особой русской души, то и он рассматривал свою задачу реставрации социализма в РФ как проект особой, альтернативной российской цивилизации.

Надо видеть, что националистическая идея особого русского пути все же в главном была близка марксистскому интернационализму. И идея особого русского пути, и марксизм пронизаны мессианизмом, верой в особую историческое предназначение в первом случае особого, богом избранного русского народа, во втором случае — в особую миссию пролетариата, который по Марксу является „и умом и сердцем" современной цивилизации. И марксисты, и поздние славянофилы отрица-

150

2.6. *Капкан «красного патриотизма»*

ли универсальность законов рынка, отрицали и европейское буржуазное право, и европейскую христианскую мораль. Для Зюганова близки (как видно из его книги: „Россия — Родина моя: идеология государственного патриотизма". М., 1996) идеологи так называемого „консервативно-охранительного лагеря" — и Николай Данилевский, и Константин Леонтьев — родственны ему своим негативным отношением к разлагающейся и погибающей, как они считали, европейской цивилизации. Геннадий Зюганов особо подчеркивает, что Константин Леонтьев „ревностно отстаивал" близкую ему идею „самобытного русского пути" познания мира и с „не меньшей одухотворенностью" обличал он и лжедуховные ценности Запада.

Так что не было ничего неожиданного, что народники-славянофилы конца XIX века стали марксистами, а сегодня бывшие марксисты-ленинцы стали последователями Константина Леонтьева, последователями его активной ненависти к „мелочной прозе" Европы. Надо понимать, что идея особой русской цивилизации во всех ее вариантах — и в православном, и в народническом — была „красной" идеей, ибо отрицала частную собственность и рынок.

Не только лишь мне до сих пор не понятно, почему именно позднее, антизападное славянофильство с его давно опровергнутым мифом об особом, общинном, коллективистском характере российского крестьянина стало в конце 80-х - начале 90-х годов притягательным для наших писателей-деревенщиков, в частности для Валентина Распутина. Ведь не надо, по крайней мере сейчас, доказывать, что все произведения Валентина Распутина были откровенным антикоммунизмом, пронизаны стремлением реабилитировать христианскую мораль и христианскую оценку людей и их поступков.

Ведь по духу, по исходной системе ценностей сознательный, моральный патриотизм Струве был куда ближе тому же Валентину Распутину, чем красный, просталинский патриотизм других авторов „Слова к народу". Ведь ничего не мешало тогда в критической для страны ситуации противопоставить

151

Глава 2. *От какого наследства мы должны отказаться*

национальному нигилизму демократов морально окрашенный, сознательный патриотизм.

Но этого не произошло. Тогда традиции, идеи и ценности „сознательного“, „просвещенного“ патриотизма не были востребованы ни государственниками, ни демократами. Те, кто считал себя „патриотом“, отбросили сознательный патриотизм, ибо он был либеральный, прозападный. А демократы относились враждебно к сознательному патриотизму, ибо он был все же патриотизм, а они, как известно, не любили ни царскую, ни тем более сталинскую Россию.

На самом деле сознательный патриотизм не стал востребованным в полной мере и сейчас, в первой половине 2008 года, когда я готовлю к изданию свои очерки о российском патриотизме.

Для того чтобы понять, кто ты есть, достаточно знать, какую духовную пищу ты потребляешь, а от какой отказываешься. И сам факт, что традиции сознательного, морального, европейского по своим исходным ценностям патриотизма у нас не прививаются, достаточно много говорит о состоянии духа в современной России. И сам тот факт, что сознательный, европейский патриотизм, соединяющий воедино идею национального суверенитета с ценностью свободы, был затребован во всех бывших социалистических странах Европы, кроме России, очень много говорит о душе, о настроениях советского, российского интеллигента, который оказался современником распада советской системы. Ведь качество души и мысли советской, российской интеллигенции можно определить и по тому, что она тогда и, скажу сразу, сейчас отвергает. Ведь не случайно так много в России и старых, и молодых, кто хочет присвоить „имя России“ палачу Сталину. Вызывает раздумья тот факт, что до революции 1917 года все же среди устоявшейся, самодостаточной, системной российской интеллигенции либеральный, прозападный патриотизм, патриотизм души и знаний был чем-то само собой разумеющимся, а спустя семьдесят лет, на выходе из советской системы, он

152

2.6. *Капкан «красного патриотизма»*

был чужд, враждебен практически для всех отрядов бывшей советской интеллигенции.

Это само по себе говорит о том, что от коммунизма мы якобы избавились, но многое из того, что было отброшено большевиками, так и осталось нами невостребованным.

Требуется объяснения тот факт, что система взглядов и ценностей, выработанная наиболее яркими и одаренными российскими мыслителями начала XX века, оказалась чужой, невостребованной интеллигенцией, которая по собственной инициативе якобы освободилась от оков государственной марксистско-ленинской идеологии.

И именно для того, чтобы лучше понять идейную ситуацию в посткоммунистической России, перспективы нашего духовного развития, я вынужден в более систематической форме изложить основные структурные ценности того, что вслед за русскими философами Серебряного века я называю „сознательным патриотизмом“.

Наверное, мне самому, как автору этих очерков о российском патриотизме, еще раз надо уяснить существенные черты того патриотизма, который еще со студенческих лет близок моей душе, но который почему-то никак не становится господствующей системой взглядов и ценностей в новой России.

Когда ты противостояшь национальному нигилизму, смердяковщине, то для полемики с этими видами „духовного уродства“ достаточно самых простых, очевидных представлений и ощущений, лежащих в основе любви к Родине. Но когда ты противостояшь, к примеру, этническому патриотизму со всем набором его постулатов об уникальной русской душе и особой, „нетривиальной“ русской цивилизации, то ты вынужден вступить в серьезный философский спор о предмете самой любви к Родине.

Спор между так называемыми „сознательными“ патриотами и патриотами-националистами неизбежно превращается в спор о том, что есть Россия, наша Родина, что есть в ней такое, что нам ценно и без чего мы жить не можем и, самое главное, какой хотим видеть Россию в будущем.

Глава 3

Еще раз о качественных различиях между патриотизмом духа и патриотизмом почвы

О западничестве сознательного патриотизма

Моральное уродство этнического патриотизма

О христианской природе сознательного патриотизма

Родина должна быть свободной

Народ не всегда прав (большевизм и патриотизм несовместимы)

Ставить себе задачу „русификации Запада“ значит предаваться духовно-беспочвенной и нелепой национальной гордыне и проявлять суесть ребячество в государственных вопросах. Мы сами не сумели отстоять ни нашу свободу, ни нашу государственность, ни нашу веру, ни нашу культуру. Чему же мы стали бы „обучать“ Запад? Русский народ должен думать о своих собственных недостатках и пороках, о своем духовном возрождении, укреплении и расцвете, а не о том, как бы ему навязать искаженное „русскоподобие“ народам, уже сложившимся в иной культуре и с чуждым нам языком и характером. Смешно слушать мудрые“ советы разорившегося хозяина, глупо превозноситься в самомнении, наделавши бед на весь мир...

И. А. Ильин. Наши задачи [86]

3.1. О западничестве сознательного патриотизма

Семен Франк полагал, что качественная особенность сознательного патриотизма Петра Струве (он был первым в среде русской революционной и либеральной интеллигенции человеком, отчетливо осознавшим себя русским патриотом и проповедовавшим патриотизм) состояло в осознании „ценности самого национального бытия как такового и тем самым его организации в лице государственности“ [87]. И действительно, Петр Струве как мыслитель сделал чрезвычайно много для доказательства самоценности нации и мистической природы государства. „Отдельный человек, — развивал свои мысли о государстве Петр Струве, — в своем стремлении к самосохранению живет для себя, и это значит, что его взора хватает

156

3.1. О западничестве сознательного патриотизма

на весьма определенный и очень ограниченный промежуток времени. Государство во многом долговечное, и с точки зрения индивида и его разума — оно сверхразумно и вне разумно“ [88]. Петр Струве в эпоху революционного пораженчества 1908 года называл свою статью в защиту российской государственности „Великая Россия. Из размышлений о проблемах русского могущества“ и утверждал, что „для государства верховный закон его бытия гласит: всякое здоровое и сильное, т.е. не только юридически 'самодержавное' или 'суверенное', но и фактически самим собой держащееся, государство желает быть могущественным“ [89].

Но нельзя не признать, что и в патриотизме позднего славянофильства, в патриотизме Николая Данилевского и Константина Леонтьева присутствует сознание первостепенной важности и российского национального бытия, и российской государственности. Более того, есть основание говорить, что Петр Струве позаимствовал идею органической природы государства как саморазвивающегося организма именно у Николая Данилевского. „Из национального значения государства следует, что каждая народность, если получила уже и не утратила еще сознание своего самобытного исторического национального значения, должна составлять государство“ [90].

Константин Леонтьев задолго до Петра Струве рассуждает о чертах „возвеличивания России“. Он согласен с ранними славянофилами, что „русское

государство" должно быть „прочно, долговечно“.

Рискну утверждать ^{***то} желание видеть Россию долговечной, могущественной характерно для всех направлений и течений российского патриотизма.

Искать особенность так называемого сознательного, просвещенного патриотизма надо не в самом признании самоценности нашего русского национального и государственного бытия, а в понимании природы и существа русского величия. Оценивать ли природу этого величия и путей его достижения „заемной“, европейской мерой или своими собствен-

157

Глава 3. О различия между патриотизмом духа и почвы

ными представлениями о плохом и хорошем? Вот вопрос, от ответа на который зависят качественные особенности различных форм русского патриотизма.

Так вот, особенность сознательного, морального патриотизма состоит в том, что он, в отличие от позднего славянофильства, рассматривал все особенности и природы, и источников русского величия в рамках европейских, христианских представлений о хорошем и плохом. Если государственный Константин Леонтьев считал, что „нам (русским) по мере возможности необходимо остерегаться сходства с Западом“ и прежде всего остерегаться идеала „всеобщей пользы, мелочного труда и позорной прозы“, то государственный Петр Струве, напротив, полагал, что нам, русским, не хватает западной культуры и дисциплины труда. „Великая Россия, — настаивал Петр Струве, — для своего создания требует от всего народа, и прежде всего от его образованных классов, признания идеала государственной мощи и начала дисциплины труда“ [91].

Сущностная характеристика сознательного патриотизма состоит в его исходных цивилизационных основаниях, в его признании, что ему ценно и важно в русской жизни, что соотносится с ценностями европейской культуры, и что его духу противно то, что им противоречит. Для идеологов сознательного патриотизма, как и для русских западников начала XIX века, включая ранних славянофилов, враждебно прежде всего воинствующее невежество, защита, как говорил Иван Киреевский, в „корыстных целях отсталости и бедности“.

Не следует забывать, что все основные идеологи сознательного патриотизма в молодости исповедывали так называемый „легальный марксизм“, что они уже в молодости восстали против славянофильского обожествления крестьянского быта, против исконно русской тяги к „опрощению“, против ставки на русскую отсталость и некультурность. Петр Струве уже в молодости „культу мученика“, культу отсталости и примитивности, как залога морально-общественного здоровья, толстовскому лозунгу жить „по-мужички, по-дурачки, по-крестьянски, по-

158

3.1. О западничестве сознательного патриотизма

христиански“ решительно противопоставлял призыв к культуре, возможной только через „выучку у капитализма“ [92].

Если русское народничество, в том числе и революционное, выросло из позднего славянофильства, из учения об исходной культурной противоположности России и Запада, то сознательный патриотизм в лице его выдающихся представителей Петра Струве и Николая Бердяева вырос из легального марксизма, из идеи цивилизационного, культурного значения капитализма.

Отношение к Западу, к его культурным ценностям — вот водораздел, который отличал патриотизм и государственничество поздних славянофилов от патриотизма Петра Струве, от сознательного патриотизма.

Петр Струве в полемике с Дмитрием Мережковским, который тоже пытался соединить славянофильский идеал „старого порядка“ с идеей „универсальной революции“, говорил прямо: „Меня, старого западника, на этой славянофильской мякине не проведешь. Я западник и поэтому — националист. Я западник и поэтому —

государственник. При всем моем национализме, я настолько уважаю религию и государство, что Оливера Кромвеля ставлю выше Стеньки Разина и Карлейла выше Бакунина" [93].

Если позднее славянофильство можно назвать антропологическим патриотизмом, любовью к якобы универсальному по своей природе русскому народу-коллективисту, то, к примеру, мировоззрение Петра Струве можно назвать культурным патриотизмом. Для Петра Струве, впрочем, как и для Николая Бердяева, Семена Франка, русскость проявляется прежде всего специфическим русским вкладом в мировую культуру. С этой точки зрения русский патриот должен гордиться не столько особостью своего народа, сколько его способностью выявлять, обогащать общечеловеческое. Сознательный патриотизм обращен в первую очередь к созидательным потенциям русского народа.

И само собой подразумевалось, что ценностью культуры и культурной работы являются прежде всего достижения твор-

159

Глава 3. О различия между патриотизмом духа и почвы

чества, достижения духа, разума и достижения свободы. Для сознательного русского патриота европейская культура является его собственным миром, и христианские идеалы благочестия, и идеалы Нового времени, идеалы Просвещения, свободы и, что не менее важно, идеалы прогресса являются его собственными идеалами. С точки зрения сознательного патриотизма, предметом национальной гордости должна быть „культурная работа" твоего народа. Национальное для идеологов сознательного патриотизма — это прежде всего культурное, духовное, а не антропологическое. „Ценность и сила нации, — настаивал Петр Струве, — есть и сила ее культуры, измеряемая тем, что можно назвать культурным творчеством" [94].

Культурным, с точки зрения сознательного патриотизма, должно быть и отношение к так называемому западному „мещанству". Для Константина Леонтьева, как я уже подчеркивал, мещанство, бюргерство — это синоним „мелочности", „однообразия", „разложения". Для Петра Струве при всех своих недостатках западное мещанство стоит выше старого русского „опрошения" и прежде всего в культурном отношении. Петр Струве обращает внимание, что при всем своем увлечении славянофильством Дмитрий Мережковский не может изменить своим культурным идеалам, своей тяге к культуре. „Эта тяга к культуре, — пишет Петр Струве, — заставила Мережковского найти на Западе 'праведное, мудрое, *светлое* мещанство' и возвысить голос в его защиту против старого русского 'варварства' и 'нового русского хулиганства'" [95]. Идеологи сознательного патриотизма любили Россию, верили в нее, но они не могли мириться с политической и культурной отсталостью России. Они в этой связи ссылались на мужество патриота Пушкина, который охарактеризовал Россию в горьких словах: „Нужно признаться, что наша общественная жизнь весьма печальна. Это отсутствие общественного мнения, это равнодушие ко всякому долгу, к справедливости и правде, это циничное презрение к мысли и к человеческому достоинству приводит в отчаяние" [96].

160

3.2. Моральное уродство этнического патриотизма

3.2. Моральное уродство этнического патриотизма

Не могу не обратить внимание, что Николай Бердяев в не меньшей мере, чем Петр Струве, с которым он проделал трудный путь от легального, нереволюционного марксизма к либеральному консерватизму, к сознательному патриотизму, видел опасность для России, ее будущего в так называемом „антропологическом", этническом национализме. Он видел его опасность в абсолютизации биологического фактора, в проповеди культурного изоляционизма, а тем самым в опасности выхода за рамки христианского универсализма, христианской концепции человека. С точки зрения Николая Бердяева, национализм поздних славянофилов — к ним он относил прежде всего Николая Данилевского — опасен тем, что он „дошел в своих притязаниях до отрицания

других национальных душ и тел, до невозможности всякого положительного общения с ними". Национализм, как он полагал, „есть эгоистическое самоутверждение, ограниченная замкнутость. Почва его — элементарно биологическая. И чем более такой национализм претендует на безграничность, тем он становится ограниченнее. Безграничная притязательность национализма делает его отрицательным, утесняющим, отделяет его от универсализма, лишает его творческого духа". Но на самом деле, полагал Бердяев, национализм как патриотизм, как культурная деятельность есть „положительное благо и ценность", когда он есть „творческое утверждение, раскрытие и развития индивидуального народного бытия. Но в этом индивидуальном образе народном должно изнутри раскрываться все человечество. Пагубно, когда национальность в безграничности самомнения и корыстном самоутверждении мнит себя вселенной и никого и ничего не допускает рядом с собой" [97].

Сознательный патриотизм являлся западничеством прежде всего потому, что исходил из христианского универсализма, из признания духовного и морального равенства всех людей как божьих тварей и, соответственно, из признания морального

6-3921

1 6 1

Глава 3. О различия между патриотизмом духа и почвы

равенства всех народов как паствы божьей. И именно в этом, в признании морального равенства всех народов, в признании права за другими народами, нациями раскрывать и творить всечеловеческое, в этом умении видеть достоинства и ценность других народов, я вижу основную качественную особенность того патриотизма, того национализма, который создавали выдающиеся представители русской общественной мысли. Они — и Николай Бердяев, и Петр Струве, и Семен Франк — исходили из того, что „национальность не может претендовать на исключительность и универсальность, она допускает другие национальные индивидуальности и вступает с ними в общение" [98].

Примечательно, что Иван Ильин, который позже, в 30-е годы, вслед за Петром Струве и Николаем Бердяевым попытался сформулировать принципы, как он говорил, „духовного патриотизма" или „духовного национализма", тоже выступает против биологизации русскости, против претензии на исключительность. „Принимать свой народ за воплощение полного и высшего совершенства на земле, — настаивал И. Ильин, — было бы сущим тщеславием, болезненным националистическим самомнением" [99]. И здесь же он почти слово в слово повторяет мысль Николая Бердяева, что патриотизм крови или идея национальной исключительности „ведет к взаимной ненависти народов, к обособлению 'провинционализма', самомнению и культурному застою" [100].

Интересна мысль, она повторяется у всех представителей „сознательного", „духовного" патриотизма, что в сущности нельзя увидеть достоинства своего народа, достижения своего родного национального духа, если ты не в состоянии увидеть великое и значительное в истории других народов.

Кстати, обращал внимание тот же Иван Ильин, что русскость прежде всего проявлялась в „открытости" к „духу всех (других) народов". Истинный русский патриот, писал И. Ильин, „любит дух своего народа и гордится им, и видит в нем источник величия и славы", но одновременно он осознает, что

162

3.3. О христианской природе сознательного патриотизма

„каждый народ есть по духу своему некая прекрасная самоценность, которая сияет всем людям и всем народам и которая заслуживает и с их стороны любви и почтения, и радости. Каждое истинное духовное достижение — в знании и в добродетели, в религии, в красоте или в праве — есть достояние общечеловеческое, которое способно объединить на себе взоры и чувства, и мысли, и сердца всех людей, независимо от эпохи, нации и гражданской принадлежности. Нам ли, русским, надо доказывать это, нам ли, проливающим с детства слезы над мучениями негра дяди Тома и зачитывающимся Сказками Шахерезады, способным трепетать сердцем при виде скульптуры Пракситель

или картины Леонардо да Винчи, умеющим молиться вместе с Бетховеном, созерцать вместе с Конфуцием и Платоном, отчаиваться вместе с Иовом и бушевать с Шекспиром?" [101].

3.3. О христианской природе сознательного патриотизма

При чтении всех классических текстов, посвященных описанию природы „сознательного", „духовного" патриотизма — текстов Петра Струве, Николая Бердяева, Семена Франка, Ивана Ильина, в равной мере это относится и к автору знаменитых „Вех" Сергею Булгакову — видна изначальная религиозная природа этого мировоззрения. В том-то и дело, что идеи сознательного русского патриотизма развивали люди религиозные, верящие в красоту всего, что создано Богом. „Патриотизм" в данном случае рассматривается как духовное усилие, направленное на приобщение к божественному как универсальному, всечеловеческому.

Нам, бывшим советским обществоведам, прошедшим школу „научного атеизма", пытающимся понять суть духовного завещания русских мыслителей, суть духовного патриотизма, порой трудно перевести на свой духовный язык их тексты. К примеру, мысль Ивана Ильина о том, что различие между

163

Глава 3. О различия между патриотизмом духа и почвы

религиозной и патриотической общиной состоит в том, что в „религии любят Бога и верят в Бога, а в патриотическом единении люди любят свой народ в его духовном своеобразии и верят в духовную силу и в духовное творчество своего народа. Народ — не Бог, и возносить его на уровень Бога — слепо и грешно. Но народ, создавший свою Родину, есть носитель и служитель Божьего дела на земле, как бы сосуд и орган божественного начала. Это относится не только к 'моему' народу (кто бы он ни был), но и ко всем другим народам, создавшим свою духовную культуру" [102]. И. Ильин искал, как он писал, „духовную и религиозную правоту патриотизма". А для этого, полагал он, необходимо показать, что „любовь к Родине есть творческий акт духовного самоопределения, верный перед лицом Божиим и потому благодатный" [103]. Об этом же, о нации и национальном патриотическом чувстве как творчестве приобщения к космическому, божественному, писал и Николай Бердяев. Для него „весь мировой путь бытия есть сложное взаимодействие разных ступеней мировой иерархии индивидуальностей, творческое вращение одной иерархии в другую, личности в нацию, нации в человечество, человечества в космос, космоса в Бога" [104].

Но даже если в тебе нет внутреннего ощущения Бога, то сказанного достаточно для того, чтобы понять, что с точки зрения и Николая Бердяева, и Ивана Ильина подлинный патриотизм, подлинное национальное чувство должно вести к поддержке всего духовного, всего, на чем стоит деятельное творчество, за чем стоит созидательный труд.

Сознательный патриотизм, как я уже подчеркивал в первых главах книги, не связывает любовь к Родине с голосом крови. „Признак расы и крови не разрешает вопроса о Родине, — настаивал Иван Ильин, — например, армянин может быть русским патриотом, но может быть и армянским сепаратистом, революционным агитатором и в России, и в Турции. А в великую войну за Россию патриотически дрались на фронте представители многих десятков российских нацио-

164

3.4. Родина должна быть свободной

нальностей. У людей смешанной крови происхождение бессильно разрешить вопрос о Родине. Все это означает, что *Родина* не определяется и не исчерпывается этими (этническими. — А. Ц.) содержаниями: она больше и глубже..." [105]

Но все же не следует забывать, что идеологи сознательного патриотизма большое значение придавали выбору гражданами России своего вероисповедания. Конечно, можно быть мусульманином, протестантом, иудеем и быть российским патриотом. Но все же,

полагал Иван Ильин, „патриотическое единение" с Родиной „будет несомненно более тесным, интимным и прочным там, где народ связан не только единой территорией и климатом, не только государственной властью и законами... но и духовной однородностью, которая доходит до принадлежности, до единства религиозного исповедания и единой и единственной Церкви" [106]. Русскость и православность очень тесно связаны, и никуда от этого не уйдешь.

3.4. Родина должна быть свободной

Славянофилы-националисты в лице Константина Леонтьева отрицали и „германский рационализм", и так называемую „псевдобританскую свободу", и „французское равенство". Он видел во всех этих достижениях европейских народов лишь „ослепление фаталистическое", лишь „ненаучную веру в уравнилительный и гуманный прогресс". С точки зрения Константина Леонтьева, все эти достижения западной цивилизации „лишь орудия смешения — это исполинская толчея, всех и вся толкущая в одной ступе псевдогуманной пошлости и прозы... Цель всего — средний человек; буржуа, спокойный среди миллионов точно таких же средних людей, тоже 'покойных'" [107].

Все русские мыслители, стоящие на позициях сознательного, духовного патриотизма, напротив, ценили, считали проявлением божественности, всечеловечности все эти открытия европейского человека. Когда мы говорим, что сознательный

165

Глава 3. О различия между патриотизмом духа и почвы

патриотизм есть одновременно культрегерство, то под этим подразумеваем поклонение свободе, понимаемой как свобода творчества.

К примеру, Петр Струве подчеркивает не только культурническую, но и государственно-образующую роль британской идеи свободы. Он обращает внимание, что „идея свободы, перенесенная пуританами в леса Северной Америки, создала там новую государственность. Ее высшая связь в настоящее время заключается в ее истории, т. е. коренится в началах личной свободы и общественного самоопределения" [108].

Суть подлинной государственности Петр Струве видел в соединении воедино умение признавать „бесконечное достоинство или ценность личности" с идеей служения своему народу. Для Струве очевидна ценность „индивидуализма, который в центре всего ставит личность, ее потребности, ее интерес, ее идеал, ее содержание". Но он одновременно полагает, что „для того, чтобы эту личность провозгласить мерилем всего, или высшей ценностью, для этого необходимо поставить высочайшую задачу. Она должна вобрать в себя возможно больше ценного содержания, возможно больше мудрости и красоты" [109].

Европейская идея свободы личности, ее достоинства пронизывает все творчество Ивана Ильина. Интересно, что в последние годы в России много говорится о патриотизме, государственничестве этого мыслителя. Но мало кто обращает внимание на то, что Иван Ильин связывает свой подлинный духовный патриотизм с либеральными ценностями свободы и прав личности. Ильин настаивал, что „первое условие 'социальности', то есть нормальности для будущей России состоит в создании 'бережного отношения к человеческой личности, к ее достоинству, к ее свободе"'. Здесь же Иван Ильин пишет, что „человеку нужны прежде всего *достоинство* и свобода убеждений, веры, инициативы, труда и творчества" [ПО].

Об этом же, о том, что „революция уничтожила в России всякую свободу и потому контрреволюция в России долж-

166

3.4. Родина должна быть свободной

на дать свободу, свободу дышать, мыслить, двигаться, сидеть в своей комнате, жить духовной жизнью", писал Николай Бердяев[111].

Патриоты „крови и почвы", в частности Константин Леонтьев, полагали, что

достоинство, преимущество России по сравнению с Западом состоит в том, что она и после отмены крепостного права все же создала „новую крепостную зависимость от неотчуждаемой земли и общины". Интересно, что защищая крепостное право как препятствие на пути обуржуазивания, либерализации России, Константин Леонтьев обличает раннее, „старое" славянофильство в „западной", „либеральной демагогии". Он, Константин Леонтьев, благодарит „Государя Николая" за то, что он не дал России опуститься до мечты этих якобы „благородных патриотов", которые надеялись, что в один день мы сможем сказать, что „мы такая же демократическая и пошлая Европа, как и самая последняя Бельгия" [112]. „Государь был прозорлив и прав" в том, писал Константин Леонтьев, что он „видел по некоторым, едва, быть может, заметным тогда признакам, что в старом славянофильстве есть одна сторона, весьма, по его мнению, и *европейская, и опасная* (выделено мной. — *А. Ц.*): это склонность к равноправности, — и поэтому не давал ему хода" [113].

Идеологи сознательного патриотизма, как, по словам Петра Струве, „старые европейцы", напротив, полагали, что беда России, приведшая к катастрофе 1917 года, состоит в том, что Россия на сто лет опоздала с отменой крепостного права и введения конституционной монархии. „Личное освобождение крестьян, — писал Петр Струве, пытаясь по следам Октября понять причины победы большевиков, — назрело уже во второй половине XVIII в., когда было отменено прикрепление дворянства к государству в форме обязательной дворянской службы, и потому оно *запоздало на целое столетие, а это запоздание отсрочило и затянуло до нашего времени* и решение двух других сторон крестьянского вопроса — утверждение земельной собственности и упорядочение землепользования" [114].

167

Глава 3. О различия между патриотизмом духа и почвы

Само собой разумеется, что все идеологи сознательного, духовного патриотизма, исповедующие европейские либеральные ценности, и прежде всего ценность свободы, были жесткими и последовательными сторонниками частной собственности и его юридической основы европейского права. Прогнозируя процесс освобождения России от большевизма, Иван Ильин делал упор на возрождение и укрепление в новой России и частной собственности, и частного предпринимательства. „Мы, русские христиане, уже после войны с гитлеровской Германией, в 1948 году, — писал Иван Ильин, — по-прежнему будем искать в России *социального строя...* на основах частной собственности, требуя от частно-инициативного хозяйства, чтобы оно блюло *русские национальные интересы...*" [115].

Особо следует подчеркнуть положительное отношение идеологов либерального или сознательного патриотизма к праву, к закону. Особо на этот раз все славянофилы — и „старые", и „новые" — видели моральное преимущество русского человека над западным в том, что он ставил справедливость выше закона. Если для Константина Леонтьева, впрочем, как и для Карла Маркса, „правовое государство", „возрастание равенства гражданского, юридического и политического" является фикцией, ибо сопрягается с увеличением неравенства экономического, то, к примеру, для Петра Струве „правовое государство" при всех его ограничениях есть основа здорового общества. Именно через идею права, идею закона сознательный патриотизм связывал либерализм, идею свободы с консерватизмом, с идеей традиции. Основная идея этого мировоззрения, писал в этой связи Семен Франк, „состоит в том, что гарантия свободы есть право, закон, и что закон сам имеет свою основу в преданности исторической традиции, тогда как всякий разрыв традиции, всякая насильственная революция ведет к деспотизму" [116].

Петр Струве исходил из того, что „Великая Россия" невозможна без преодоления российского анархизма, без дисциплины труда и западной идеи „права и прав". Еще в 1908 году он

168

3.5. *Народ не всегда прав*

говорил, что политика российского общества „должна начать с того, чтобы на всех пунктах национальной жизни противогосударственному духу, не признающему государственной мощи и с нею не считающемуся, и противокультурному духу, отрицающему дисциплину труда, противопоставить новое политическое и культурное сознание. Идеал государственной мощи и идея дисциплины народного труда — должны образовать железный инвентарь этого нового политического и культурного сознания русского человека" [117].

Таким образом, сознательный патриотизм предполагал любовь к России, которая ведет к желанию совершенствоваться, развивать в европейском смысле этого слова русскую жизнь. Вместо самолюбования собственной исключительностью, идеологи духовного патриотизма предлагали честное, совестливое отношение и к своей жизни, и собственно к жизни других народов. Они предлагали созидательный труд во благо России.

3.5. Народ не всегда прав (большевизм и патриотизм несовместимы)

У поздних славянофилов, как и у их последователей — народников, само собой разумеется, что народ всегда прав, что он остается вне какой-либо критики.

Идеологи сознательного патриотизма, напротив, подчеркивали, что любовь к Родине не должна вести к обожествлению народа. И Иван Ильин и Николай Бердяев исходили прежде всего из того, что большевизм есть отражение недостаточной моральной и духовной развитости русского народа. Отсюда и призыв не отождествлять любовь к своей Родине с „бесславной идеализацией и своей истории и своего народа". „Любить свой народ, — писал И. Ильин, — не значит льстить ему или утаивать от него его слабые стороны, но честно и мужественно выговаривать их и неустанно бороться с ними. Национальная гордость не должна вырождаться в тупое самомнение и плоское самодовольство, она не должна внушать

169

Глава 3. *О различиях между патриотизмом духа и почвы*

народу манию величия. Настоящий патриот учится на политических ошибках своего народа, на недостатках его характера и его культуры, на исторических крушениях и на неудачах его хозяйства. Именно потому, что он любит свою Родину, он пристально и ответственно следит за тем, где и в чем народ не находится на надлежащей высоте, он не боится указывать на это, памятуя хорошую народную поговорку: 'Велика растет чужая земля своей похвальбой, а наша станет своею хайкой'" (от слова „хайть", т. е. порицать — прим. автора) [118]. Я не случайно взял приведенные выше слова эпиграфом ко всем моим очеркам, ибо, на мой взгляд, сущностной чертой сознательного патриотизма, которого нам так не хватает (об этом я писал и в предшествующих главах этой книги), как раз и является его стремление взять на себя ответственность за свою национальную историю, в том числе и за наши национальные катастрофы. Вот почему для сознательного патриотизма действительно „необходимы зоркость, правдивость и гражданское мужество". „Никакое изучение враждебных сил, — настаивал тот же И. Ильин, — не может и не должно гасить в народе чувство ответственности и вины или освобождать его от трезво-критического самопознания: путь к обновлению ведет через покаяние, очищение и самовоспитание" [119]. Показательно, что Дмитрий Медведев в своем первом послании Федеральному Собранию так же, как и русские философы, представители либерального консерватизма, справедливо связывает понятие „патриотизм" не только с „верой в Россию", с „глубокой привязанностью к родному краю", „к нашей великой культуре", но и с „трезвым, критическим взглядом на отечественную историю и на наше далеко не идеальное настоящее" [120].

Многое в природе сознательного патриотизма становится понятным, если вы примете во внимание, что он в лице его идеологов Петра Струве, Семена Франка, Николая Бердяева, вырабатывается в ходе преодоления народнической идеологии и, прежде всего, революционного народничества. Все дело в том, что наши народники, которые решили

3.5. *Народ не всегда прав*

своему народу, служению российскому крестьянству, на самом деле никогда не рассматривали свой народ как хозяина своей судьбы, субъект российской истории. Конечно же, кредо, моральная философия сознательного патриотизма закладывается в „Вехах" (1909 год), и формируется она в процессе морального преодоления уродств „государственного отщепенства" нашей социалистической, революционной интеллигенции. И здесь, в статье того же Петра Струве „Интеллигенция и революция", говорится, что беда нашего революционного народничества состоит не только в том, что интеллигент-народник никогда не задумается о моральных человеческих последствиях своей революционной проповеди, что, соблазняя людей бунтом, он не отдает себе отчет в том, что он ломает им жизнь, обрекает на страдания, но и в том, что революционное народничество никогда не призывало народ, предмет его обожания, к ответственности за свои действия. Напротив, революционная интеллигенция всегда внушала народу (и тогда, когда она ему действительно поклонялась, и тогда, когда она в лице большевиков смотрела на народ как на навоз истории), что он ни за что не несет ответственности, что нет преступления, а есть только справедливость. „Когда интеллигент размышлял о своем долге перед народом, — писал Струве, — он никогда не додумывался до того, что выражающаяся в начале долга идея личной ответственности должна быть адресована не только к нему, интеллигенту, но и к народу, т. е. ко всякому лицу, независимо от него происхождения и социального положения... Интеллигентская доктрина служения народу не предполагала никаких обязанностей у народа и не ставила ему самому воспитательных задач. А так как народ состоит из людей, движущихся интересами и инстинктами, то, просочившись в народную среду, интеллигентская идеология должна была дать вовсе не идеалистические плоды" [121].

Примечательно, что уже в 1909 году, почти за десять лет до начала большевистского террора, Гражданской войны 1918-1920 годов, Петр Струве обращает внимание на то, что

Глава 3. *О различия между патриотизмом духа и почвы*

наибольшую опасность российский интеллигентский аморализм приобретает тогда, когда он одевает марксистские одежды, берет на вооружение идею Карла Маркса, что „насилие является повивальной бабкой истории". „Марксистская проповедь, — пишет здесь же Петр Струве, — в исторической действительности превращалась в разнуздание и деморализацию" [122]. И здесь очень важно обратить внимание на качественную разницу между любовью к народу основателей народнического движения и любовью к народу революционных народников, а особенно большевистской любовью к народу. За народниками, которые после отмены крепостного права шли в народ, чтобы помогать крестьянину в его текущих, насущных делах, которые рассматривали себя как „культурные работники", стояло несомненно светлое чувство альтруизма, вера в то, что благодаря знаниям можно облагородить жизнь русского крестьянина, за этим народничеством стояла „живая любовь к людям". Можно честно сказать, что за этим „народопоклон-ством", при всех его недостатках, за этим убеждением, что народ всегда несет в себе истину, стояла любовь к ближнему — альтруизм. Но за народничеством XX века, за народничеством революционных социалистов всех мастей и особенно за народничеством большевиков стоял уже не альтруизм, а мессианизм, вера не в этот народ, который есть, а в тот, будущий народ коммунистического рая, который наступит. Не могу не обратить снова внимание не то, что уже опыта революции 1905 года и особенно опыта уже чисто большевистского декабрьского вооруженного восстания на Красной Пресне хватило веховцам — и Петру Струве, и его другу Семену Франку — чтобы увидеть, что большевики любят только тот народ, который будет, а потому они с легкостью готовы

пожертвовать жизнью того русского народа с его миром и традициями, который есть, во имя будущего коммунистического русского народа. Они увидели, что большевики, марксисты видят препятствие на пути достижения своей мечты не только в лице „отживших классов", но и в лице нынешнего пролетариата и трудового

172

3.5. *Народ не всегда прав*

крестьянства, которое в силу того, что выросло и сформировалось в рамках „разлагающегося буржуазного общества", несет в себе и „буржуазные предрассудки", „непреодоленные до конца шестидесятилетние инстинкты". В выдержке из текста статьи Семена Франка „Этика нигилизма" есть исчерпывающее объяснение природы большевистской ненависти к народу российскому, объяснение перехода большевиков в лице Сталина от борьбы с эксплуататорами к борьбе с трудовым крестьянством, объяснение тому факту, что большевики не ограничивались борьбой Ленина и Троцкого с эксплуататорскими классами, с „врагами народа", а перешли в начале 30-х годов к борьбе с самим трудовым народом. „Социалист — не альтруист; правда, он также стремится к человеческому счастью, но он любит уже не живых людей, а лишь свою идею — именно идею — всечеловеческого счастья. Жертвуя ради этой идеи самим собой, он не колеблется приносить ей в жертву и других людей. В своих современниках он видит лишь, с одной стороны, жертвы мирового зла, искоренить которое он мечтает, и, с другой стороны — виновников этого зла. Первых он жалеет, но помочь непосредственно не может, так как его деятельность должна принести пользу лишь его отдаленным потомкам... последних он ненавидит и в борьбе с ними видит ближайшую задачу своей деятельности и основное средство к осуществлению своего идеала. Это чувство ненависти к врагам народа и образует конкретную и действенную психологическую основу его жизни. Так, из великой любви к грядущему человечеству рождается великая ненависть к людям, страсть к устройению земного рая становится страстью к разрушению" [123].

Трудно понять, почему многие поклонники нынешней КПРФ, которые, как я знаю, любят Россию и свой народ, не видят, что на самом деле большевизм своим острием был направлен против той России, которая была, против того русского народа, который развивался столетиями, что на самом деле на место разрушенной большевиками старой России с ее блестящей, талантливой интеллигенцией, со всеми ее сла-

173

Глава 3. *О различиях между патриотизмом духа и почвы*

бостями, с ее офицерством, духовенством, с ее трудолюбивым крестьянством, растущей как на дрожжах российской промышленностью, мы ничего существенного за семьдесят лет не создали. Как можно ходить и поклоняться мощам человека, мощам коммунистического фанатика, который тысячами приговаривал людей к смерти только за то, что они принадлежали к ненавистной ему старой России? Не знаю.

Неужели всем нашим до сих пор многочисленным поклонникам Маркса не видно, что сущностью этого учения была наука о ненависти, наука о классовой борьбе, которая подталкивала мир к тотальной гражданской войне, пропаганда, как говорил сам Маркс, „революционного терроризма".

Но вернемся к текстам и идеям основателей „сознательного", морального патриотизма. Уже в 1918 году на основе опыта большевистской Октябрьской революции Семен Франк говорит, что истоки чудовищной жестокости и аморализма революции 1917 года и начавшейся Гражданской войны надо искать не только в особенностях душевного склада русского народа, в „корыстолюбии низших классов", „в общей слабости в России духовных начал", но и в идейном яде разрушающей ненависти, который нес в себе революционный, марксистский социализм. „Революционный социализм, — писал Семен Франк в своей статье 'De profundis' летом 1918 года, — утверждающий возможность установлений правды и счастья на земле механическим путем политического переворота и насильственной 'диктатуры', — социализм, основанный на учении о классовой борьбе,

усматривающий в корыстолюбии высших классов единственный источник всяческого зла, а в таком же по существу корыстолюбии низших классов — священную силу, творящую добро и правду, — этот социализм несет в себе имманентную необходимость универсального общественного лицемерия, освящения низменно-корыстных мотивов пафосом благородства и бескорыстия. И потому и здесь не следует умалять значения идейного и сверхиндивидуального начала: нас погубили не просто низкие, земные, эгоистические страсти

174

3.5. Народ не всегда прав

народных масс, ибо эти страсти присущи при всех условиях большинству людей и все же сдерживаются противодействием сил религиозного, морального и культурно-общественного порядка; нас погубило именно разнуздание этих страстей чрез прививку яда социализма, искусственное накопление их до степени фанатической истступленности и одержимости и искусственная морально-правовая атмосфера, дававшая им свободу и безнаказанность... *Не подлежит, таким образом сомнению, что революционный социализм в своей чистой, ничем не смягченной и не нейтрализованной эссенции, оказался для нас ядом, который, будучи впитан народным организмом, неспособным выделить из себя соответствующих противоядий, привел к смертельному заболеванию* (выделено мной. — А. Ц.), к гангренозному разложению мозга и сердца русского государства" [124].

Сознательный, моральный патриотизм не имеет ничего общего ни с поздним славянофильством, ни с нынешним „красным патриотизмом", который настаивает, что народ „всегда прав", что „над народом нет судей, что воля народа — божья воля". По крайней мере, для всех идеологов сознательного патриотизма — и для Петра Струве, и для Семена Франка, и для Николая Бердяева — было само собой разумеющимся, что народ российский, поддержавший большевиков, принимающий активное участие во всех их преступлениях и, самое главное, в „расправе над бывшими", не просто „не прав", но несет моральную ответственность за самогеноцид, осуществляемый под руководством большевиков.

Как выяснилось в ходе революции 1917 года, не оказалось у народа российского, у его „низов", инстинкта национального самосохранения, не было у него противоядий против соблазнов революции и связанного с ней насилия. Не было на самом деле, как говорит Сергей Булгаков словами „дипломата", героя своей пьесы „На пиру богов", ничего. „Просто народ наш до патриотизма и национализма еще не дорос" [125].

Но одновременно сознательный, нравственный социализм отличается от „национального отщепенства", от национально-

175

Глава 3. О различия между патриотизмом духа и почвы

го нигилизма, от смердяковщины тем, что видит в народе российском духовные потенции, силы, которые дают ему основания верить, что он, народ, справится со своими слабостями, одолеет их в конце концов, что лучшие силы русского духа возьмут верх над его слабостями и пороками.

Текст сборника „Из глубины" создавался в самый страшный, жестокий период нашей революции, в момент начала масштабной гражданской войны, но в нем, в статьях его авторов явственно просматривается их глубинная вера в то, что народ российский одолеет тяготы и муки этого страшного времени. „Истинное существо нашей национальной болезни, — писал летом 1918 года Семен Франк, — столь страшный кризис, который мы переживаем, состоит не в том, что народный организм утратил свои силы и потерял способность вырабатывать живые внутренние соки, питающие народное тело и дарующие ему внутреннее здоровье, единство и соразмерность жизни, а в том, что эти соки остаются неиспользованными, пребывают в бессильно-потенциальном состоянии, т. е. что парализована та сила, которая разливала их по организму и тем обеспечивала нормальное и интенсивное его функционирование. Как бы глубока и тяжела ни была наша

болезнь, она есть все же лишь функциональное расстройство, а не органическое омертвление" [126]. От этой веры, что все же душа народа не мертва, способна работать, и коренилась надежда веховцев в то, что в конце концов произойдет отторжение народа от большевизма, от его лжи и зверств.

Интересно, что названная статья Семена Франка из сборника „Из глубины“, статья, посвященная анализу причин ужасов большевистской революции, причин морального падения русского народа в ходе событий 1917 года, начинается тем не менее на оптимистической ноте. „Если России все-таки суждено еще возродиться, — чудо, в которое, вопреки всему, мы хотим верить, пока мы живы, — то это возрождение может быть теперь лишь подлинным воскрешением, восстанием из мертвых с новой душой, к совсем иной, новой жизни. И пер-

і 76

3.5. Народ не всегда прав

вым условием этого возрождения *должно быть полное, окончательное осознание как всей глубины нашего падения, так и его последних, подлинно-реальных духовных причин...*" (выделено мной. - А. Щ [127])

Здесь важно обратить внимание, что у Семена Франка, у всех учителей морального патриотизма (и здесь нет разницы между веховцами и Иваном Ильиным) вера в народ российский связана прежде всего с верой в его моральное прозрение, в пробудившуюся способность увидеть зло, отличить от добра, обличить зло и осознать свою ответственность за это зло. „Мы можем быть твердо уверены, — писал в конце жизни Иван Ильин, — что русские сердца не разлюбили Россию и не разучились верить, но научились **верно** видеть зло и злобу, научились **ценить свою историю**, научились еще келейной молитве и зрелым **волевым решениям**" [128].

Сознательный, моральный патриотизм не может не быть врагом марксизма, революционного социализма, ибо, как было сказано, он видел и видит именно в учении Маркса о созидательной и исцелительной силе насилия тот яд, который подталкивал растерявшуюся русскую душу в бездну насилия и жестокости, к национальному самоубийству. И это обстоятельство, наверное, многое объясняет в той злобе и ненависти, которую испытывали по отношению к сознательному, моральному патриотизму и вожди большевизма, особенно Ленин, и сегодня наши многие поклонники марксизма, поклонники „красного проекта". Для идеологов сознательного патриотизма, прошедших, кстати, в молодости школу богемного марксизма, очень скоро стало ясно, что сами по себе претензии Маркса и его учения изменить, переделать заново складывающуюся тысячелетиями природу человека, вырвать с корнем, до основания все те мотивы и идеи, на которых складывалась европейская цивилизация, скрывают в себе чудовищную, сатанинскую гордыню этого человека, несут в себе призывы к самоубийству европейской цивилизации. Интересно, что в России, которой суждено было стать испытательным

177

Глава 3. О различия между патриотизмом духа и почвы

полигоном для безумных идей Маркса, было больше всего сказано мудрых слов о моральных изъянах этой бесовской доктрины.

Учение Карла Маркса о скачке из „царства необходимости в царство свободы", о переходе от „предыстории" человечества к подлинной истории, которое и в прошлом, и сейчас подкупает своей устремленностью в будущее, на самом деле еще было идеологией примитивизма, оправданием единообразия, было направлено против культуры.

Прямо скажем, люди, которые видели в религии, в духовных исканиях человечества „опиум для народа", а во всех достижениях морального сознания лишь „классовую мораль", на самом деле не только в духовном, но и в умственном отношении были не очень развитыми людьми. Не будь у Маркса чудовищной, сатанинской гордыни, он бы увидел, что мир коммунизма, который он живописал в своих трудах, на самом деле чудовищный мир, мир удушающей простоты и единообразия, мир тотального

тоталитаризма, где на месте борьбы различных идей и воззрений существует единственный его „собственный научный социализм“, где на месте многообразия классов и сословий существует лишь один „класс трудящихся“, где на месте различных наций и государств стоит лишь единое коммунистическое человечество.

Понятно, что все идеологи сознательного, духовного патриотизма, как европейцы, как люди, отстаивающие самоценность каждой личности, ее права и свободы, были убежденными антикоммунистами, политическими и идейными врагами и большевизма, и созданного им строя. И Иван Ильин, и Петр Струве обвиняли Николая Бердяева в „устряловщине“, в попытках „объективистски“ судить о большевиках, но все же нельзя не видеть, что автор так ненавистной им книги „Истоки и смысл русского коммунизма“ все же видел в них, в большевиках, что-то „жуткое“, „ложное“, „запредельное, потустороннее“. Бердяев, как и Петр Струве, и Семен Франк, полагал, что победа большевиков есть катастрофа прежде всего

178

3.5. *Народ не всегда прав*

в духовном отношении, ибо „коммунизм есть борьба против духа и духовной жизни. И его моральные последствия более ужасны, чем последствия государственные, правовые и экономические, они будут длительнее“ [129].

Я не думаю, что самый жесткий антикоммунист из пассажиров „философского парохода“ Иван Ильин добавил нечто существенное к тому, что сказали об античеловеческой, антидуховной природе большевизма и Николай Бердяев, и Петр Струве, и Семен Франк. Он и писал о том же — что „русская революция была безумием“, что „русская революция была катастрофой“.

Для понимания духовной сути сознательного патриотизма важно не само по себе отрицание большевизма и коммунизма, отрицание насилия и тоталитаризма, а факт осознания его идеологами личной ответственности, а потом и ответственности своего народа за преступления большевизма. „Большевизм в России явился и победил, — писал в своих 'Размышлениях о русской революции' Николай Бердяев, — потому, что я таков, каков есть, потому что во мне не было настоящей духовной силы, не было силы веры, двигающей горами. Большевизм есть мой грех, моя вина. Это есть ниспосланное мне испытание. Страдания, которые мне причинил большевизм, есть искупление моей вины, моего греха, нашей общей вины и нашего общего греха“. Надо винить в произошедшей катастрофе себя, народ, который мы представляем, а не „винить во всем евреев, масонов, интеллигенцию“ [130].

Таким образом, в сознательном патриотизме антикоммунизм связан с идеей ответственности русского народа за поддержку большевизма в ходе революции 1917 года и последующей Гражданской войны. Отсюда следовало (кстати, снова обращаю на это внимание), что процесс преодоления коммунизма духовно в России предполагал не просто осуждение его преступлений, но и осознание по крайней мере вины своих отцов и дедов за содействие преступлениям большевиков. Кстати, позиция многих вождей нашего нынешнего россий-

179

Глава 3. *О различия между патриотизмом духа и почвы*

ского либерализма, утверждающих, что их деды-большевики были на уровне задач своей „революционной эпохи“, свидетельствует не только о ложности нашего нынешнего либерализма, который на самом деле является „необольшевизмом“, но и ложности нашей так называемой „демократической“ или „антикоммунистической“ революции в целом.

Иногда мне кажется, что подобная духовность, подобная, как у Бердяева, способность увидеть в общем грехе свой собственный грех, умерла вместе со смертью старой России. Совесть может быть и у атеиста. Этому нас научил опыт СССР. Но, наверное, глубинная совесть предполагает развитое религиозное сознание.

Анализ причин победы большевиков, который содержится в работах всех без

исключения названных идеологов сознательного патриотизма, интересен и важен прежде всего тем, что он выявлял те слабости русской души и русского человека, которые привели к катастрофе 1917 года и без изживания которых, по их мнению, невозможно создание новой, здоровой и сильной России. Надо понимать, писал Николай Бердяев, что „большевизм был извращенным, вывернутым наизнанку осуществлением русской идеи (читай — русского мессианизма. — *А. Ц.*), и потому он победил. Помогло то, что у русских очень слабо иерархическое чувство, но очень сильна склонность к автократической власти. Ни о каком правовом, конституционном государстве народ слышать не хотел" (Там же. С. 250). „Большевики, — продолжает Бердяев, анализируя причины русской катастрофы, — осуществили народный идеал черного передела. И они вполне отвечают русскому нигилизму" [131]. Далее Николай Бердяев полагал, что всему виной то, что „в русском народе всегда была исключительная, неведомая народам Запада отрешенность, он не чувствовал исключительной прикованности и привязанности к земным вещам, к собственности, к семье, к государству, к своим правам, к своей мебели, к внешнему бытовому укладу. Русский народ приковывался к земной жизни грехом, и грехи его бы-

180

3.5. *Народ не всегда прав*

ли не меньшие, даже большие, чем у народов Европы. Русский народ, вероятно, менее честный и добропорядочный народ, чем народы Запада". Здесь же Николай Бердяев развивает свои идеи об анархической природе русского человека, о том, что „нельзя русским людям привить немецкий или французский патриотизм, западно-европейский национализм. Многие русские патриоты и националисты выглядят безнадежными инородцами, чуждыми душе России. У нас никогда не было буржуазной идеологии. Никогда не было у нас и идеологии государственной... Русский дух не может признать верховенства государственной идеи, она всегда будет занимать подчиненное место, а часто и совсем отсутствовать. Русским людям присущ своеобразный анархизм" [132].

В своей статье „Духи русской революции", написанной летом 1918 года еще в России, по следам драматических событий октября 1917 года, Николай Бердяев специально исследует все пороки русского национального самосознания, подготовившие почву для мясорубки начавшейся Гражданской войны. Он обращает внимание на „ложный морализм" русского человека, на морализм, который оборачивается вселенской катастрофой. „В нигилистическом морализме русского человека, — обращал внимание Николай Бердяев, — нет нравственного закала характера, нет нравственной суровости перед лицом ужасов, нет жертвостойкости и отрицания произвола" [133].

Надо видеть и признать, что сложившийся в своей основе в конце 60-х годов „красный патриотизм" (его еще можно назвать „красным почвенничеством" в противовес „православному почвенничеству" Достоевского) со своей верой, что „народ всегда прав", мешал и, на мой взгляд, до сих пор мешает анализу причин, приведших к катастрофе 1917 года. Конечно, на мой взгляд, красный патриотизм, вся идеология журнала „Молодой гвардии" были прогрессивным явлением, ибо были прорывом за рамки марксистского интернационализма, были попыткой сказать, что есть все же русский народ, что есть проблемы национального самосознания, проблемы русского духа.

181

Глава 3. *О различиях между патриотизмом духа и почвы*

Но за эти прорывы через марксизм мы до сих пор много платим. Подобный прорыв предполагал определенную идеализацию русского народа и тем самым препятствовал серьезному и честному анализу слабых мест русской души и русской истории, тех слабостей, на которых с успехом для себя сыграли большевики.

Правда о народе в той форме, в какой она была изложена в Библии сознательного патриотизма, в текстах „Вех" и „Из глубины", в текстах Ивана Ильина, не имеет ничего общего ни с нынешними „либеральными", ни с нынешними „государственными"

мифами о русском народе. Интересно, что сегодня и наши крутые „западники“, и крутые „государственники“ исходят из одного и того же мифа об особом „государственничестве“ и особом „патриотизме“ русского человека. На несостоятельность этого мифа я обращал внимание в начале своей книги. Вынужден вернуться к этой проблеме сейчас в связи с попыткой выявить сущностные признаки сознательного, морального патриотизма.

Так вот, по мнению мыслителей, которые по следам Октября пытались понять причины произошедшей катастрофы, у русского народа отродясь не было качеств, которые необходимы для подлинного государственничества, не было социальной дисциплины, способности соотнести свою волю с интересами своего государства. У русских, напротив, была всегда „титаническая размахистость воли“, был сильно развит максимализм, увлечение крайностями, которые куда более свойственны анархизму, чем государственничеству. Государственничество на самом деле невозможно без развитого национального самосознания, без патриотизма, без укорененной бытовой нравственности. Но у нас, по мнению исследователей русского национального самосознания, было много проявлений героизма и святости, но при всем при этом „вообще этический уровень русской души невысок“ [134]. Поэт-славянофил Тютчев должен был принять, что в России „и всякой мерзости полно“. Русский человек не знал той середины, на ко-

182

3.5. *Народ не всегда прав*

торой держится государственническое чувство, в нем берут верх крайности и „святое“ и „зверское“, лютость и добродушие, тихость и беспокойство. Большевики, которые дали право на расправу и месть, как раз и обращались к той части души русского человека, где был „зверь“. Эта революция, свершившаяся по принципу классовой вражды, будила лишь инстинкты ненависти, захвата и мести. В ней восстал во весь рост не просто зверь, а именно злой зверь, живший в народной душе [135].

Вопреки нынешним либеральным и нынешним славянофильским мифам об особой „соборной“, коллективистской природе русского человека, на самом деле, как показал опыт революции 1917 года, им движет прежде всего индивидуализм. Русское стремление к уравниловке идет не столько от коллективного „мы“, сколько от элементарной индивидуалистической зависти, от неспособности примириться с тем, что у другого может быть больше добра, чем у меня. Октябрь — это было торжество русского индивидуализма, торжество жажды жизни, собственности и личного благополучия. „Русскому народу, по существу, не было никакого дела до социализма и вообще каких-либо теорий, ему нужна была только земля, власть и связанные с достижением этой власти материальные блага, более же всего освобождение от тяжести войны“ [136]. Кстати, эту самую главную правду об Октябре, которая на самом деле является правдой о мнимом российском коллективизме, не пытались опровергнуть даже в советских учебниках истории КПСС.

Да, несомненно погром революции приобрел апокалипсический характер, и произошедшее подтверждает пророчество Достоевского, содержащееся в его „Бесах“, его слова о том, что российский нигилизм, российское бесчестье в ходе возможной революции дойдет до таких „высот“, примет такие размеры, где уже не будет видно различия между преступлением и апокалипсической катастрофой. Но зло и преступление, до-

183

Глава 3. *О различия между патриотизмом духа и почвы*

стигшие невозможного, нечеловеческих, невообразимых высот, все же останутся злом.

Не было внутреннего самоконтроля, сдерживания себя от зла, наверное, еще и потому, что в русской душе, не было, как говорят веховцы, „гуманистического“ начала, а мне кажется, на самом деле — христианского начала, не было чувства личности, не было чувства самоценности человеческой жизни—и своей, и чужой. Инстинкт самосохранения,

конечно, был, но развития собственной личности не было. Не может быть ни державности, ни моральности в точном смысле этого слова без развитого чувства личности. Не могу не согласиться с Николаем Бердяевым, что то „бесчестье", которое впервые открылось Гоголю как „исконное русской свойство" и которое проявилось целиком и без остатка в ходе революции, было связано с неразвитостью и нераскрытостью личности в России, с подавленностью „образа человека" [137].

Русская правда, которая привела к гибели России в 1917 году, состояла в том, что в русской душе на самом деле не оказалось в достаточной мере ни патриотизма, ни „веры в Отечество", не оказалось в достаточной мере исторической памяти, уважения к вере и делу своих предков, то есть всего того, на чем держится истинное государственничество.

И действительно, наводит на раздумья тот неоспоримый факт, что первым идеологом российского государственничества был немец по происхождению Петр Бернгардович Струве, а мыслителем, посвятившим специальные исследования природе российского патриотизма, в частности, и природе того, что он называл „одухотворенным национализмом", был немец по матери Иван Ильин. Спасали Отечество во время гражданской войны 1918-1920 годов казах по матери Корнилов, поляк по матери Деникин и датчанин Барон Врангель. И, наверное, в этом есть какая-то закономерность. Русский из „инородцев" обретает Россию как Родину прежде всего душой, работой и души, и ума. Инородец или русский со „смешанной кровью" (И. Ильин) тратит больше духовных сил, чтобы полюбить Рос-

184

3.5. *Народ не всегда прав*

сию, а потому его патриотизм бывает сильнее патриотизма этнических великороссов.

О тех же слабостях русской души, приведших к власти большевиков, писал до конца жизни, до 1954 года, до времен зарождения хрущевской России Иван Ильин. Он пережил всех „веховцев", всех идеологов сознательного русского патриотизма. Я бы сказал, что патриот Иван Ильин судит о своем народе более строго, чем, к примеру, Николай Бердяев. Николай Бердяев сохраняет веру, что в своей основе „душа русского человека устремлена к царству Божьему, но она легко поддается соблазнам, подменам и смещениям, легко попадает во власть царства лжи" [138]. Все же Николай Бердяев придерживается славянофильской интерпретации русского человека, делает, как и славянофилы, больший акцент на исходном, антибуржуазном, антисобственническом характере русской души. „Русские люди, — развивает свои мысли Н. Бердяев, — всегда духовно противились власти буржуазно-мещанской цивилизации XIX века, не любили ее, видели в ней умаление духа" [139].

Иван Ильин делает акцент на более прозаических, прежде всего на материальных причинах, толкнувших русское крестьянство в объятия большевиков. Иван Ильин полагал, что если бы действительно, как считал Николай Бердяев, душа русского человека была устремлена к Богу, то он не участвовал бы в воцарении в России „царства лжи и подмен". Причины победы большевиков Иван Ильин связывает не с особой русской духовной устремленностью к Богу, а напротив, с дефицитом, утратой религиозных чувств. „Безумие русской революции, — писал Иван Ильин незадолго до кончины, уже в 1949 году, — возникло не просто из военных неудач и брожения, но из отсутствия политического опыта, чувства реальности, чувства меры, патриотизма и чувства чести у народных масс и у революционеров. Люди утратили органическую национальную традицию и социально-политическое трезвение. Все это брожение возникло отнюдь не из 'нищеты', 'гнета' или 'разрухи'. Брожение шло от нежелания отстаивать Россию и держать

185

Глава 3. *О различия между патриотизмом духа и почвы*

фронт и от жажды революционного грабежа. По прозорливому слову Достоевского — русский простой народ понял революционные призывы (Приказ № 1) и освобождение

от присяги — как данное ему 'право на бесчестие', и поспешил бесчестно развалить фронт, удовлетвориться 'похабным миром' и приступить к имущественному переделу" [140].

Корни русской катастрофы 1917 года Иван Ильин, как и идеологи сознательного патриотизма Петр Струве, Семен Франк, искал в отсутствии у русских развитого инстинкта национального самосохранения, из неразвитости национального самосознания и, соответственно, глубокого патриотического чувства. Все, что писал Иван Ильин о причинах победы большевиков, по мысли целиком совпадает с приведенными выше рассуждениями Антона Деникина о причинах поражения белого движения во время гражданской войны.

Интересно, что Иван Ильин находит общие корни всех русских смут — и смуты начала XVII века, и смуты 1917 года — в неразвитости гражданских чувств, в рабском искушении. „Русские летописи, — обращает внимание Иван Ильин, — пишут о Смуте, что она была послана нам за грехи 'безумного молчания нашего ради', т.е. за отсутствие гражданского мужества, за малодушное 'хороничество' и непротивление злодеям. Несомненно, что эти слабости и недостатки сыграли свою роль и в нынешней революции" [141]. И действительно, в сочинениях „русских книжников" начала XVII века (которые, кстати, осуждали „самовластие" Ивана Грозного, видели в этом самовластии разрушение „русского народа и русского государства"), к примеру, во „Временнике" Ивана Тимофеева (Семенова) говорится, что виновность русского общества, помимо морального несовершенства, заключается в его покорности, „бессловесном молчании" и „самопослушании". Автор этого произведения начала XVII века, как и автор произведения „Сказание Авраамия Палицына" еще более категорично утверждает, что „безумное молчание" русского народа погубило Россию [142].

186

3.5. *Народ не всегда прав*

Не могу не сказать, что как историк духовного развития России, на мой взгляд, Иван Ильин был ближе к исторической правде, чем Николай Бердяев.

Нельзя не обратить внимание, что даже идеологи этнического русского патриотизма, идейные противники „сознательного патриотизма", к примеру, современник и Петра Струве, и Семена Франка, и Николая Бердяева, теоретик и организатор „Всероссийского национального Союза" Михаил Меньшиков, вынужден был признать, что на самом деле народа-богоносца, „устремленного к Богу", как писал Бердяев, уже не было к середине XIX века, ко временам поражения в Крымской войне. А в „следующее 50-летие, — с точки зрения Михаила Меньшикова, — нравственная катастрофа только ширилась: властный класс все более терял инстинкты власти, трудовой класс все более терял инстинкты труда. И вверху, и внизу пошло великое во всех слоях распутство, отмеченное пророком той эпохи Достоевским... Как 'Мертвые души' были предсказанием крымского позора, так 'Братья Карамазовы' — маньчжурского. Поистине страшно, когда вдохновленные свыше люди, наблюдая Родину, начинают обличать ее!" [143]. И здесь же, в „размышлениях" мая 1911 года, Михаил Меньшиков предсказывает катастрофу 1917 года, пишет, что это развивающееся в русском народе „ужасное богоненавистничество вместо древнего богопоклонения" не „остановится на самом безбожии", что „дойдя до него, он по инерции перейдет черту и выполнит весь отрицательный размах, дойдя до дьяволизма..." [144]. Примечательно, что идеологи „сознательного патриотизма", идейные и политические противники Михаила Меньшикова, при характеристике большевизма тоже использовали термин „дьяволизм".

Конечно, как сказано было выше, патриотизм на то и патриотизм, что он проникнут верой и в свой народ, и в его достойное будущее. Эта вера в будущее России имела под собой и рациональные, материальные основания. Сознательный патриотизм основывался не на мифах об особом „народе-

187

богоносце", а на реальных, конкретных достижениях русского духа, русского народа.

И у Петра Струве, и у Николая Бердяева, и у Семена Франка, и у Ивана Ильина вера в будущее России, вера в то, что большевистская, коммунистическая „дьявольщина" будет изжита, вера в русский народ как „великое историческое целое" основана прежде всего на достижениях русской культуры и русской воинской самоотверженности. „Залог будущего" Петр Струве видит и в „благочестии Сергия Радонежского", и в „дерзновениях митрополита Филиппа", в „патриотизме Петра Великого, геройстве Суворова, поэзии Пушкина, Гоголя и Толстого, самоотвержении Нахимова, Корнилова и всех миллионов русских людей, помещиков и крестьян, богачей и бедняков, бестрепетно, безропотно и бескорыстно умиравших за Россию" [145].

Николай Бердяев связывал свою веру в будущее России и с мученическим подвигом русских православных священников, не принявших большевистскую революцию. „Религиозные гонения революционной эпохи, — писал он в своей работе 'Размышления о русской революции', — производят качественный отбор... Христианство вновь требует от верных сынов своих жертвостойкости. И эта жертвенность в стихии революции была проявлена. Русские православные священники в лучшей своей части остались верны святыне, мужественно защищали православие, мужественно шли на расстрел" [146].

Сознательный патриотизм, который ставил во главу угла своих ценностей культуру, духовную деятельность, соответственно связывал будущее России с духовным перерождением, с духовным преодолением в русском народе всего того, что обернулось трагедией 1917 года, и распадом старой России. Речь шла об освобождении русского народа от коммунистического ига, и прежде всего в духовном отношении. Идеологи сознательного патриотизма делали упор на возможном и необходимом изживании в русской душе всего того, что привело к победе большевиков, и прежде всего на изживании привычки к рабству „тягостного

188

3.5. *Народ не всегда прав*

безмолвия", на изживании легковерия, максимализма, изживании равнодушия к судьбам государства. „Русскую революцию нужно пережить духовно углубленно" (Николай Бердяев). Речь шла прежде всего о преодолении аморализма, приведшего к революции и углубленного ею, о преодолении „привычки к рабству", ибо „русские люди предали свободу", о преодолении „черного чувства зависти" [147]. Уже Иван Ильин говорил о необходимости преодоления последствия революции, как правовой нигилизм, ибо она, революция, смешала „позволенное" и „запретное", „мое" и „твое" [148]. Актуальна мысль Ильина, что не будет у нас никакой демократии, пока мы не восстановим духовное, моральное здоровье российской нации. Ибо, чем более народ является неустойчивым в вопросах морали и правосознания, тем труднее ему восстановить свой „уровень жизни" [149].

Еще раз обращаю внимание на то, что идеологи сознательного патриотизма связывали „величие" и „вечность" новой России с созданием нового „качества" русской жизни, а само это „качество" связывалось с воплощением в жизнь всех ценностей европейской христианской цивилизации. „В будущей России, — настаивал Иван Ильин, — все будет определяться силой личного характера, инициативой, умом, образованием и талантом" [150]. Отсюда, из убеждения в самоценности личности и ее инициативы, И. Ильин предлагает нам преодолеть характерную для старой России привычку к „обезличиванию человека".

И наконец, что очень актуально сегодня, И. Ильин связывал духовное преображение посткоммунистического человека с тем, что ему необходимо преодолеть „нелепое чувство собственного превосходства над всеми другими народами: гордыню собственного безумия и иллюзию собственного преуспевания". Если „русская революция

есть величайшая катастрофа не только в истории России, но и в **истории всего** человечества" [151], то тогда наша русская миссия состоит в том, чтобы научить другие народы тому, чего не надо делать, но ни в коем

189

Глава 3. О различия между патриотизмом духа и почвы

случае снова не претендовать на роль учителей человечества. Интересно, что в 1949 году, почти за сорок лет до гибели советской системы, И. Ильин обращает внимание на несостоятельность новой и старой идеи „русификации Запада". „Мы сами не оправдались перед судом истории, — писал он, — мы не сумели отстоять ни нашу свободу, ни нашу государственность, ни нашу веру, ни нашу культуру. Чему же мы стали бы 'обучать' Запад? Русский народ должен думать о своих собственных недостатках и пороках, о своем духовном возрождении, укреплении и расцвете, а не о том, как бы ему навязать искаженное 'русскоподобие'... Смешно слушать 'мудрые' советы разорившегося хозяина; глупо превозноситься в самомнении, наделавши бед на весь мир..." [152].

Толчком к этому очищению и преобразению русского народа, полагали идеологи сознательного патриотизма, должно быть осознание „глубины той бездны", в которой мы оказались после победы большевиков. Само собой подразумевалось, что это очищение и преобразование от большевизма потребует и громадных духовных усилий. „Для этого потребуются **время, честное и мужественное самопознание, очистительное покаяние, новая привычка к независимости и самостоятельности и, главное, новая система национального духовного воспитания**" [153]. Эти слова Ивана Ильина, написанные тридцать лет спустя после выхода в свет сборника „Из глубины", повторяют веру его авторов веховской веры в возможность возрождения русского духа.

Итогом этого преобразования и самоочищения, этого духовного выздоровления, полагали идеологи сознательного патриотизма, должно быть возрождение инстинкта национального самосохранения, национальной страсти.

// действительно, и ум, и талант, и мораль, и инициатива, и личные свободы, и правовое сознание приобретут созидательный характер, когда они будут оплодотворены национальной страстью. Либеральный патриотизм был все же, и прежде всего, патриотизмом, ибо он, как я уже говорил, ставил во главу угла

190

3.5. Народ не всегда прав

укоренение и упрочение русского национального бытия, самоценность российского общества и российского государства. „Возрождение жизненных сил, — настаивал Петр Струве, — даст только национальная идея в сочетании с национальной страстью. Это та идея-страсть, которая должна стать обетом всякого русского человека. Ею, ее исповеданием должна быть проникнута вся русская жизнь. Она должна овладеть чувствами и волей русских образованных людей и прочно слившись со всем духовным содержанием их бытия, воплотиться в жизни в упорный, ежедневный труд" [154]. Спустя более тридцати лет после произнесения Петром Струве этих проникновенных слов о возрождении русской национальной страсти уже Иван Ильин, в свою очередь, скажет, что вся русская надежда — на „лучших людей страны, которые будут править новой Россией". И здесь же добавит: „лучший", значит — „**искренний патриот, государственно мыслящий, политически опытный, человек чести и ответственности, жертвенный, умный, волевой, организационно даровитый, дальнзоркий и образованный**" [155].

•

Глава 4

Победы и поражения сознательного патриотизма в эпоху Путина

Антикоммунизм Владимира Путина

И снова „красный проект"?

Еще раз о причинах нашей российской левизны

Править, как Сталин,

а жить — как Рома Абрамович!
Сил хватает только на „манию величия“
Пустые мифы сталинистов
Парадоксы нашей антикоммунистической революции
Могла ли сохраниться „русская душа“ после уничтожения „русского народа“
7-3921

Для нас это особая трагедия. Это случилось, когда привлекательную на первый взгляд, но пустую на поверку идею пытались ставить выше основных ценностей - человеческой жизни, ценности прав и свобод человека... Масштаб трагедии колоссальный: сотни тысяч, миллионы человек погибли. Причем это были люди со своим собственным мнением, которые не боялись его высказывать, цвет нации. Мы до сих пор ощущаем эту трагедию на себе.

В. В. Путин. Из выступления у Поклонного креста на Бутовском полигоне 30 сентября 2007 года

4.1. Антикоммунизм Владимира Путина

Если бы я успел закончить свои очерки о российском патриотизме несколько лет назад, то я бы завершил их на мажорной ноте. Тогда казалось, что наконец, по сравнению со временами распада советской системы, мы стали свидетелями победы сознательного, либерального патриотизма над крепостническим патриотизмом, над традициями русского мессианизма. Все же нельзя не признать, что все, что писал и говорил преемник Ельцина, второй Президент России Владимир Путин о национальном достоинстве русского человека и о величии нашей страны, совпадало в главном с ценностями и истинами патриотизма, духа, ценностями сознательного патриотизма.

Лично для меня, как для исследователя, было примечательно, что сразу с появления на политической сцене Путин сумел одновременно противостоять и национальному нигилизму нашей либеральной интеллигенции, и красному патриотизму КПРФ и газеты „Завтра“.

194

4.1. Антикоммунизм Владимира Путина

То, что я лично ждал от нового руководителя России, я получил в статье еще Путина-премьера, которая была опубликована 30 декабря 1999 года „НГ“ за день до его назначения исполняющим обязанности Президента. Здесь я впервые от лидеров новой России услышал, что мы уходим от коммунизма, что мы занимаемся реставрацией тех ценностей, которые были отброшены большевиками. Мировоззрение, которое присутствовало в статье Путина „Россия на рубеже веков“, было близко сознательному патриотизму в главном, и прежде всего в отрицании большевизма и красного мессианизма. Там не было ни грана российского, тем более советского мессианизма, который обесточил наш почвеннический патриотизм конца 80-х - начала 90-х годов. Это был русский патриотизм, свободный от назойливых поисков „особого русского пути“, от поисков особых, „незаемных“ русских ценностей, особого русского, „нетривиального“ проекта. В основе патриотизма, провозглашенного Путиным, лежали общие для нас с Европой ценности государственности, свободы и благосостояния.

Вообще, на мой взгляд, нельзя решить вопросы трансформации советской системы в демократическое общество, реализовать программу воссоздания нормального, гражданского общества без идеологической, моральной оценки того строя и той идеологии, от которой мы уходим. Если мы нейтральны в идеологическом отношении, то непонятно вообще, во имя чего мы отказывались от марксистско-ленинской идеологии, от государственной организации производства, от всего, что мы строили семьдесят лет.

Понятно, что советский период не был черной дырой истории, что с этим периодом связаны многие достижения российского многонационального народа. Но все же мы являемся единственной из стран бывшего коммунистического лагеря, которая не знает своего исторического родства, исторического преемства, не знает, на что она опирается в

своей истории, кто является ее героями.

195

Глава 4. Победы и поражения сознательного патриотизма

Здесь, в упомянутой статье Владимира Путина, было важно признание того, что советский период все же был отступлением от нормального, естественного пути русской истории, что все же сейчас новую русскую историю мы выстраиваем на основе преемства с ценностями, с традициями дореволюционной, нормальной России. По сути, и даже в деталях, проглядывает исходная „белая“, не столько антикоммунистическая, сколько национальная позиция Путина. Нельзя назвать благом систему, которая нанесла громадный урон и духу и телу многонациональной России. В этом вопросе, повторяю, он близок по духу, по восприятию старой России как утраченной ценности и к Ивану Ильину, и ко всем веховцам. Видно, что Путину жалко старой России, разрушенной большевиками, и в этом он коренным образом отличается от всех шестидесятников, от всех наших „демократов“ и „либералов“, которым, по словам Булата Окуджавы, „не жаль старой, царской России“.

В упомянутой выше статье Путина явно проглядывает решительный разрыв с необольшевистской интерпретацией российской истории (Е.Гайдар, Г.Зюганов), с точкой зрения, что социализм для России был магистральной линией развития. В. Путин пишет: „Почти три четверти уходящего столетия Россия жила под знаком реализации коммунистической доктрины. Было бы ошибкой не видеть, а тем более отрицать несомненные достижения того времени. Но было бы еще большей ошибкой не осознавать той огромной цены, которую заплатили общество, народ в ходе этого социального эксперимента. *Главное же, пожалуй, в том, что власть Советов не сделала страну процветающей*, общество — динамично развивающимся, человека — свободным. Как ни горько признаваться в этом, из почти семи десятилетий мы двигались *по тупиковому маршруту движения*, который проходил в стороне от столбовой дороги цивилизации“. И далее: „Россия исчерпала свой лимит на политические и социально-экономические потрясения, катаклизмы, радикальные преобразования. Только фанатики или глубоко равнодушные, безразличные к России, к народу поли-

196

4.1. Антикоммунизм Владимира Путина

тические силы в состоянии призывать к очередной революции. Под какими бы лозунгами — коммунистическими, национально-патриотическими или радикально-либеральными — ни развернулась бы очередная крутая ломка всего и вся, государство и народ ее не выдержат“ [156].

В этом отрывке представлены все основные смысловые доминанты, которые характерны для либерального консерватизма Владимира Путина и которые, на мой взгляд, адекватны до сих пор, до сегодняшнего дня как ответ идейным угрозам современной России. Обращает на себя внимание то, что Путин говорил о мировоззрении, противостоящем и разновидностям нашего современного большевизма, и разновидностям нашего современного либерализма. Здесь важно было указание на нравственные оценки истории, исходящие из самооценки человеческой жизни, призывающие считаться с человеческой ценой экономической модернизации, с теми страданиями, лишениями, которые заплатили советские люди за достижение коммунистического строя. Мы имели здесь дело с мировоззрением, стоящим не только на позициях здравого смысла, но и на позициях последовательного европейского гуманизма.

Путин в упомянутой статье как западник и одновременно патриот выражал жестко консервативное отношение к национальному государству как духовной ценности. Он рассматривает благо Родины и нации как высшее мерило качества политических решений.

Путин в упомянутой статье показывает, что реализация общечеловеческих либеральных ценностей, как свобода собственности, предполагает сохранение национальных опор, того, что „можно назвать *исконными, традиционными ценностями*

россиян. Сегодня, — пишет Путин, — эти ценности видятся вполне отчетливо. Патриотизм. Это слово подчас используется в ироническом или даже ругательном смысле. Однако для большинства россиян оно сохранило свое первоначальное, полностью позитивное значение. Это чувство гордости за свое Отечество, за его историю и свершения. Это стремление

197

Глава 4. Победы и поражения сознательного патриотизма

сделать свою страну краше, богаче, крепче, счастливее. Когда эти чувства свободны от национальной кичливости и имперских амбиций, в них нет ничего предосудительного, косного. Это источник мужества, стойкости, силы народа. Утратив патриотизм, связанные с ним национальную гордость и достоинство, мы потеряем себя как народ, способный на великие свершения.

Державность. Россия была и будет оставаться великой страной. Это обусловлено неотъемлемыми характеристиками ее геополитического, экономического, культурного существования. Они определяли умонастроения россиян и политику государства на протяжении всей истории России. Не могут не определять и сейчас. Но сегодня эти умонастроения должны наполниться новым содержанием. В современном мире державная мощь страны проявляется не столько в военной силе, сколько в способности быть лидером в создании и применении передовых технологий, обеспечении высокого уровня благосостояния народа, в умении надежно охранять свою безопасность и отстаивать национальные интересы на международной арене.

Государственничество. Россия не скоро станет, если вообще станет, вторым изданием, скажем, США или Англии, где либеральные ценности имеют глубокие исторические традиции. У нас государство, его институты и структуры всегда играли исключительно важную роль в жизни страны, народа. Крепкое государство для россиянина — не аномалия, не нечто такое, с чем следует бороться, а напротив, источник и гарант порядка, инициатор и главная движущая сила любых перемен.

Современное российское общество не отождествляет сильное и эффективное государство с тоталитарным. Мы научились ценить блага демократии, правового государства, личной и политической свободы. Вместе с тем люди обеспокоены явным ослаблением государственной власти. Общество желает восстановления направляющей и регулирующей роли государ-

198

4.1. Антикоммунизм Владимира Путина

ства в той степени, в какой это необходимо, исходя из традиций и нынешнего положения страны.

Социальная солидарность. Это факт, что в России тяготение к коллективным формам жизнедеятельности всегда доминировало над индивидуализмом. Факт и то, что в российском обществе глубоко укоренены патерналистские настроения. Улучшение своего положения большинство россиян привыкло связывать не столько с собственными усилиями, инициативой, предприимчивостью, сколько с помощью и поддержкой со стороны государства и общества. Эта привычка отмирает крайне медленно. Не будем пытаться давать ответ на вопрос, хорошо это или плохо. Важно то, что такие настроения имеют место. Более того, они пока преобладают. И потому не считаться с ними нельзя. Это следует учитывать в первую очередь в социальной политике" [157].

В упомянутой статье, на мой взгляд, была целиком и полностью сформулирована идеология России, становящейся на ноги после распада коммунизма, были сформулированы адекватные ответы на вызовы новой идейной ситуации.

Здесь важно помнить, что на протяжении всех восьми лет своего президентства, от начала до конца, до своей знаменитой речи лета 2007 года по случаю открытия мемориала, посвященного жертвам Бутовского полигона, Путин жестко и однозначно осуждал преступления большевизма и сталинские репрессии. Есть очень много общего

между тем, что говорили о „бесовщине" большевизма веховцы, и тем, что говорил на Бутовском полигоне о преступлениях большевизма Владимир Путин. И в первом, и во втором случае акцент делался на том, что большевизм уничтожил в первую очередь самостоятельных, талантливых людей. „Для нас это особая трагедия, — говорил Путин. — Это случилось, когда привлекательную на первый взгляд, но пустую на поверку идею пытались ставить выше основных ценностей — человеческой жизни, ценности прав и свобод человека... Масштаб трагедии — колоссальный. Это были люди со своим собственным мнением,

199

Глава 4. Победы и поражения сознательного патриотизма

которые не боялись его высказывать. Цвет нации. Мы до сих пор ощущаем эту трагедию на себе".

Правда, среди либеральной оппозиции существует мнение, что участие Путина в открытии мемориала памяти жертвам сталинских репрессий на Бутовском полигоне было вынужденным, как вынужденным было и осуждение сталинских репрессий. *В этой связи не могу не сказать, что Путин как антикоммунист, в отличие от многих наших правозащитников, которые являются, как все шестидесятники, только и исключительно антисталинистами, всегда обращал внимание в целом на ложь и бесовство большевизма.* К примеру, в том же прошлом, 2007 году на традиционной встрече с участниками Валдайского клуба в Сочи Путин вспомнил о словах Ленина, который не раз говорил, что ему на Россию наплевать, что ему важно добиться мировой социалистической революции. В этой связи Путин и сказал, что „Россию втянули в такую (коммунистическую) систему ценностей помимо ее воли, потому что народ России... просто надули, он ожидал совершенно другого. Он ожидал мира — народам, земли — крестьянам. Помните лозунги коммунистов? Не дали никакой земли, да и мира не возникло. Гражданская война началась. Землю отобрали, фабрики рабочим, как обещали, не дали".

Несомненно, Путин все эти прошедшие восемь лет связывал рост российского национального самосознания с осмыслением и осуждением бесовства большевиков. Тут он действовал по рецептам близкого ему по духу Ивана Ильина.

Не всегда национальное самосознание, органическое ощущение единства нации ведет к демократии. Но без национального самосознания, без утверждения нации в современном смысле слова как исходной ценности, невозможно внедрять демократию. Консенсус, примирение нуждаются в каких-то опорах. Только на основе общего, национального интереса, уравнивающего все классы, можно примирить, согласовать несовпадающие запросы различных социальных групп. Во времена „Солидарности" в 1980-1981 годы в Польше Лех Валенса

200

4.1. Антикоммунизм Владимира Путина

все время говорил: „Поляк с поляком всегда договорится". Чудо многовековой польской демократии зиждется на поразительном чувстве национального единства. Вот почему у них, у поляков, патриотизм и свобода — это почти что слова-синонимы. Русские во время Гражданской войны 1917-1920 годов легко расстреливали друг друга, ибо они были и не русские, и не православные, а только или пролетарии, или буржуи.

Но есть и обратная связь между политической системой, реальным положением человека в этой системе и его национальным самосознанием, его отношением к национальному государству и его святыням. Сознательный патриотизм, конечно же, предполагает и гражданское участие в общественной жизни, и существование состоятельного и в экономическом и в духовном отношении человека, который ощущает себя хозяином своей судьбы.

Все это говорило о том, что сегодня для России, которая формируется в новых границах и условиях все же новой для нее демократической власти, необходима идеология, которая бы опиралась сразу на все эти три взаимосвязанные ценности: на

патриотизм, свободу и благосостояние народа. Из старых, дореволюционных идеологий этим трем вызовам современной России как раз и соответствовал либеральный консерватизм Петра Струве и Ивана Ильина. В нем, в этой идеологии спасения России есть все или почти все, что как воздух необходимо нам сегодня: и признание национального, суверенного государства как высшей моральной и духовной ценности; и признание того, что Россия является частью европейской правовой цивилизации; и забота о благе народов России, русского народа. Речь шла о государственничестве, окрашенном национальным сознанием, связью времен, о государственничестве, противостоящем и деспотизму, и насилию революции.

Сегодня мы очень нуждаемся в гуманистическом прочтении своей национальной истории, которое бы нам позволяло связать воедино заботу о процветании государства, о свободе

201

Глава 4. *Победы и поражения сознательного патриотизма*

и достойной жизни каждого человека. На этом единстве и делал акцент Путин в своих, упомянутых выше выступлениях.

Во время, которое сейчас называют „эпохой президентства Путина“, в том, что можно было назвать государственной идеологией (хотя статья 13 нашей Конституции гласит, что „никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной“), доминировали оценки нашей национальной советской истории, которые все же были созвучны тому, что мы называем „моральным“ или „сознательным“ патриотизмом. Здесь обращает на себя внимание не только акцент на природном суверенитете российской государственности, но и акцент на „благах демократии“, на „свободах личности“.

Интересно также, что такие естественные для Путина слова, как „национальные святыни“, „национальные традиции“, „национальные реликвии“, отсутствовали не только в лексиконе Горбачева (что имеет свое объяснение, лидеру коммунистической партии как-то не с руки говорить о „святынях“ самодержавной России), но и в лексиконе Бориса Ельцина, первого Президента некоммунистической России. А Путин, как свидетельствуют все его выступления и послания, живет в целостной российской истории, он пытается действовать не только в связи с интересами ныне живущих поколений, но и с интересами тех, кто жил до нас и кто будет жить после нас. Наверное, ни Горбачеву, ни Ельцину в голову бы не пришло обратить внимание на круглую дату в истории музеев Кремля. А Путин использовал двухсотлетний юбилей со дня создания музеев Кремля, чтобы еще раз „утвердить мысль о неизменной силе и могуществе нашего Отечества“.

Несомненно, за всем, что говорит Путин от себя, не по бумажке, явственно проглядывает не просто развитое национальное самосознание, а еще умение рассматривать свои решения и поступки не только в связи с задачами дня сегодняшнего, но и в связи с деяниями и заслугами предшествующих поколений, в связи с интересами тех, кто будет жить после

202

4.1. *Антикоммунизм Владимира Путина*

нас. Подлинный патриотизм по природе своей является антиподом сознания временщиков. У Путина несомненно есть то, что некоторые исследователи его идеологии называют „док-тринальным видением исторического пути России“. У Путина, как пишет Алексей Чадаев, „государство есть история, и власть в отличие от корпоративного менеджмента несет ответственность не только перед ныне живущими, но и перед теми, кто жил до них и кто будет жить после. Может, ныне живущее население не ходит в церкви, но те, кто строил их 100 лет назад, наверное бы возражали, чтобы на их месте были построены эффективные и прибыльные туалеты. Прямая обязанность власти — соблюсти эти законные интересы“ [158]. В своем послании Федеральному собранию от 2004 года Путин призывал бизнес более тесно привязывать свои интересы к

национальным, учитывать, что они эксплуатируют в своих целях богатства, которые были приобретены Россией в результате ратного труда, усилий всех предшествующих поколений. Несомненно, и это отмечали многие исследователи идеологии Путина, что его имперский патриотизм, его особая приверженность к сильной, суверенной России идет еще от его малой Родины, от духа его родного Санкт-Петербурга. Этот город, который является одновременно и столицей имперской России, городом Петра I, и одновременно жемчужиной Северной Европы, не может не закладывать в душу его граждан имперские настроения, причем имперские настроения в западной, в государственнической ментальности. И по этой причине, наверное, патриотизм Путина близок государственниче-скому, неэтническому патриотизму его земляка Петра Струве. Хотя, на мой взгляд, имперское, питерское, городское происхождение Владимира Путина имеет не только позитивные стороны, но и негативные. Путину, как видно, трудно было найти человеческий контакт с лидерами наших соседей, русских, славянских стран, которые и как Ющенко, и как Лукашенко, и, кстати, как Янукович являются детьми села, со всеми его славянскими особенностями.

203

Глава 4. *Победы и поражения сознательного патриотизма*

Конечно же, Путин, в силу своего происхождения, как дитя города Петра I, не может быть поборником московского, славянофильского изоляционизма, сторонником особого русского пути. Какой особый путь, когда последние триста лет российской истории связаны с Западом, нацелены на Запад.

Путин, несомненно, не является сторонником „соборности“ как коллективного труда. Путин, конечно же, не является, как патриоты от КПРФ, убежденным противником западной цивилизации. Его патриотизм очень органично связан с уважением к западной культуре, неотъемлемой частью которой является его родной город.

Путин не играет в православного человека. Есть все основания говорить, что он, несмотря на свое коммунистическое прошлое, пришел в церковь добровольно, осознанно и с открытой душой. Но в его православности нет того активного антизападничества, которое есть в православности того же Зюганова. Не забывайте, что все нынешние лидеры КПРФ, все еще называющие себя коммунистами, ходят в церковь. Но в их церковности много изоляционизма, много антизападничества. Все говорит о том, что у Путина мы наблюдаем очень органичное сочетание и державничества в питерском, имперском смысле, и западничества как осознания себя частью европейской истории и европейской культуры, и традиционная русская самоидентификация через православие. Поэтому Путин и шел по пути либеральных реформ, сочетая попытки возродить армию и уважение к человеку в погонах с формированием союзнических отношений с Европой.

4.2. И снова „красный проект“?

Я говорю сейчас о воззрениях Путина в прошедшем времени не потому, что он уступил пост Главы государства российского своему преемнику Дмитрию Медведеву, а потому, что его сознательный патриотизм так и не овладел нашей элитой. Хотя из всего, что сделал для утверждения достоинства и сувере-

204

4.2. *И снова «красный проект»?*

нитета России в дни августовского кризиса 2008 года на Кавказе третий Президент России Дмитрий Медведев, следует, что мы продолжаем идти тем же курсом осмысленного и морального государственничества. Пять принципов внешней политики России, сформулированные Дмитрием Медведевым, основаны на европейском гуманизме, на идее самоценности каждой человеческой жизни и исходного морального равенства всех народов.

Но парадокс нынешней ситуации состоит в том, что политики и эксперты, которые на словах поддерживают внешнюю и внутреннюю политику руководства страны, на самом деле пытаются ее опрокинуть, призывая нас снова строить альтернативную Западу,

свою, особую русскую и обязательно „красную" цивилизацию. Нельзя не видеть, что сегодня в России участились попытки отождествить суверенитет и независимость с антизападничеством, с самоизоляцией, с отказом от ценностей европейской цивилизации.

Сегодня, в конце июня 2008 года когда я пишу этот текст, у нас в России, по крайней мере в идеологии, складывается парадоксальная ситуация. Рискну утверждать, что в современной России возрождается идейная ситуация эпохи распада СССР, ситуация отрыва, противопоставляющая либеральные, западные ценности ценностям позднего славянофильства. И в то же время идеология либерального патриотизма, пробивающая себе право на жизнь в выступлениях Путина, несомненно сходит на нет. На наших глазах, и даже в государственных СМИ, происходит переоценка либеральных реформ 90-х годов, не случайно Анатолий Чубайс все чаще и чаще появляется на ТВ рядом с Медведевым или с Путиным. Но с другой стороны, на наших глазах становятся все более и более популярными казалось бы давно забытые слова об особой русской, нетривиальной цивилизации. Значительная часть бывшей „пропутинской" интеллигенции как-то быстро, неожиданно и вся разом перешла с либеральных позиций на позиции антизападного, антропологического патриотизма.

205

Глава 4. *Победы и поражения сознательного патриотизма*

Нельзя считать, что в годы президентства Путина не давала о себе знать идея особой русской, мессианской цивилизации. До сих пор сохраняется мода на ныне покойного Александра Зиновьева, который искренне был убежден, что Россия Сталина была воплощением русской идеи и русского характера. Не оставил все эти годы Геннадий Зюганов свои попытки соединить идеологию большевизма с учением Николая Данилевского и Константина Леонтьева об особой, антизападной, антибуржуазной русской цивилизации. На IX Всемирном русском народном Соборе 2005 года, посвященном 60-летию победы СССР над фашистской Германией, Геннадий Зюганов заявил, что только тогда, когда идея особой русской цивилизации была воплощена в советскую, коммунистическую систему, наша страна сумела одерживать такие великие победы, как победа 9 мая 1945 года.

И, соответственно, в нашем общественном сознании вместе с укреплением веры в особую русскую цивилизацию и вместе с увеличением количества попыток реабилитировать Сталина как выдающегося русского патриота и государственника росло количество попыток очернить Горбачева и его либеральные реформы. И что важно: *чем больше у нас в последние годы росло сторонников особой русской цивилизации, особого русского „проектного" сознания, сторонников русской исключительности и русского мессианизма, тем активнее приходила нигилизация морального подхода к российской истории и к лидерам нашего государства российского.*

Нельзя не обратить внимание, что и новые русские консерваторы, заявившие о себе в последние годы, искали свое вдохновение не во все же близком нам либеральном консерватизме Петра Струве и Ивана Ильина, а в далеком от нас консерватизме Николая Данилевского. „Русская доктрина", представленная на суд общественности впервые в 2005 году и изданная в начале этого, 2008 года идеологами которой были основатели так называемого „динамического" консерватизма Е. С. Холмогоров и В. В. Аверьянов, зиждется на славя-

206

4.2. *И снова «красный проект»?*

нофильском учении об особой богобоязненной, аскетической природе русского человека. В этой работе в прямой форме воспроизводилась идея одного из упомянутых выше основателей красного почвенничества конца 60-х годов Михаила Лобанова, что наша русская духовность несовместима с идеалами комфортной, сытой жизни. В „Русской доктрине" утверждалось, что наша особая „русская цивилизация" предполагает особо аскетического человека, „способного на самоограничение и определенные разумные

жертвы". И, соответственно, в этой работе утверждалось, что СССР развалился не от нашей скудости, а от неприличного в своей глупости культа „сытости", культа „модных вещей", культа „подражания" этикеткам и символам массовой культуры, от прочих обывательских „идеалов". От них же сегодня, как настаивали авторы этой работы, разваливается и новая Россия [159].

Но до нынешнего года все это были лишь тенденции реставрации антизападного российского патриотизма. Повторяю, то, что происходит в последние месяцы вокруг идеи особой русской, антизападной цивилизации можно уже назвать идейной революцией, более точно — контрреволюцией, реставрацией идей и ценностей „красного", „антибуржуазного" проекта. Геннадий Зюганов как идеолог может праздновать победу. Его попытка соединить марксистский мессианизм с традициями русского славянофильского мессианизма получает признание в широких кругах нынешнего так называемого „экспертного сообщества". Характерный для работ Александра Проханова и Геннадия Зюганова метод вытеснения нравственности из политики, вытеснения нравственной оценки при изучении отечественной истории становится общим местом в высказываниях многих бывших либералов.

Вот такая история. Я понимаю, что на самом деле перейти с позиции нашего российского либерализма на позиции консервативного, крепостнического славянофильства не составляет труда. Все дело в том, что и наш новый либерализм, и красный патриотизм в лице Александра Проханова и Геннадия Зюганова

207

Глава 4. *Победы и поражения сознательного патриотизма*

исходил из одних и тех же славянофильских представлений о русском архетипе, о русском человеке, который живет прежде всего душой и сердцем, а потом уж умом и волей, которому якобы от природы чужд рационализм, который якобы от природы равнодушен к благам этой суетной жизни.

На самом деле и национал-нигилисты от либерализма, и национал-шовинисты от левых, сторонники особого „русского", „красного проекта", и раньше эксплуатировали один и тот же миф об особом, уникальном русском архетипе, об особой русской душе, во всем противоположной душе европейца. Первые либералы выводили из этого архетипа тысячелетнее русское рабство. А вторые, напротив, русский мессианизм, „тысячелетие великой России".

Но непонятно, что заставило или заставляет бывших либералов становиться на позиции своих бывших идейных противников и перехватывать у них русский мессианизм, превращаться из бывших западников в разоблачителей якобы „разлагающейся" и „распадающейся" западной цивилизации.

Трудно объяснить мотивы выступления Виталия Третьякова с этими антизападными идеями на секции „Что есть Россия? Разговор на неэкономическом языке" на июньском II Санкт-Петербургском экономическом Форуме. Виталий Третьяков в своем выступлении поддержал услышанное из уст Игоря Шувалова „желание отказаться, наконец, от логики и алгоритма 'догоняющего развития'". Следовательно, — рассуждал Виталий Третьяков, — скоро Россия поставит перед собой собственные, а не заемные цели и ориентиры". Никому не удастся, заявил здесь Виталий Третьяков, привить русским и западные или книжное понимание „свободы" и „свобод". Не станет Россия, заявил Виталий Третьяков, и страной среднего класса. Для нас „средний класс" — это бюргеры, обыватели, мещане. А это — не „русский идеал". Короче, с точки зрения Виталия Третьякова, нужен новый глобальный проект „Россия".

Я не знаю, не имел возможности выяснить у Виталия Третьякова, какое содержание он вкладывает в понятие „рус-

208

4.2. *И снова «красный проект»?*

ский проект", основанный на собственных, „незаемных" целях. Но надо знать и понимать, что сегодня антизападным проектом для России может быть только тот же старый „красный проект". Западной ценности свободы может противостоять только ценность государственного крепостничества. Западным, христианским представлениям о морали может противостоять только марксистская, классовая мораль, когда нравственно все, что служит победе русского проекта. Западному буржуазному праву и буржуазной законности может противостоять только так называемая „революционная законность", истине может противостоять только так называемая „партийная истина" и т. д.

В современных условиях западному проекту может противостоять только красный проект, идея железного занавеса с последующей варваризацией общества и общественной жизни. Выход за рамки западной цивилизации означает не только отказ от христианской морали, но и отказ от всех культурных достижений и ценностей Нового времени, эпохи Просвещения и т. д.

Впрочем, на эту тему возможных последствий выхода из западного проекта не надо гадать. Надо отдать должное мужеству авторов недавно увидевшей свет книги „Крепость 'Россия'", изданной под редакцией Михаила Леонтьева и Александра Невзорова, которые подробно объясняют всем нынешним энтузиастам особого русского пути, что на самом деле означает призыв „не становиться в зад западной цивилизации" и идти своим, нетривиальным русским путем. Обращаю внимание: эта книга, подготовленная к печати респектабельным клубом „У Никитских ворот", пропагандирующая идеи особого русского проекта, тоже увидела свет после марта 2008 года.

Итак, Михаил Хазин в своей статье „Возвращение 'красного' проекта", опубликованной в этой книге, убедительно показывает, что если мы сегодня согласны с тем, что „Россия на протяжении тысячелетия была исключительной проектной страной и просто не может существовать без этого" и что

209

Глава 4. *Победы и поражения сознательного патриотизма*

„вменить нашим народам ценности западного проекта, прямо скажем, не удалось", то тогда надо признать, что пора возвращаться к „красному проекту". В истории Европы, как показывает Михаил Хазин, западному проекту противостоял только „красный", социалистический проект. Надо возвращаться назад, к социализму, полагает Михаил Хазин, ибо „если посмотреть на ситуацию в России, то она от европейской отличается только одним: куда более развитыми принципами и механизмами 'красного проекта'" [160].

А другой автор этой книги, уже Михаил Юрьев, подробно и честно описывает, что означает в современных условиях вернуться к альтернативному современной западной цивилизации проекту. Сначала, если вы возвращаетесь к русскому, красному проекту, то вы должны отказаться от прежнего, характерного для последних двадцати лет критического отношения к отечественной и прежде всего советской истории. „Изучая периоды, в которые наша держава добивалась величия особо кровавым путем, не надо ни стыдиться этого и охаивать собственную нацию". По поводу же „пролитой крови других народов комплексовать не надо вовсе, как не комплексует никто по поводу нашей крови" [161].

И здесь снова нельзя не вспомнить о советах Константина Леонтьева остерегаться Запада и возвращаться к идеологии византийских базилесов. Михаил Юрьев призывает Россию сказать миру: „Мы — другие и потому мы осенены мессианской идеей". А раз мы другие, то мы должны стать другими и в образовании, и в науке, должны перейти в ситуацию изоляционизма от Запада. „Очевидным является ряд изменений, — настаивает Михаил Юрьев, — которые при переходе к изоляционизму надо внести в общеобразовательные программы — в первую очередь это касается полного сворачивания изучения иностранных (читай — западных) языков" [162].

Таким образом, логика духовного развития посткоммунистической России идет в

направлении, прямо противоположном тому, которое виделось в умах идеологов сознательно-

210

4.2. И снова «красный проект»?

го, духовного патриотизма. Вместо морального преодоления преступлений большевизма, вместо осознания той глубины духовного падения, в которой оказалась Россия в эпоху социалистического строительства, сегодня значительная часть элиты полагает, что пора видеть во всем этом только величие и не смущаться тем, что все было достигнуто „особо кровавым путем“.

Правда состоит в том, что в современной России, в стране проигравшего коммунизма, спустя двадцать лет после начала контрреволюции Михаила Горбачева, красная идея столь же популярна, как и сто лет назад, накануне прихода к власти большевиков. Декоммунизация в оценке советской истории у нас не произошла. Она, эта декоммунизация, появившись в конце 80-х годов, сейчас просто захлебнулась. Геннадий Андреевич со своей КПРФ и со своей идеей смешанной экономики выглядит просто ренегатом от марксизма на фоне яростных красных — и Сергея Кургиняна, и Михаила Хазина. И тут начинаешь сомневаться в том, что уже почти полвека, со студенческих лет считал абсолютной истиной, полагая, что марксистскую утопию тотального обобществления средств производства и общественной жизни невозможно провести в жизнь без тотального насилия.

Может быть, и Сергей Кургинян, и Михаил Хазин, и примкнувший к ним Виталий Третьяков знают, как воплотить в жизнь не по-ленински, не по-сталински „красный проект“, знают, как и свободу совести сохранить, и привить всем членам общества „научное“, „единственно верное“ марксистское мировоззрение, знают, как провести новую экспроприацию средств производства, экспроприацию полей и фабрик и оставить всех экспроприированных в состоянии счастья и душевного спокойствия, избежать новой гражданской войны, знают, как вернуться к заветам классовой морали, ведь „красный проект“ — на то и красный, что он несет в себе „истину“ классовой, пролетарской морали, и одновременно сохранить в обществе христианское благочестие морального равенства людей, когда каждый воспринимает другого, как равного себе?

211

Глава Л. Победы и поражения сознательного патриотизма

Конечно, радуется, что все же у моих политических и идейных противников, у тех, кто ратует за реставрацию „красного проекта“, не все в порядке с головой и душой, что поэтому вряд ли новая, молодая Россия пойдет за теми, кто делает сегодня ставку на изоляционизм, кто предлагает нам вычеркнуть из нашей бытовой, экономической и политической жизни все, что связано якобы с „грязным“ и „гнилым“ Западом.

Но все же настораживает и требует к себе пристального внимания тот факт, что сегодня те, кто, как и я, пытается судить о „красном проекте“ и о результатах и последствиях его воплощения с моральной точки зрения, кто полагал и полагает, что аморально и преступно относиться к народу как к кролику, которого можно жертвовать во имя социальной науки, остаются в меньшинстве. Сегодня значительная часть интеллигенции (об этом свидетельствуют не только тексты многочисленных русских проектов и доктрин, но и недавняя, лета 2007 года дискуссия по поводу преподавания обществоведения в школе) полагает, что на самом деле мораль и моральная оценка не применимы к отечественной истории, что, как предлагает тот же Михаил Юрьев, надо гордиться даже тем „величием“, которое было достигнуто „особо кровавым путем“.

Качественная особенность нынешней идеологической ситуации в России состоит в том, что мы — те, кто судит о ле-нинско-сталинской эпохе как эпохе кровавого эксперимента, кто видит в том, что произошло в 1917 году и в последующие годы, катастрофу национального самоистребления, кто утверждает, что русские проиграли свой XX век, кто судит и о ленинизме, и о сталинизме, и о советской политической системе в

целом с моральной, христианской точки зрения, — остаемся в меньшинстве среди экспертного сообщества, среди нового, так называемого „политического класса“.

В советское время, даже в 60-е - 70-е годы, мало кто опускался до откровенной защиты и классового подхода к морали, защиты и „красного террора“, и „коллективизации“. Сейчас, к примеру, пруд пруди защитников сталинской коллективиза-

212

4.2. И снова «красный проект»?

ции. Накануне распада СССР и в начале 90-х годов соотношение сил между противниками и сторонниками „красного проекта“ носило прямо противоположный характер. И сам по себе этот факт свидетельствует о существенных переменах в сознании людей, в моральном климате общества. Тогда, 15-20 лет назад, такие сторонники „красного проекта“, как Нина Андреева, автор письма „Не могу поступиться принципами“ в редакцию „Советской России“, воспринимались в интеллигентной среде как маргиналы, вся их апологетика Сталина и сталинских побед воспринималась в научной и журналистской среде как проявление их, сталинистов, духовной, моральной неразвитости. Тогда мы, вслед за ставшим в начале 90-х годов модным Николаем Бердяевым, утверждали, что коммунистическая идея сама себя изжила, что она не может уже иметь никакого ореола. Сегодня позиция Нины Андреевой, согласно которой все великое, что было достигнуто в советской истории, связано с именем Сталина, становится доминирующим мотивом прочтения национальной истории.

Самое поразительное, что тогда, в начале 90-х годов, даже многие шестидесятники, так и не сумевшие к моменту распада СССР порвать со своей старой верой в „идеалы социализма“, были очень близки к белогвардейской оценке большевистского эксперимента как национальной катастрофы. Тогда, в конце 80-х годов, советская гуманитарная интеллигенция по-разному трактовала причины и истоки так называемой большевистской „мясорубки“, одни ее связывали с марксистским учением о „революционном терроре“, другие — с русским „крестьянским мы“, но двадцать лет назад мало кто мог сказать, что не надо стыдиться „мясорубки“, которая якобы дала России державное величие. Тогда все же для многих само собой подразумевалось, что мы, русские, пережили катастрофу и из этой красной, ленинско-сталинской ямы надо как-то выбираться. Тогда большинство советской гуманитарной интеллигенции было согласно с тем, что „господство коммунизма“ было „самым ужасным“ из того, что когда-либо переживали не только

213

Глава 4. Победы и поражения сознательного патриотизма

европейские народы нового времени, но и человечество в целом. В сравнении с „господством коммунизма“, — добавлял автор этого тезиса, философ Семен Франк, — любой другой государственный и общественный порядок вплоть до пресловутого азиатского деспотизма кажется гуманным и либеральным установлением“ [163]. Якобы модный ныне в России русский мыслитель в изгнании Иван Ильин до конца своей жизни, как я говорил выше, был убежден, что русская революция есть величайшая катастрофа — не только в истории России, но и в истории всего человечества. По крайней мере советская интеллигенция конца 80-х годов была согласна с тем, что сталинизм был ужасен тем, что он безраздельно подчинял личность жизни государства. Не могу не вспомнить, что советская интеллигенция в массе испытывала моральное отвращение к „красному террору“ 20-х годов и к сталинским репрессиям, что начатое Горбачевым так называемое „окончательное преодоление сталинизма“ связывалось с возрождением общечеловеческой, христианской морали, с пониманием того, что каждая человеческая жизнь самоценна, что нет такой цели, во имя которой нужно обрекать на смерть сотни тысяч, миллионы людей, нет такой цели, во имя которой можно превращать в подопытных кроликов свой многомиллионный народ.

Интересно, что во времена перестройки было модно цитировать ответ „Нет“ героя

Достоевского Алеши Карамазова на вопрос: „Представь, что это ты сам возводишь здание судьбы человеческой с целью в финале осчастливить людей, дать им, наконец, мир и покой, но для этого необходимо и неминуемо предстояло бы замучить всего лишь одно только крохотное созданище, вот того самого ребеночка... и на неотомщенных слезках его основать это здание". Сейчас же, спустя 20 лет после перестройки, модно совсем другое воззрение, почти ленинское, модно убеждение, что нравственно все, даже гибель миллионов людей, если она привела к укреплению державной мощи России Вот такие сегодня времена.

214

4.2. И снова «красный проект»?

И спешу зафиксировать выводы моего предшествующего анализа. *Перестройка была оплодотворена ценностями христианской, европейской цивилизации, была связана с убеждением, что все же хотя бы в идеале можно подчинить политику морали, что моральная оценка истории не только возможна, но и необходима. Во времена перестройки мало кто ставил под сомнение и европейскую систему ценностей в целом, и европейскую суть российской культуры.*

Нынешняя идеологическая ситуация отличается тем, что она пытается вывести и политику, и изучение общественной истории за скобки европейской христианской морали. Все нынешние „русские" проекты на самом деле являются „красными", ибо они строятся на отрицании европейских ценностей, ставящих во главу угла счастье и свободу каждой человеческой личности, ибо лежащая в их основе идея российского мессианизма выводит за рамки морали и политику, и быт, и жизнь людей.

Несомненно, моральное и духовное преодоление коммунизма и остатков сталинизма несло в себе и много негативных черт, на волне преодоления коммунизма расцвела смердяковщина, расцвел национальный нигилизм. Так что у авторов „красного" (читай — „русского") проекта есть достаточно оснований критиковать пораженчество и пораженческие настроения конца 80-х - начала 90-х годов. Но тем не менее нас, перестроечную интеллигенцию, оправдывает то, что и вся наша русская общественная мысль в лице ее выдающихся представителей, выросшая из осмысления „большевистской катастрофы", тоже исходила из ценностей европейской, христианской цивилизации, исходила из того, что человеческая жизнь самоценна.

Сегодня так называемому „сознательному патриотизму" русских философов Серебряного века некоторые представители нашей российской интеллигенции противопоставляют своеобразный национал-патриотизм, убеждение в изначальном духовном превосходстве русского народа над всеми другими

215

Глава 4. Победы и поражения сознательного патриотизма

европейскими народами. Вместо того чтобы свободу от коммунизма использовать для его духовного изживания, для осмысления причин, последствий смертоубийства эпохи социалистического строительства, чтобы проникнуться состраданием к миллионам невинно убиенных, погибших в тюрьмах, пересыльных пунктах соотечественников, чтобы понять, как много мук и страданий претерпел наш народ — „первопроходец социализма", вместо того чтобы выработать в себе отвращение ко всем этим кровавым, мессианистическим идеалам, вместо того чтобы взывать к совести нации, они, новые власти дум, начали наущать национальную гордыню, начали убеждать людей, что в кровавости и нашей революции, и нашего социалистического строительства и состоит наше национальное величие.

Они начали смотреть на все произошедшее с нами во времена социалистического эксперимента другими, нехристианскими и неевропейскими глазами, они начали находить достоинство и привлекательность в том, от чего ужаснулась и содрогнулась российская интеллигенция в изгнании.

Не могу не вернуться снова к высказыванию одного из главных авторов книги „Крепость Россия“, который утверждает, что „не надо стыдиться“ того, что „наша (советская) держава добивалась особо кровавым путем“. Самое главное, что она все же чего-то добилась. Пугаться надо не того, что „красный проект“ забрал так много жизней, что он опозорил российскую нацию изощренными методами пыток и убийства людей, рассуждает Михаил Хазин, а того, что мы с ним расстались, его „разрушили“. Пугаться надо того, что мы остались без особого своего „красного проекта“.

Качественная особенность новой, нынешней идеологической ситуации состоит в том, что в ней на самом деле нет ничего нового. Просто те взгляды, оценки Октября, Сталина, Ленина и методов социалистического строительства, о которых я писал выше и которые в конце 80-х годов воспринимались как признак маргинальности, признак реакционности,

216

4.2. И снова «красный проект»?

духовной неразвитости, сегодня стали признаком респектабельности, принадлежности к „смыслокрапии“, к *main stream* нашей новой России. Не повезло Нине Андреевой. Ее идеи, ее трактовка и советской истории, и роли Сталина в российской истории стали популярны в новой России тогда, когда о ней забыли. А вот Александру Проханову и Сергею Кургияну повезло. Они дождались своего часа, они дождались того времени, как их странный патриотизм, утверждающий, что русские от природы не могут строить свою жизнь и государство без надрыва, без „мясорубки“, без „великой идеи“, без тотальной жертвенности, что мы для того, чтобы совершить культурную революцию, обязательно должны были изничтожить „образованную Россию“, или, чтобы построить заводы, должны были обязательно отправить в мир иной миллионы крестьян, становится модным в новой России.

Не могу не отметить, что все та же Нина Андреева все же тоньше, аккуратнее подходит к оценке Сталина и его эпохе, чем нынешние „смыслокрапы“, требующие в принципе отказаться от моральной критики своей национальной истории. Нина Андреева боялась, что вместе со Сталиным мы выкинем на помойку истории „беспримерный подвиг целого поколения советских людей“. Сегодня наставники нашей молодежи, которым поручено писать учебники для высшей и средней школы, решают все вопросы проще, они вообще предлагают запретить критику своей национальной истории. С их точки зрения, отношение к своей истории, в особенности как к предмету изучения в школе, в принципе не должно быть критическим, что бы в ней ни было. И точка. Уважаемый мной Виталий Товиевич Третьяков в полемике со мной во время передачи Владимира Познера „Времена“ настаивал на полном исключении из школьных учебников по отечественной истории всех негативных фактов и деяний. Мол, патриотизм можно воспитать только на изучении побед и достижений национального духа.

217

Глава 4. Победы и поражения сознательного патриотизма

Не могу не заметить и то, что все же классики „красного проекта“ были больше европейцы, чем их нынешние последователи. И Маркс, и большевики выводили из-под суда истории „революционный терроризм“, но активно использовали христианскую мораль при критике уродств капитализма. И советская власть не имела ничего против морали, когда она использовалась для разоблачения уродств и зверств российского крепостного права. Даже Геннадий Андреевич, у которого бывшие либералы начала 90-х годов украли идею особого русского пути, идею русского антизападного проекта, не был против европейской, христианской оценки своей национальной истории. Он, лидер КПрФ, забывает о христианских, европейских ценностях, о стыде и совести, о самоценности каждой божьей твари только тогда, когда он славит и Октябрь, и Ленина, и успехи социалистического строительства, но он, Зюганов, превращается в яростного европейца, когда начинает судить реформаторов начала 90-х годов. Здесь он вспоминает о каждой

душе, загубленной наркотиками, о душах убиенных младенцев во время аборт и т.д.

Те же, кто перехватил сегодня у Геннадия Андреевича идею особой русской цивилизации, кто убежден, что без „красного проекта“ мы не выживем, вообще отрицают мораль, отрицают христианские ценности в принципе.

4.3. Еще раз о причинах

нашей российской левизны

Я понимаю, что существовали и существуют объективные препятствия для преодоления в наших душах остатков коммунизма, для серьезной работы по оздоровлению, перерождению нашего национального духа качественное величие новой России идеологии сознательного патриотизма. По природе своей сознательный патриотизм, требующий громадных духовных затрат, имеет меньше шансов на распространение, чем антропологический патриотизм, говорящий, что ты велик

218

4.3. Еще раз о причинах нашей российской левизны

хотя бы тем, что ты русский. Я понимаю, что на самом деле было трудно выполнить моральные заветы русских мыслителей в изгнании, было трудно осознать всю глубину морального падения миллионов людей, включенных большевиками в процесс национального самоистребления. Мне самому страшно признаться, что во многих отношениях, по своей античеловеческой сущности наш российский большевизм не просто близок к национал-социализму, а превосходит его. Преступления национал-социализма и прежде всего его самое страшное преступление, так называемое „окончательное решение еврейского вопроса“, имеют какие-то аналогии в человеческой истории. Были случаи, когда народ-завоеватель пытался уничтожить до последнего младенца покоренный народ. Но никогда в истории не было такой дикости и варварства, не было случая, чтобы собственная национальная власть относилась к своему народу, как к стаду коров, и по своему усмотрению, по своей прихоти его методически уничтожало. Победа большевизма, как писал в свое время автор „Солнца мертвых“ Иван Шмелев, означала превращение „огромного полуторас-тамилионного народа в положение скота на бойне“. Национал-социалисты повинны в геноциде еврейского, цыганского народа, они намеревались после победы заняться геноцидом славян как „неполноценных арийцев“. Большевики — и это невозможно оспорить — занимались же самогеноцидом, уничтожением наиболее сильной, одаренной и образованной части своего народа. Разве планомерное уничтожение казачества, объявленное Свердловым с согласия Ленина, не было геноцидом в его классическом определении? Разве вывоз фуражного и продовольственного зерна за границу в начале 30-х годов, во времена неурожая, вывоз продовольственного зерна за границу, приведший к гибели десятка миллионов крестьян в Поволжье, на Украине, в российском Черноземье, не является актом геноцида? Разве повсеместное перевыполнение планов по отстрелу „врагов народа“ в конце 30-х годов не явля-

219

Глава 4. Победы и поражения сознательного патриотизма

ется геноцидом, на этот раз геноцидом „красного офицерства“ и победителей в Гражданской войне?

Наши новые советские патриоты, в том числе и патриоты нашей Думы, говорят, что „голодомора“ как геноцида в точном смысле этого слова не было, что был всеобщий советский голод, вызванный задачами ускоренной индустриализации. Все верно, в начале 30-х годов от искусственного голода умирали не только миллионы украинцев, но и миллионы русских, казаков и т. д. Но все равно вы никуда не уйдете от того, что убивать во имя идеи миллионы людей преступно, что советская власть по природе своей была бесчеловечна. Многие одесситы, наши дедушки и бабушки, сами видели, как в начале 1932 года войска НКВД в районе Дальних мельниц в упор расстреливали голодных крестьян, рвущихся в сытую Одессу.

Самая страшная правда состоит в том, что многие механизмы и приемы борьбы с политическими противниками придуманы большевиками. Большевикам не хватало только инженерной выдумки, чтобы додуматься до газовых камер. Они, большевики, и во времена Ленина и Сталина прибегали к примитивной машине смерти, когда обреченные на смерть сами роют себе могилы. Хотя есть основание говорить о том, что по количеству убитых в день на одном, отдельном полигоне смерти большевики — и ленинцы, и сталинцы — переплюнули нацистов. По крайней мере, у большевиков никто не может отнять пальму первенства в организации поимки и отстрела так называемых „заложников". За убийство большевика Войкова было поймано на улицах Москвы двадцать прилично одетых людей, смахивающих на „бывших", и здесь же, ни за что, без суда и следствия расстрелянных. Немцы применяли эти же методы отстрела заложников за акции партизан, правда, на оккупированных территориях, в Польше, в Белоруссии. Во время недавнего посещения бывшим президентом России Владимиром Путиным так называемого Бутовского полигона НКВД ему рассказывали, что только за один февральский день 1938 года здесь было расстреляно 502 человека.

220

4.3. Еще раз о причинах нашей российской левизны

За попытками лидеров „Демократической России" начала 90-х годов, в том числе и Галины Старовойтовой, добиться для бывших работников НКВД нашего, отечественного „ню-ренбергского процесса" стояло непонимание уникальной, неповторимой природы большевизма. Большевизм победил благодаря поддержке народа российского, который сам себя загнал на бойню большевизма, и осуществил этот планомерный отстрел народа его же руками. Хорошо. Вы найдете себе стариков, которые выполнили приказ своих начальников и расправились со своими жертвами. Но разве меньшую ответственность за преступления Сталина несут многотысячные партийные массы, которые активно поддерживали идею усиления классовой борьбы по мере успехов социализма? Или же тысячи людей, которые рукоплескали страстным обвинительным речам прокурора смерти, речам Вышинского?

Я лично был всегда, даже когда мое мнение как разоблачителя идейных истоков „революционного терроризма" имело какой-то вес, и против суда над КПСС, и против люстрации, и тем более против нелепой затеи привлечь последнего Генерального секретаря КПСС Михаила Горбачева к ответственности за преступления большевизма. Тем более что на роль главного судьи на этом процессе претендовал бывший секретарь ЦК КПСС, секретарь МГК КПСС Борис Ельцин.

Но я надеялся, что у нас хватит и души, и ума, чтобы официально осудить преступления большевизма (тем более когда они были одновременно и преступлениями против человечности), чтобы назвать имена всех тех, кто стал жертвой большевистского террора, чтобы в местах большевистских зверств построить часовни, вывесить мемориальные плиты с именами жертв красного, большевистского террора, просто сделать так, чтобы новые поколения россиян не забывали о преступлениях большевистской эпохи, чтобы каждый понимал, что преступление всегда есть преступление, что жертвы этих преступлений не лишены нашего сочувствия и сострадания.

221

Глава 4. Победы и поражения сознательного патриотизма

Но не могу не видеть, что духовное, идейное развитие России в последние годы идет в прямо противоположном направлении. Мы легко и быстро преодолели коммунизм в экономике, раздали все национальное достояние в руки нескольких десятков олигархов. Но в идеологии, в морали мы не только ничего не делаем для преодоления классовой морали, для преодоления ленинского „нравственно все, что служит победе коммунизма", но, напротив, восстанавливаем, реабилитируем ленинизм. Мы возвращаемся сегодня к текстам и истинам учебников по истории КПСС. Обратите внимание. В ответ на

украинское националистическое прочтение истории и истоков голодомора 30-х годов годов наша Дума решила ответить посланием, написанным языком марксизма-ленинизма. Якобы не было сознательного убийства людей искусственным голодом, а было лишь „уничтожение мелких собственников“, вызванное задачей создания армии рабочих для ускоренной индустриализации страны.

Но тот, кто умеет видеть, должен признать, что современная Россия стремится просто вычеркнуть из своей истории все катастрофы и преступления, все, что связано с „великой кровью“. И делается это путем посадки на том месте души, где должны произрастать совесть, сострадание, в конце концов — стыд за преступления наших дедов и прадедов, прямо противоположных чувств — чувства национальной гордыни, чувства национальной особенности, исключительности. И тут снова не могу не вспомнить текст письма Нины Андреевой, ее утверждение, что для людей, которые живут в „эпоху бури и натиска“, все эти чувства — и жалость, и сострадание — оказываются на задворках души. Но и тут Нина Андреева выглядит куда больше европейцем и гуманистом, чем нынешние поборники „красного проекта“, навязывающие нам идею особенности и исключительности и русской истории, и русской души. По крайней мере, в этом письме нет оправдания крови — ни своей, ни чужой. Нина Андреева, как она пишет, вместе со всеми советскими людьми „разделяет гнев и негодование

222

4.3. *Еще раз о причинах нашей российской левизны*

по поводу массовых репрессий, имевших место в 30-40-х годах по вине тогдашнего партийно-государственного руководства" [164]. Как коммунистка, Нина Андреева, естественно, не проводит различий между своей кровью, пролитой Сталиным, и чужой кровью.

В текстах книги „Крепость 'Россия'", мы находим нечто такое, чего никогда не было ни в марксизме, ни в большевизме, тем более в традициях русской общественной мысли, тем более в классической российской литературе. Большевикам не было жалко и крови „эксплуататорских классов“, и крови, пролитой во имя идеалов коммунизма. Но они никогда не проводили различий между кровью российской и нероссийской. А тут Михаил Юрьев говорит, что, конечно, о нашей крови, пролитой в эпоху великих свершений, можно сожалеть, тут нет оснований „радостно восклицать“, но „по поводу пролитой крови других народов комплексовать не надо вовсе" [165].

Кстати, тексты нынешних адептов „Крепости 'Россия'" и „Русской доктрины" подтверждают мой тезис, что чем больше идея особой русской миссии овладевает автором, тем глубже и серьезнее его разрыв с моралью и человечностью.

По-видимому, с одной стороны, нынешний моральный кризис эпохи первоначального накопления расчистил почву для произрастания национал-мессианизма, для отрицания морали в политике. Но с другой стороны, активно внедряемая в сознание масс идея особой русской души и особого русского пути подрывает остатки морального чувства, и прежде всего стыда и совести.

Новое в моральном нигилизме нынешних „смыслокра-тов“, адептов „красного проекта" по сравнению с традиционной классовой моралью Нины Андреевой состоит в том, что они всю российскую историю рассматривают как эпоху „бури и натиска“. В результате получается (речь идет об авторах книги „Крепость 'Россия'"), что мы, русские, призваны историей все время находиться в состоянии политического экстаза и тотальной мобилизации, что все нормальные человеческие

223

Глава 4. *Победы и поражения сознательного патриотизма*

потребности, радости быта, достатка, устроенной жизни якобы нам чужды. Искал слова для выражения последней мысли и еще раз вспомнил, что все это уже было, что в самом начале перестройки Александр Проханов писал, что мы рождены для бури и натиска, что мы можем работать эффективно только в состоянии мобилизации, когда

перед нами великая историческая цель.

Нынешний идейный кризис, и прежде всего моральный кризис нынешней властвующей интеллектуальной элиты, состоит в том, что она вместо старого „у нас, советских, собственная гордость" начала говорить „у нас, у русских, собственная гордость, у нас особая русская мера вещей и успехов".

4.4. Править, как Сталин, а жить — как Рома Абрамович!

И здесь встает вопрос, на который я, честно говоря, не могу найти ответа. Зачем сейчас, спустя без малого двадцать лет после краха последнего и, к счастью, пока что единственного „русского проекта", наша нынешняя, во всем благополучная элита, не имеющая ничего общего ни с красным аскетизмом, ни с красным братством трудящихся масс (кстати, по всем признакам буржуазная элита, живущая бизнесом, привыкшая к буржуазному престижному потреблению), вдруг стала поборником красного славянофильства и учит нас, что в нашей бедности, и в нашем ветхом жилье, и в наших плохих дорогах есть и будет „настоящая жизнь". Почему вдруг люди, еще в начале 90-х годов так отчаянно боровшиеся с „реакционностью" красного Верховного Совета РСФСР, призывавшие давить „красную гадину", вдруг неожиданно стали поборниками и русского проектного мышления, и идеи изначально красной, изначально антиевропейской цивилизации. Никогда не забуду, как один из авторов „Проекта Россия" вечером 1 мая 1993 года в Останкино, накануне записи „Итогов" Евгения Киселева, возмущался нерешительностью мэра Москвы Юрия

224

4.4. Править, как Сталин, а жить — как Рома Абрамович!

Лужкова, у которого „не хватало духа" силой разогнать „колонну красных", которая двигалась со стороны Ленинского проспекта к Кремлю. И тут возникает серьезный, очень серьезный вопрос. Почему идея особой русской мобилизационной, антибуржуазной, антиевропейской цивилизации, отвергнутая интеллектуальной элитой во время перестройки, стала доминирующей идеологией сейчас, спустя двадцать лет?

Мне могут сказать, что об этом уже многие говорят в рядах все еще сохраняющейся либеральной оппозиции, что сдвиг нашего патриотизма и государственничества в сторону традиционализма и реакционного славянофильства, что все нынешние разговоры об особых русских „незаемных" ценностях был спровоцирован идеологией так называемой „суверенной демократии".

Но, на мой взгляд, на взгляд человека, занимающегося идеологией профессионально, в текстах о суверенной демократии не было ничего, что бы выходило за рамки воззрений самого президента. Мне уже довелось писать на эту тему, а поэтому повторяю: ошибка авторов, создавших тексты о суверенной демократии, состоит в том, что они нигде не указывали на истоки, предшественников своего мировоззрения, не указывали на государственничество, либеральный патриотизм Петра Струве. Как я уже показал выше, в главе о чертах и особенностях сознательного патриотизма, Струве говорил о том же, о чем говорили идеологи „суверенной демократии", — что в России в силу ее традиционного многовекового суверенитета станут полноценными только те институты демократии, которые будут выстроены на национальной основе, обеспечат единство интересов и прав личности с интересами национального развития.

Рискну утверждать, что, по крайней мере в главном, основном тексте о суверенной демократии (речь идет о статье Владислава Суркова „рационализация будущего"), нет ничего, что можно было бы назвать антизападничеством в ценностном отношении.

8-3921

225

Глава 4. Победы и поражения сознательного патриотизма

По крайней мере, текст Суркова антагонистичен по отношению к идеологам русского проекта, он всем своим острием направлен против тезиса, что главное состоит в достижении „державного величия", а не в том, сколько крови на это потрачено.

Сурков прямо, ссылаясь на Путина, говорит, что нам нужны успехи и победы, направленные на „сбережение народа“, а не победы, достигнутые путем ломания народа „через колено“. Сурков связывает гуманистическую идею „сбережения народа“ с демократией, с которой она, по его мнению, связана фундаментально. Идеология суверенной демократии, как свидетельствуют тексты, была направлена против славянофильского мессианизма, против характерной для нашей истории „социальной расточительности, привычки сорить людьми ('у Бога людей много'), изводить друг друга без счета и смысла“, против привычки, которая „коренится глубоко в прошлом“. Надо гордиться нашими российскими победами, рассуждает Владислав Сурков, но не надо забывать, что „Россия теряла в страшных войнах больше солдат, чем любой ее союзник или враг, а крупнейшие социально-экономические достижения обретали в периоды деспотического реформирования, подобным войнам“. И дальше, что очень важно для понимания нравственной, гуманистической сути идеологии суверенной демократии, Сурков обращал внимание, что у нас „окно в Европу прорубалось способами, которые и азиатскими назвать нельзя, не оскорбив Азию. Освоение космоса и атомной энергии добыто жестким упорством советского крепостничества“ [166].

Демократии в этом тексте возвращается ее первоначальный смысл как „программа гуманизации политической системы, социальных отношений, бытовой культуры“, как освоение „навыков бережного подхода к достоинству, здоровью, имуществу, мнению каждого человека“. К этому, а ни к чему другому, призывали идеологи суверенной демократии.

226

4.4. *Править, как Сталин, а жить — как Рома Абрамович!*

Для „суверенной демократии“ задача состоит не только в том, чтобы сохранить Россию как Россию, сохранить ее „самодержавие“, ее государственность, но чтобы сделать это не „как всегда“, не через силу, не ломая костей. И здесь, в этом вопросе — как сохранить российскую державность — коренное различие между патриотизмом тех, кто считает себя либеральным консерватором, и патриотизмом сторонников Константина Леонтьева, желающих сохранить для России крепостничество и мобилизационный надрыв до ее последних дней.

Я не исключаю, что кому-то наверху действительно понадобилась реанимация российского мессианизма, реанимация веры в якобы изначальную противоположность „коренной“ русской цивилизации и прошлой и нынешней западной цивилизации. Возможно, вся эта история по поводу традиции российского мессианизма и российского проектного сознания является ответом на нынешнее охлаждение наших отношений с Западом. Не знаю. *Хотя сам факт, что Запад никогда не был нашим товарищем, никогда не желал нам добра и процветания, не означает на самом деле, что мы жили и сможем жить другими, незападными, „незаемными“ ценностями.*

Все же нынешний всплеск националистического, мессианистического патриотизма имеет более глубокие причины и вызван неспособностью нормально перейти от коммунистического видения мира к гуманистическому и моральному. Нынешний всплеск неосталинизма и крепостнического славянофильства леонтьевского толка со всей его враждебностью к правам и свободам отдельной личности, и прежде всего к праву на достойный быт, отражает глубокий нравственный кризис, и складывается впечатление, что цинизм и моральный нигилизм укрепляются в рядах интеллигенции быстрее, чем в самом народе.

Мне вообще иногда кажется, что когда, к примеру, Виталий Третьяков говорит, что у нас в России не может появиться средний класс, ибо связанное со средним классом мещанство вступит в противоречие с „русскими идеалами“, то он

227

Глава 4. *Победы и поражения сознательного патриотизма*

не отдает себе отчет о возможных последствиях реализации его „русского

проекта". Не создавать средний класс в России означает сохранить процесс бомжевания и деградации России, сохранить бедность, неустроенность миллионов и миллионов людей. О каком особом пути и особых идеалах можно говорить в стране, где около половины населения живет в ветхом жилье, где нет хороших дорог, где люди продолжают умирать от отсутствия элементарных лекарств.

Неужели непонятно, что альтернативой так ненавистного нам бюргерства с его так ненавистным нам „комфортом" могут быть или койки в лагерных бараках, или, в лучшем случае, комнатки в коммуналках? Я не думаю, что все нынешние интеллектуалы, страдающие от утраты особого русского пути, готовы расстаться со своим собственным, сугубо „мещанским", „бюргерским" образом жизни и жить „нетривиальным", „монашеским" бытом. Совсем недавно Алексей Митрофанов, бывший депутат Государственной Думы, выразил мотивы идеологов „русского проекта" очень просто. Эти люди, сказал мне Алексей Митрофанов, хотят править страной, как Сталин, а сами жить, как Роман Абрамович.

Не могу не сказать и то, что все же грешно выступать с проповедью аскетизма, выступать с критикой идеалов комфорта и благополучной жизни в стране, которая все семьдесят советских лет мучилась сначала от голода, а потом от тотального дефицита. Грешно выступать против идеалов устроенной, благополучной жизни в стране, в которой мало кто из работающих в состоянии улучшить свое жилье, в стране, где ускоренными темпами идет маргинализация целого ряда слоев, и прежде всего крестьянства. Господа! Побойтесь Бога. О каких особых русских идеалах можно говорить в стране, которая впереди всей Европы по детской смертности, по количеству самоубийств, совершенных преступлений и т. д.

С Геннадием Андреевичем все ясно. Партия, выросшая из мифа, обречена до дней своих последних оберегать и защи-

228

4.4. *Править, как Сталин, а жить — как Рома Абрамович!*

щать миф. Тут фактами ничего не добьешься. Тут, где люди живут верой, наука мертва.

Но зачем новой элите, которая денно и ночью критикует КПРФ, понадобились идея „красного проекта", и вера в нашу цивилизационную уникальность, и проповедь старой идеи об уникальной жертвенности русского народа и его государственного стоицизма? Почему переход от либерализма на государственных позиции у многих нынешних интеллектуалов обернулся откатом от морали, реабилитацией сталинизма? Ведь были же у нас до революции удачные попытки соединить патриотизм и традиции российского государственничества с христианской моралью, с ценностями свободы, личности и т. д. Кстати, эту задачу решали не только Струве и Франк, но и Ильин.

Почему интеллектуалы, далекие, по крайней мере раньше, от православия, вдруг неожиданно начали проповедовать идеал русского монашеского аскетизма и идеал российской жертвенности и соборности?

Мне скажут, что не надо обращать внимание на все эти чудачества сытых людей. Они готовы использовать все способы, чтобы обратить на себя внимание, в том числе и пропаганда нового русского изоляционизма, отказ от изучения иностранных языков в современной школе и т. д.

Хорошо. Михаил Юрьев — это бред. Михаил Хазин — это бред. Хотя, на мой взгляд, Хазин верит в то, что говорит, это человек из секты марксистов, ждущих со дня на день краха капитализма и связанной с ним системы ценностей. Но тогда надо признать, что разговоры Виталия Третьякова о том, что нам не нужны „заемные" идеалы свободы, что нам не нужен „средний класс", что мещанство противоречит „русским идеалам", тоже бред!

Константин Леонтьев, который пытался доказать органическую, национальную природу и русского крепостничества, и русской бедности, просто искал способы

успокоения своей совести и находил себе облегчение в разоблачении, как он по-

229

Глава 4. Победы и поражения сознательного патриотизма

лагал, уродств Запада, в разоблачении западного гедонизма, западного мещанского, устроенного быта, западного индивидуализма. И потому получалось, что русский „послушный“, то есть крепостной крестьянин, „ближе к реальной правде житейской“, мудрее, „чем всякий рациональный либерал, глупо верящий, что все люди будут когда-то счастливы“.

Да, в России, начиная с XVI века, в среде „книжников“ всегда была популярна мысль об особом предназначении России, о духовном превосходстве русской бедности над европейской сытостью. Правда, на самом деле для самого в массе безграмотного крестьянина этой проблемы личности русской цивилизации вообще никогда не было, ибо на Западе он никогда не был, книг не читал, он просто в сознании своем не имел то, с чем можно сравнивать свою жизнь. Хотя, как живописует Иван Тургенев в своих „Записках охотника“, крестьянин Хорь, в образе которого выведен грядущий русский кулак, наслушавшись рассказов гостя о Германии, приходит к выводу, что „немцы любопытный народец, и поучиться у них он готов“. Славянофильство и сама идея диалога России и Европы — это барская идея.

И понятно происхождение этой, на мой взгляд, компенсаторной идеи. Надо было хоть чем-то успокоить свою „книжную душу“. *Ведь на самом деле, как это стало ясно всем, кроме наших нынешних славянофилов, русский крестьянин никогда не принял и не согласился со своим крепостным состоянием, в душе никогда не был „послушным“, как думал Константин Леонтьев, на самом деле „народ всегда считал крепостное право несправедливостью“ (Н. Бердяев), на самом деле наш народ был европейцем в том смысле, что считал личную свободу высшей ценностью.*

Нет смысла еще раз доказывать, что 1917 год и весь последующий XX век камня на камне не оставили от мифа об особой, аскетической, богобоязненной, коллективистской русской душе. Смешными и нелепыми выглядят сегодня рассуждения почитаемого ныне на Руси Николая Данилевского о том, что „вообще не интерес составляет главную пружину, главную

230

4.4. Править, как Сталин, а жить — как Рома Абрамович!

двигательную силу русского народа, а внутреннее нравственное состояние" [167].

Сейчас, в начале XXI века, после того как всем открылась правда об Октябре, о большевизме, когда жива и находится перед нами правда о распаде СССР, о 1991 годе, просто смешно выглядят все эти красивые сказки об особой русской душе, которой от природы заказан рационализм и жажда обогащения, жажда своей частной собственности, своей личной выгоды, которая якобы живет только высшими интересами и идеалами. В 1991 году рабочие растаскали по кусочкам, до последнего гвоздика свои заброшенные предприятия, как крестьяне растаскали в 1917 году до бревнышка имения своих бывших бар.

Не было в жизни никогда особой русской коллективности. По крайней мере в труде. „Неразделенный крестьянский двор, где ссорятся две-три семьи, — писал Иван Ильин, — не есть образчик социализма" [168]. Все честные исследователи русского быта послереформенной России, и прежде всего бытописатель крестьянской жизни Николай Энгельгардт, обращали внимание „на сильное развитие индивидуализма в крестьянах, на их обособленность в действиях, на неумение, нежелание, лучше сказать, соединяться в хозяйстве для общего дела... Действительно, делать что-нибудь сообща, огульно, говорят крестьяне, делать так, что работу каждого нельзя учесть в отдельности, противно крестьянам" [169]. Николай Энгельгардт в конце 70-х годов XIX века обнаруживает в русском крестьянине то, что проявилось с полной силой уже во время сталинской коллективизации, что живописал Андрей Платонов в своем „Котловане“, то есть то, что

„крестьяне в вопросе о собственности самые крайние собственники, и ни один крестьянин не поступится ни одной копейкой, ни одним клоком сена" [170]. Вот почему они резали своих коров, лишь бы не сдавать их в колхоз.

Со всей ответственностью заявляю, что сегодня, в начале XXI века, после всего содеянного и пережитого Россией и россиянами в XX веке, могут черпать истины в трудах Николая

231

Глава 4. *Победы и поражения сознательного патриотизма*

Данилевского и Константина Леонтьева, могут всерьез рассуждать об особой русской коллективистской душе, живущей не умом и личным интересом, а прежде всего сердцем, люди или слабые, больные душой, или откровенные шарлатаны.

Когда я говорю о тех, кто все же верит в миф об особой русской душе и особом „красном" предназначении России, то я имею в виду тех, кому трудно совместить свой патриотизм, свою любовь к России с правдой о нашей истории, с правдой о наших катастрофах, о наших поражениях, о причинах надрывных реформ Петра, об ужасах русского крепостничества. Трудно согласиться с участью все время отстающей, догоняющей страны. И надо признать, что в некотором отношении Александр Проханов, предупреждающий, что процесс приспособления в России западных управленческих и экономических моделей окажется сложным и породит „уныние", оказался прав. И даже нынешнему российскому человеку легче поверить в свою принадлежность к особой, уникальной цивилизации, чем приготовиться к длительному, растянутому на несколько десятилетий маршу, возвращающему нас на нормальную, европейскую магистраль.

А потому жив соблазн сказать, что мы выше и лучше Запада, ибо не знали ни эпохи Возрождения, ни Реформации, ни эпохи Просвещения. И отсюда соблазн сказать, что чем больше отстали от Запада, тем мы были и есть выше, тем ближе к Богу, чем мы были свободнее от материальных благ быта, тем короче была дорога к Богу. Все же надеюсь, что авторы „Русской доктрины", пишущие, что СССР можно было спасти, если бы Хрущев не перевел народ из сталинских бараков в пятиэтажки, если бы Брежнев и Горбачев не соблазнили советский народ „культом потребительства", „неприличным в своей глупости", культом „сытости", культом „модных вещей", просто не в ладах со своими эмоциями. Ведь стать на позиции того, что русские мыслители называли „соблазном патриотизма", то есть верность правде, сохранить и любить

232

4.4. *Править, как Сталин, а жить — как Рома Абрамович!*

Россию такой, какая она есть, трудно. Легче полюбить Россию за якобы присущую ей „особость", „уникальность".

Но анализ текстов и предположений авторов, к примеру, „Проекта 'Россия'" заставляет меня усомниться в чистоте их помыслов. Друзья, здесь все же чистое шарлатанство, циничное одурачивание простого народа. Это даже не большевики и не большевизм. Все же его вожди, в силу своего подпольного, экзальтированного сознания и недостаточной развитости ума, могли верить, что возможно чудо, что можно построить экономику, где нет ни частной собственности, ни личного эгоизма, ни конкуренции и т. д. Но за кого принимает нас уважаемый Михаил Хазин, работник Российской академии наук, когда всерьез утверждает, что „красный проект", то есть идея обобществления средств производства, „исторически совершенно не обречен был проигрывать". Не будем трогать русский опыт. Хотя школьнику известно, что весь пореформенный период, с 1861 по 1914 год, Россия развивалась по темпам роста, по качеству модернизации быстрее, чем советские семьдесят лет, причем без крови, без каких-либо „проектов". Как известно, за стремлением и Александра I, и его внука Александра II освободить крестьян от крепостного рабства стоял не мессианизм, а „европейский проект" стыда и совести. И не больше.

Не может не знать Михаил Хазин, что „красный проект" в России был обречен

сразу, что не будь запредельной для христианской Европы большевистской жестокости, не будь русского долготерпения и огромных природных ресурсов, он был бы отброшен историей намного раньше. Не может серьезный ученый, нормальный, духовно развитый человек, рассуждать о судьбе „красного проекта“, не принимая во внимание ни человеческую цену его воплощения в жизнь, ни его реальные результаты.

Я называю нынешние призывы вернуться к „красному проекту“, снова закрыть страну от влияния Запада, призывы создать „непреодолимые цивилизационные различия“ между новой Россией и современным Западом, призывы создать

233

Глава 4. *Победы и поражения сознательного патриотизма*

свой русский, незападный футбол и хоккей, незападную музыку, культуру, искусство шарлатанством, преступным шарлатанством, ибо этот проект — для других, для народа, а не для себя. Никто из нынешних новых проповедников „красного проекта“ не живет и не захочет жить в обществе тотальной мобилизации, тотального аскетизма и тотального государственного жертвенничества. Они живописуют в своих статьях красоты нового сталинизма для других, для новых жертв очередной русской скотобойни. Самое поразительное, что авторы „Проекта 'Россия'“ не скрывают, что все эти технологии изоляции российского человека от Запада придуманы не для себя, а для простого народа. По-видимому, авторам нового „красного проекта“ важно, чтобы новые россияне не только согласились на новый изоляционизм, но и были благодарны своим опекунам за то, что они их оградили от необходимости изучать иностранные языки, отучили умом и сердцем воспринимать свою национальную, русскую историю и, самое главное, отучили христианскими, европейскими гуманистическими мерками оценивать и свои права, и свой быт, и свое благосостояние. На самом деле за „русским проектом“ стоит новый расизм, стремление под видом преодоления „тлетворного влияния Запада“ превратить народ российский в скопище полулюдей. Авторы проекта „Россия“ не случайно противятся какой-либо критической оценке советского периода, утверждая, что наибольший грех — это попытки „поносить“ советский период. Скорее всего, снова авторы „Проекта Россия“ ставят себе задачу, которую ставили себе идеологи большевизма, то есть чтобы советский человек находил *свое* превосходство над западным человеком в уродствах своей жизни, в своем бесправии, в своей нищете, в своем атеизме, в своем примитивизме чувств. Кстати, до тех пор, пока железный занавес защищал советского человека от, по словам Михаила Юрьева, „Грязного Запада“, он действительно находил свое превосходство и счастье в „лагерном“ существовании. До тех пор даже советский крепостной, не имевший паспорта колхозник полагал, что он свобод-

234

4.4. *Править, как Сталин, а жить — как Рома Абрамович!*

нее, чем американский фермер, до тех пор он, советский человек, был убежден, что он самый свободный человек в мире.

Сначала, когда я начал изучать тексты всех этих новых и старых сторонников „красного проекта“, я предполагал, что за всей этой модой на славянофильство, на Николая Данилевского и Константина Леонтьева, за всем этим настырным противопоставлением России и всего русского Западу и всему европейскому стоит элементарное пораженчество новой и одновременно старой элиты. Не стоит забывать, что, к примеру, Михаил Леонтьев принадлежит к числу наиболее радикальных либералов начала 90-х годов. Сначала я полагал, что все дело в том, что наша околоремлевская элита, наша, как они себя называют, „смыслократия“, осознав свою неспособность модернизировать Россию, осознав свою неспособность побороть нынешнюю российскую бедность и нынешнюю российскую разруху, неспособность преодолеть нынешние кричащие различия в доходах населения, просто решила поменять местами добро и зло, решила убедить население, что мы, русские, от природы не приспособлены к нормальной, сытой, удобной жизни, что у нас, у русских, как в свое время у советских, своя гордость.

Отсюда, от желания возродить советское антихристианское и аморальное, классовое отношение к жизни, как мне казалось, идут призывы авторов „Проекта Россия“ ни в коем случае не критиковать советское прошлое. Ведь стоит вам чуть-чуть стать европейцем и христианином, то вы сразу увидите, что советская колхозная система была вторым изданием русского крепостничества, что сталинские стройки коммунизма были новым изданием эпохи возведения египетских пирамид. А если, как пишут авторы проекта „Россия“, без тотальной модернизации, без надрыва живота своего мы никогда не жили, то и сейчас надо гордиться тем, что у нас все осталось по-старому, по-другому, не как у этих отсталых европейцев.

Но, скорее всего, лично я недооценил претензии идеологов нового русского мессианизма, когда я начал сравнивать

235

Глава 4. *Победы и поражения сознательного патриотизма*

рецепты нового изоляционизма, провозглашенные в „Проекте Россия“, с рецептами выращивания новых людей Центрально-Лондонского инкубатория, описанных в антиутопии Олдоса Хаксли „Дивный новый мир“.

Господа, решиться на реабилитацию и „красного проекта“, и „красного террора“, решиться на конструирование новых русских людей в пробирке нового русского изоляционизма, на переделку европейского кода и русской музыки, и русской культуры, и, соответственно, русской души могут только сильные люди, люди, стремящиеся к власти. Пораженцы не строят такие грандиозные планы переустройства души и сознания российского человека, какие мы находим у авторов проекта „Россия“.

4.5. Сил хватает только на „манию величия“

Мне могут сказать, что не следует придавать большого значения всем этим новым увлечениям старой верой в уникальность и русской души и русской истории. Нет ничего более противоречащего иконе русской души, нарисованной славянофилами, чем современный, жесткий, эгоистичный, индивидуалистический русский человек. Никого сейчас не соблазнишь идеей мобилизации, идеей жертвенности во имя общего блага, грядущего рая на земле. Все верно.

Но не следует забывать, что и в 1917 году не было никаких духовных оснований для победы марксистской идеологии коллективного труда во имя будущего царства равенства. Все тогда, в 1917 году, хотели прямо противоположного: не жертвенности, а, напротив, спасения своей жизни от немецких пуль. Никто в 1917 году из крестьянской, подавляющей части населения России не хотел коллективного труда по общему плану, на общественной земле. Все они хотели тогда другого, хотели стать богаче за счет помещичьей земли.

Когда-то, еще в самом начале Гражданской войны 1918-1920 годов, русские патриоты мечтали о России, которая

236

4.5. Сил хватает только на «манию величия»

рано или поздно освободится от коммунизма, мечтали о новой России, которая будет чтить благочестие Сергия Радонежского, дерзновение митрополита Филиппа, чтить всех, для кого Россия была святыней. Сегодня же мы имеем дело с патриотами, которые предлагают нам чтить Ленина, ненавидящего старую Россию с ее святынями, уничтожившего российское духовенство, весь русский мир, чтить его ученика Сталина, по указанию которого взрывали российские храмы — святыни национальной истории, кто уничтожил крестьянина-хозяина, кто добивал недобитые Лениным остатки российской интеллигенции.

Сегодня мы имеем дело с патриотами, для которых дорог режим, где ничего не стоит жизнь человека, русского человека, где каждый в любое время может быть принесен в жертву идее укрепления идейной дисциплины. Им дорог режим, где не просто нет

свободы совести, а где человек лишен права на память, на приобщение к вере своих предков, к их быту, традициям, святыням, где человек лишен всех выдающихся достижений своей национальной культуры, где гением слывет полуобразованный вождь со своим кратким курсом ВКП(б), где миллионы людей, все крестьянство остаются крепостными без паспортов, где миллионы сидят в тюрьмах, где человек не имеет права на эмиграцию, на знакомство со всеми достижениями современной культуры. *Если собственность и богатство русскому человеку во вред, если Бог и религия русскому человеку во вред, если свобода и личное счастье русскому человеку во вред, то зачем ему жить?* Только во имя строительства великих пирамид коммунизма и прославления великого вождя?

Если все это, то есть восхваление и обожествление этого царства насилия, над духом, жизнью и здравым смыслом и есть настоящая русская судьба, настоящий русский патриотизм, то я, конечно же, не патриот. Лучше уж проявлять снисходительность к несомненным слабостям „хохла“ Горбачева, чем восторгаться садизмом „грузина“ Сталина. Так хотя бы можно душу и совесть сберечь. Но все же, на мой взгляд, лю-

237

Глава 4. Победы и поражения сознательного патриотизма

ди, которые ни в грош не ставят жизнь и счастье миллионов людей, которые отказывают своему народу в праве на свободу, собственность, религию, в праве на все человеческое, — не патриоты, а садисты, изуверы.

Мне, честно говоря, трудно понять, что происходит в душах этих уже десятков, а по всей стране сотен интеллектуалов, вполне современных, образованных людей, которые утверждают, что ни о какой морали, ни о каких моральных чувствах не может идти речи, когда мы изучаем и исследуем национальную историю. Главное, что есть Днепрогэс, а вот миллионы людей, умерших от голода, во имя приобретения для этой социалистической стройки турбин, — это уже ничто, историческая пыль. Нет мук тысяч людей, прошедших через муки конвейерных допросов.

Надо признать, что в посткоммунистической России просто не оказалось в массовом масштабе душ, способных совершить то, с чем связывали духовное обновление в новой России, способных узреть ужасы большевистского насилия и глумления над невинными детьми. У нас мало кто может получить „Родину духовно“, то есть проникнуться душой и ее болями, и страданиями, и ее достижениями. Ведь все, что происходило в советской России, страшнее Дантовского ада. Алеша Карамазов не мог принять мучения одного ребеночка и его слезы даже во имя счастья всего человечества. А тут мы имеем дело с муками коллективизации, муками ежовщины, муками переселения народов, и прежде всего муками миллионов детей, умерших от холода, от голода, от эпидемий на пересыльных пунктах, в скотных вагонах, приспособленных для перевозки заключенных. И многим сейчас в России совсем не страшно знать об этих муках, совсем не страшно оправдывать тех, кто проводил эксперименты над своим народом.

И сейчас мало кому из этих новых-старых сталинистов, из тех, кто славит и „русское проектное сознание“, и „красные проекты“, есть дело до этих мук и страданий собственного народа. Иногда складывается впечатление, что эти идеологи

238

4.5. Сил хватает только на «манию величия»

проектного сознания вообще не хотят иметь что-то общее со своим народом, считают себя сверхлюдьми.

Христианский сознательный патриотизм, предполагающий работу души, развитую совесть и глубинную, духовную связь личности с судьбами своей страны, не мог у нас получить сколько-нибудь широкое развитие, ибо для этого не было в массе соответствующего типа людей, не было соответствующего морального климата.

В советское время открытой апологетикой и коллективизации, и красного террора, вообще апологетикой идеи диктатуры пролетариата занимались, как правило, духовные

уроды, сломленные страхом или просто слабые люди, неудачники. Выйти, конечно, в доктора или профессора было проще, если ты посвятил себя защите революционного марксизма или идей ленинизма. Но на этот путь, как я помню, уже в середине 60-х годов никто из сильных, уважающих свое достоинство студентов философского факультета МГУ не становился. В советское время, как это ни покажется странным, даже в студенческой аудитории мало кто был способен встать и вслух сказать, что „успехи колхозного строительства оправдали жертвы коллективизации“.

И здесь необходимо признать, что мы, поколение 30-х и 40-х годов, советская интеллигенция эпохи оттепели, были все же морально больше готовы к „зоркому“ и „правдивому“ патриотизму, были готовы осознать свою личную моральную ответственность за падение нашего народа в годы „великого перелома“. Конечно, у нас, у шестидесятников, не было ни настоящей веры, ни религиозного ощущения самоценности России, но все же в массе у советской интеллигенции было чувство стыда за все эти преступления сталинизма, было понимание, что так, как мы строили социализм, с такими муками и жертвами, лучше его было бы вообще не строить. Хотя я не совсем прав. Многие шестидесятники полагали, что все же надо было строить, но по-другому, не по-сталински.

Сегодня же, уже спустя два десятилетия после начала слома советской машины, мы видим, что у новой элиты духовных

239

Глава 4. Победы и поражения сознательного патриотизма

сил хватает только на пустую „манию величия“, на то, что Иван Ильин называл „тупым самомнением“ и „плоским самодовольством“. Конечно, хорошо, что хотя бы есть и такое национальное чувство, есть массовый патриотизм болельщиков, желающих победы своей национальной сборной. *Сама жажда, желание победы говорит о том, что зачатки национального чувства есть.*

Но, с другой стороны, видно, что пока что нет никаких, и прежде всего духовных, моральных, предпосылок для перерастания слепой любви к Родине в осознанную, предполагающую умение учиться на ошибках всего народа, видеть его недостатки и пороки и преодолевать их.

Интересно, что в советское время больше ценилась культура сама по себе, культурные достижения сами по себе, было близкое к сознательному патриотизму понимание того, что нам дорога не просто жизнь своего народа, а его „жизнь подлинно-духовная“ и „духовно-творческая“. Идеологов проектного сознания мало заботит уровень образования народа, им важно только, чтобы народ был изолирован от „тлетворного влияния Запада“.

Понятно, что сознательный патриотизм как сознание своей национальной истории у нас не получил широкого распространения в силу общего упадка исторической культуры, отрыва—и прежде всего молодого поколения — от своей национальной истории. Выясняется, что советский студент и советский школьник имели урезанное, классовое представление о своей истории и культуре, но все же своим сознанием хоть частично были погружены в историческое бытие народа. Сегодня у молодого поколения в массе вообще нет каких-либо знаний о своей национальной истории. Им нечего беречь, не за что нести ответственность, ибо на самом деле они живут вне нации, вне национальной истории. Но национальное сознание, лежащее в основе нормального патриотизма, невозможно без национальной памяти, живущей в твоей душе.

240

4.5. Сил хватает только на «манию величия»

„Но для того, чтобы найти свою Родину и слиться с нею чувством и волею, и жизнью, необходимо жить духом и беречь его в себе“, далее, необходимо осуществить в себе патриотическое самосознание или хотя бы верно „почувствовать себя“ и свой народ в духе. Надо верно ощутить свою духовную жизнь и духовную жизнь своего народа, т. е.

„принять русский язык, русскую историю, русское государство, русскую песню, русское правосознание, русское историческое миросозерцание и т.д. — как свои собственные" [171]. Приведенные выше рассуждения Ивана Ильина о ступенях духовного обретения Родины показывают, какую громадную роль, с его точки зрения, должны играть знания, труд познания в процессе обретения Родины. Получается, что на самом деле малообразованному человеку трудно быть патриотом от души. И это еще раз доказывает, что сознательный, духовный патриотизм имеет западническое происхождение, он связывает даже такую интимную вещь, как любовь к Родине, с культурным, образовательным развитием личности. Из этого следует, что укрепление в России позиций сознательного патриотизма невозможно без того, что в советское время называлось „культурным и моральным подъемом народных масс". Еще раз повторяю: невежество и патриотизм несовместимы.

Понятно, что даже в самых благоприятных условиях такого рода патриотизмом знания могут проникнуться лишь индивиды, те, кого обычно называют элитой.

Но проблема, наверное, состоит в том, что после слома советской системы не оказалось такого рода элиты, в массе образованных людей, которые бы сами, по своей воле хотели бы погрузиться целиком во все русское. А потому и возникла идейная ситуация конца 80-х - начала 90-х годов, которую я описывал раньше. С одной стороны были те (тогда они были в большинстве), которые испытывали инстинктивное отторжение от всего русского, от любого патриотизма, а с другой — те, что в силу отсутствия сил и ума к духовной работе просто

241

Глава 4. Победы и поражения сознательного патриотизма

„принимали свой народ за воплощение полного и высшего совершенства на земле" [172].

Нынешняя ситуация якобы внешне предпочтительнее той, которая была двадцать лет назад, сейчас патриотизм стал модой, сейчас пруд пруди людей, которые принимают русский народ „за воплощение полного и высшего совершенства на земле". Но нельзя не видеть, на что я все время обращаю внимание, что проникновение и в элиту, и в массу этого „тупого самомнения", „плоского самодовольства" и этого тупого и крикливого антизападничества сопровождается утратой остатков трезвости, вытеснением таких понятий, как стыд, грех, преступление из общественного самосознания. Нельзя не видеть, что победа этого тупого патриотизма, „плоского самодовольства", победа всех тех, кто призывает нас бороться с „заемными" западными целями, приведет к окончательному подавлению нашего и без того слабого инстинкта национального самосохранения.

На самом деле невозможно никакое качественное, устойчивое развитие, если в толще народа и, что не менее важно, в толще элиты, правящих слоев увядает стыд, совесть, чувство личной ответственности за прошлое и будущее своего народа. Сегодня, наверное, актуальнее, чем двадцать лет назад, слова Ивана Ильина, что „народ с колеблющимся инстинктом национального самосохранения и помраченным духовным самосознанием — не может отстаивать свою жизнь на земле; а заменить этот инстинкт и это самосознание нельзя ничем" [173].

4.6. Пустые мифы сталинистов

Понятны причины, которые бросили нас из крайностей начала 90-х годов, крайностей самоедства и бичевания, в крайности самодовольства и тупого самомнения. Трудно впустить в душу сознание того, о чем я говорил выше, сознание того, что на самом деле большевизм означал падение и одичание русской души, что зверства большевизма ужасны, являют

242

4.6. Пустые мифы сталинистов

собой одну из самых чудовищных страниц истории Нового времени, трудно дается сознание того, что на самом деле по большинству социальных и экономических

показателей, по качеству жизни, производительности труда мы как были, так и остаемся отсталой страной. Отсюда и открытость души к старому мифу об особой русской душе и нашем особом русском предназначении. Отсюда нежелание видеть, что все эти проповеди русского проекта являются проповедью дикости и варварства.

Понятны и причины нового массового поклонения дер-жавничеству Сталина. У народа, который на глазах теряет государственный суверенитет, становится населением „управляемой“ извне территории, не может не возрасти уважение к тому времени, когда все было по-другому, когда СССР был могущественной державой. На фоне Сталина как Верховного главнокомандующего во время Великой Отечественной войны, как отца Великой Победы Горбачев со своей перестройкой, приведшей к распаду СССР, конечно же, сейчас, в этой новой ситуации, выглядит бледно.

Но надо понимать, что это сравнение необъективно, носит чисто ситуативный характер. Бьюсь об заклад, что никто из тех, кто ныне славит Сталина и поклоняется ему, кто, к примеру, хочет возвращения нынешнему Волгограду имени Сталина, не захочет поменять жизнь в нынешней слабой России на жизнь в сталинском державном СССР. Ни один крестьянин не захочет снова за галочки вместо трудодней работать в сталинском колхозе, не захочет жить без паспорта, под страхом оказаться на 8 лет в лагере за десяток колосков. Ни один из нынешних молодых людей, поклоняющихся Сталину, но одновременно выезжающих отдыхать в Египет, Турцию или Грецию, не захочет жить в стране, отделенной от всего мира и от современной культуры железным занавесом, где надо днем и ночью бояться доносов, сексотов, где страх не оставляет человека даже ночью.

243

Глава 4. *Победы и поражения сознательного патриотизма*

Вся эта нынешняя ностальгия по Сталину и по сталинскому СССР — блажь все же сытых и свободных людей, не имеющих никаких представлений о тех муках, через которые прошли строители первого социалистического государства на земле. Не надо нам величия сталинского социализма, рожденного прежде всего в страхах и муках миллионов людей. Не надо.

Беру на себя смелость утверждать, что эти воины-победители, пришедшие с фронта, пытающиеся найти себе место в послевоенном СССР, даже если они не были в плену и не прошли через лагеря за Уралом, не страдали, по крайней мере в массе, ни „имперским мессианизмом“, ни сознанием гордости за принадлежность к „стране-первопроходцу социализма“. Все эти разговоры об исключительной идейности советских людей во времена Сталина, о наличии массовой веры в преимущества социалистического общественного строя, для непосвященного — для тех, кто не жил, не рос в это время на нижних, народных этажах этой системы. По крайней мере в своей послевоенной Одессе в детстве, среди крестьян, рабочих, обычных мещан, тем более среди бывшей дореволюционной интеллигенции, я так и не встретил человека, который всерьез среди своих близких, друзей говорил бы о каких-то преимуществах нашего передового общественного строя. Для стариков дореволюционная Россия была утеряннм раем. Для тех, для кого детство пришлось на двадцатые, утеряннм раем был НЭП. Очень многие ровесники Сталина, даже воевавшие в Гражданскую войну на стороне красных, мечтали о том, чтобы „эта собака умерла раньше них“.

Мне кажется, что историк, который прославляет субъектность социалистической державы, которая очеловечила „буржуинов“, тоже принадлежит к счастливым постсоветским поколениям, которые не знают, какую страшную цену, моральную и физическую, платили миллионы простых людей за право жить в стране — „первопроходце социализма“. Рискну утверждать, что „субъектность“, могущество, построенное и созданное в значительной мере и при содействии „шарашек“,

244

4.6. *Пустые мифы сталинистов*

и при содействии миллионов эков, строителей Комсомольска-на-Амуре, Беломорканала, канала Москва—Волга, построенное в значительной мере на костях заключенных, не может быть прочным. Не могла быть прочной и так называемая мировая социалистическая система, где периодически — и в 1948, и в 1956, и в 1968 годах — приходилось умирять население при помощи советских танков.

Надо понимать, что успешность того или иного лидера зависит от системы ценностей, которыми вы измеряете его дела. Можно ставить во главу угла „первопроходство" своей нации. И тогда и Ленин, и Сталин будут у вас великими национальными героями, ибо они вздыбили Россию и заставили ее скакать по тому пути, по которому народы раньше не шли. Но если вы стоите на позиции „сознательного патриотизма", если вы ставите во главу угла жизнеспособность, жизненность своей нации и государства, если вы смотрите на деятельность политика с исторической точки зрения, то вы вынуждены признать, что Россия весь XX век потеряла, вышла из коммунизма покалеченной, разлагающейся. По всем социальным показателям, по производительности труда, по смертности, по различиям в доходах населения мы сегодня выглядим куда хуже, чем Россия 1917 года.

Конечно, тот социализм, который мы потеряли из-за перестройки, социализм „хохла" Брежнева и „хохла" Горбачева, был в десятки раз человечнее и гуманнее, чем социализм Сталина. Но он, социализм второй половины 1970-х - начала 1980-х годов, потому и был человечнее, что шел вразрез со своей природой. Социализм, где „несут" с поля, с завода, где „несуны" становятся важным субъектом экономики, — это не социализм, а протокапитализм.

На мой взгляд, модный ныне миф о сталинизме как воплощении мечты и природы русского человека, убеждение о том, что самым главным периодом русской истории была эпоха Сталина (этот миф выписан и воспет в книгах Александра Зиновьева), на мой взгляд, оставляет и без того ослабленное

245

Глава 4. *Победы и поражения сознательного патриотизма*

русское сознание без каких-либо духовных опор. Русские, если идти за этим мифом, должны остаться без всего, стать народом зеро, полным историческим нулем.

Если то, что было до Хрущева и Горбачева, — норма, если при Сталине наиболее полно были выражены интересы народа, то получается, что для нас, для нации, нормой является покалеченность, то есть народ без своих лучших слоев.

И здесь я подхожу к проблеме, от которой уходили идеологи духовного патриотизма, писавшие о нашем грядущем, неизбежном русском самоочищении от пороков, приведших к катастрофе 1917 года. А какова была гарантия, что мы, спустя семьдесят лет, совершим то, что не смогла сделать все же религиозная, богобоязненная Россия в годы Гражданской войны? Откуда могли, спустя семьдесят лет после начала коммунистического эксперимента, взяться у народа духовные силы для *молитвенного подъема и действенной воли*", с которыми не только Иван Ильин, но и Николай Бердяев, Семен Франк связывали возрождение России?

Вся проблема в том, и это, наверное, объясняет наш нынешний всплеск интереса к красному проекту, что на самом деле у нас не было главного, с чем отцы-основатели сознательного патриотизма связывали духовное возрождение и новую национальную страсть — у нас не было в России духовного преодоления коммунизма, у нас на самом деле не было никакой глубинной антикоммунистической революции.

4.7. Парадоксы нашей антикоммунистической революции

Истина, на которую я все же хочу обратить внимание читателя и которая объясняет особенности нашей идеологической ситуации, состоит в том, что все же не мораль, не духовное возрождение и не порыв к свободе стоял за нашей так называемой демократической революцией. У нас не было, как в Польше в августе 1980 года

общенациональной забастовки,

246

4.7. *Парадоксы нашей антикоммунистической революции*

под знамена которой встало почти все взрослое население страны и после которой власть одну за другой начала сдавать свои социалистические позиции. Коммунизм у нас умер. Но какого-либо серьезного антикоммунистического движения у нас не было. И в этом, на мой взгляд, и состоит причина болезненности нашего перехода к демократии. Демократии как народовластия мы так и не достигли. У нас не было и быть не могло, как, к примеру, в Польше, какого-либо серьезного сопротивления населения коммунизму. А потому на самом деле у нас не было какого-либо серьезного духовного ресурса для закрепления институтов демократии, появления какого-либо контроля со стороны народа над властью. По крайней мере, короткая эпоха парламентской демократии закончилась у нас уже в октябре 1993 года. С тех пор у нас появились партии, которые имеют право на власть, и партии, которые, как КПРФ, ни при каких условиях не будут допущены к власти. Какой смысл в президентских выборах, когда действующий президент называет имя того, кому он передаст власть, и использует всю силу своего административного ресурса, чтобы исключить какой-либо сбой в процессе передачи власти или имитации власти.

Объяснение этим странностям нашей политической системы, на мой взгляд, надо искать в парадоксах нашей антикоммунистической революции. Если вы, к примеру, сравните то, что произошло с нами, с тем, как описывали грядущие и ожидаемые политические перемены наши последние русские мыслители, оказавшиеся после Гражданской войны в изгнании, то вы, как мне кажется, доберетесь к корням, истокам наших нынешних странностей. Все дело в том, что на самом деле и в идеологии нашей контрреволюции, и в механизмах ее осуществления с самого начала было много ложного, поддельного. На самом деле наша антикоммунистическая революция совершалась под коммунистическими, по сути большевистскими лозунгами, лозунгами борьбы с „империей“, борьбы за подлинное равенство, борьбы с привилегиями „номенклатуры“ и т.д.

247

Глава 4. *Победы и поражения сознательного патриотизма*

Мы строили демократию путем нарушения Конституции, законности, путем забвения волеизъявления народных масс. Беловежские соглашения перечеркнули результаты мартовского референдума 1991 года. Всенародно и демократически избранный Съезд народных депутатов СССР был распущен во имя ускорения захвата Ельциным Кремля. Во всех этих случаях главным мотивом осуществляющихся перемен была не деком-мунизация страны, а захват власти теми, кто оказался в силу ряда причин вне „аппарата“, и при этом народ все время оставался в роли статиста, наблюдающего за борьбой между „аппаратчиками“ и „демократами“. Никакой антикоммунистической революции или контрреволюции на самом деле у нас не было. Мы в действительности были свидетелями борьбы между наследниками идеи подлинного, марксистского социализма с теми, кто считал себя наследником сталинских свершений. А они, все авторы, которых мы любим сейчас цитировать — и Николай Бердяев, и Петр Струве, и Иван Ильин, — рассчитывали, что у нас будет все по правилам, что победа над коммунизмом, над красными будет победой новых белых, что иначе, как под белыми знаменами, нельзя штурмовать большевистский строй.

Коммунизм не был сметен, как полагал, к примеру, известный русский историк Николай Алексеев, восставшим „голосом русского народа“, не был сметен возрождающимся духом русского православия, проснувшейся веры в Россию, как надеялись в свою очередь и Николай Бердяев, и Иван Ильин. Он погиб в результате разборок между различными отрядами внутри КПСС.

Сам русский народ в широком смысле этого слова, то есть прежде всего население наших славянских республик — и РСФСР, и УССР, и БССР — не принимал никакого

участия в сломе советской системы, в борьбе с ней. Национального, организованного русского сопротивления коммунистической системе, по крайней мере после войны, практически не было. Был бунт одиночек-студентов, пытавшихся, как Леонид Боро-

248

4.7. Парадоксы нашей антикоммунистической революции

дин, создавать группы духовного, православного сопротивления. Был бунт одиночек, кто во имя России порывал с советской системой и с советской жизнью и уходил, как, к примеру, студент философского факультета МГУ Андрей Кураев, в духовные семинарии. Но национального, русского, массового сопротивления коммунистической системе ни в 40-е, ни в 50-е года, ни позже, не было. Так называемая „русская партия“, возникшая в конце 1960-х в недрах издательства „Молодая гвардия“, не была ни антикоммунистической, ни национальной в строгом смысле этого слова.

„Русская партия“, как показали события, вместо силы, организующей русское антикоммунистическое сопротивление, попыталась летом 1991 года стать штабом консолидации всех просоветских сил. Все произошло в полном противоречии со сценарием контрреволюции, созданном в двадцатые нашими русскими мыслителями.

Почвенническая интеллигенция, как я уже писал, все советские писатели, не стесняющиеся себя называть „русскими писателями“, и прежде всего Валентин Распутин, Василий Белов, Юрий Бондарев, в минуты роковые стали на защиту советского строя и советской системы. А советская, шестидесят-ническая интеллигенция, которая, как черт лаdana, боялась, сторонилась и российского православия, и „русского духа“, как раз и возглавила борьбу против советской системы и обрушила в конце концов все политические и идейные основания страны Советов.

Русские мыслители в изгнании, все без исключения, полагали, что советская система будет сметена волной пробуждающегося российского патриотизма. На рост так называемого „почвенного патриотизма“, на появление „истинных“, умных патриотов возлагал свои надежды глашатай и певец грядущего „антикоммунистического восстания“ в России Иван Ильин. Но у нас, как оказалось, накануне распада СССР „патриоты-почвенники“ оказались самыми последовательными защитниками советского строя. Смешными на фоне того, что про-

249

Глава 4. Победы и поражения сознательного патриотизма

изошло в России в 1991 году, выглядят советы Ильина лишить избирательного права не только тех, кто состоял в компартии, но и тех, кто „служил ей“. На самом деле бывшие коммунисты, подлинные ленинцы, сыграли решающую роль в переменах 1991 года. В жизни, на практике разламывали советский строй те, кто полагал, что русский патриот по определению является негодяем и антисемитом, кто видел в так называемом российском государственничестве своего главного врага.

Вера в коммунизм и в марксизм действительно, как и предполагали пророки грядущей контрреволюции, очень быстро в народе иссякла. Но видит бог, на ее место, на место коммунистической веры, даже если она у кого-то была, не приходило ни православие, ни русское национальное самосознание, ни вера в матушку-Россию. Накануне распада СССР не произошло ни „духовного самоочищения“, ни „изживания“ коммунистических установок и страстей, с которыми связывал грядущую контрреволюцию Иван Ильин. Накануне распада СССР не была изжита в русском народе и наша традиционная любовь к „максималистам“ и „доктринерам“. А Георгий Федотов, к примеру, свято верил, что русский народ „вернется на свою землю“, с „сыновней любовью приникнет к ней“, когда поймет, что „всякий максималист есть убийца“. Напротив, антикоммунистическая революция 1991 года была совершена как раз максималистами и доктринерами, теми, кто обещал чудо, обещал невозможное. Наша так называемая августовская 1991 года демократическая революция была не просто праздником максималистов и популистов, но еще и праздником демагогов, просто шарлатанов.

Интересно, что присутствие на политической сцене шарлатанов по мере увядания нашей демократической революции не уменьшалось, а напротив, увеличивалось. Кстати, коммунизм в России умер не потому, что советская интеллигенция избавилась от родовых травм дореволюционной российской интеллигенции, от привычки мыслить „отвлеченно“, формально, уравнительно, от „идеализации чужого, не понимая его“, от привычки предаваться поли-

250

4.7. *Парадоксы нашей антикоммунистической революции*

тическому и хозяйственному „максимализму“, требуя во всем „немедленно наилучшего и наибольшего“ (Иван Ильин), а напротив, потому, что она так и не научилась мыслить конкретно, не научилась изучать жизнь и характер своего народа. Сама идея горбачевцев соединить ленинско-сталинский социализм с демократией, свидетельствует о том, что у перестройщиков было столь же мало развито чувство реальности, как и у вождей февральской революции.

Видит бог, никто из последних гениев земли русской не мог предвидеть, что систему будут разрушать ленинцы, борцы за „коммунистическую справедливость“ во имя „подлинного ленинизма“, во имя „подлинного Маркса“. Никто из них не мог предвидеть, что именно идеалы социализма окажутся могильщиками коммунистической системы, что советский строй будет разрушаться под знаменем ленинизма во имя настоящей „коммунистической справедливости“. Их надежды, что отрезвевшие от вина марксизма лидеры советской системы, „сознательное“ и „трезвое“ меньшинство, как они говорили, большевистской партии вернется к идеалам Святой Руси, оказались в вопиющем противоречии с действительностью реальной русской контрреволюции. Существует легенда, что к идеалам Святой Руси хотел вернуться ленинградский лидер Романов, но, как известно, Ю. В. Андропов сделал все возможное, чтобы закрыть ему дорогу к власти. Лично я не верю, что кто-нибудь из бывших учеников Политбюро ЦК КПСС, придя к власти, мог открыто посягнуть на идеологическую легитимность СССР. В открытую не сделал этого и реформатор Горбачев. Обращает на себя внимание, что симпатизирующий „русской партии“, литераторам-почвенникам Егор Лигачев был и остается ортодоксальным ленинцем. Лигачев активно, как рассказывал мне мой однокурсник, его правая рука Валерий Легостаев, поддержал публикацию в „Советской России“ письма Нины Андреевой „Не могу поступиться принципами“ (март 1988 года), он защищал и сталинскую коллективизацию, и косвенно — сталинские репрессии. Советский

251

Глава 4. *Победы и поражения сознательного патриотизма*

русский национализм, вопреки прогнозам наших философов, был не белым, а ярко-красным. И в этом также состоял парадокс нашей якобы антикоммунистической революции. Советские почвенники видели в обильном и безбрежном кровопускании нашей революции, в „ярости народной“ высшее проявление русского духа. Подобной метаморфозы российского патриотизма не смог предвидеть ни один русский мыслитель в изгнании. Идеология нынешней КПРФ, выросшая из красного почвенничества, находится за пределами мыслимого и для Бердяева, и для Ивана Ильина. Хотя был же Устрялов с его восторженным отношением к Ленину, были же „красные патриоты“ времен гражданской войны, был „красный патриотизм“ Троцкого, затем Сталина [174].

В действительности ни один из перестройщиков, ни тем более их лидер (знаю это точно) не нес в своей душе никаких идеалов Святой Руси, идеалов православия. Хотя и Горбачев, и Александр Яковлев были крещены в младенчестве. Если они и были государственники, то в советском смысле этого слова. По крайней мере среди идеологов и архитекторов перестройки не оказалось ни одного почвенника, ни одного из тех, кто принадлежал бы к партии „Молодой гвардии“ и „Нашего современника“. И Михаил Горбачев, и Вадим Медведев, и Наиль Биккенин, то есть подавляющее большинство людей, оказывающих влияние на Горбачева, разрабатывающих идеологию перестройки,

были убежденными марксистами, были левыми, более того, убежденными атеистами. А совершили антикоммунистический переворот, отменили и партию большевиков и КГБ, а потом и советскую систему, политики, не просто не имеющие никаких представлений об идеалах „Святой Руси“, но и враждебные и самой Руси как православной стране, и самой России как „империи“.

Справедливости ради надо сказать, что, к примеру, Георгий Федотов уже в тридцатые, в эпоху Сталина, иронизировал по поводу своих собственных представлений десятилетней давности о путях изживания коммунизма в России. Георг-

252

4.7. Парадоксы нашей антикоммунистической революции

гий Федотов во второй половине двадцатых (как и Николай Бердяев в своей работе „Новое Средневековье“, написанной в этот же период) связывал свои надежды на будущее, на скорое избавление от большевизма тоже с христианизацией населения коммунистической России. Георгий Федотов в своей статье „Новая Россия“, написанной вскоре после бегства на Запад в 1925 году, обращает внимание, что „за последние годы церковные настроения среди рабочих растут“. Обращает внимание, что к прошедшей через аскетическое очищение РПЦ „возвращается значительная часть интеллигенции“.

Но все эти „образы“ оздоровления коммунистической России, пишет Георгий Федотов, очень скоро, после начала сталинской коллективизации, „отошли в историю“. „Едва начали проявляться дороги, — пишет он в работе 'Проблемы будущей России', — ведущие в туманное будущее, — и вот опять 'занесло тебя снегом, Россия'. Избави Бог публицисту пророчествовать, а тем более — о России" [175].

Хотя и здесь, в работе, написанной в тридцатые, Георгий Федотов связывает свои надежды на будущую антикоммунистическую контрреволюцию и с возрождением „мощного национального чувства“, и с возрождением „религиозного чувства в духовной элите, принадлежащей ко всем классам общества" [176].

Интересно, что Бердяев даже в 1947 году, когда Россию, вопреки ожиданиям, снова, в какой уже раз после 1917 года начинает заносить снегом, продолжает верить в духовное, в религиозное обновление России и в возрождение того же национального чувства.

Абсолютно все русские писатели, живописующие в своих трудах образ грядущей контрреволюции, полагали, что „сыны“ или „внуки“ большевистской революции будут делать ставку на „иное“, на „начала, отличные и от тех, что господствовали до революции, и от тех, что господствуют в самой революции“. Никто не видел, что у нас на самом деле все в советской России будет по-другому, сначала „иным“ будет

253

Глава 4. Победы и поражения сознательного патриотизма

подлинный Ленин, и только потом, спустя пятнадцать лет „иным“ будет перезахоронение останков Николая II и его матери, Марии Федоровны в Санкт-Петербурге.

И этот момент, на мой взгляд, является ключевым в понимании особенностей антибольшевистской контрреволюции от классических контрреволюций эпохи становления буржуазии. Здесь, как было не только в СССР, но и во всех социалистических странах Восточной Европы, сначала уходят от реального социализма к идеальному социализму. В Чехословакии в 1967-1968 годы к „социализму с человеческим лицом“, в Польше в 1980-1981 годы — к „социализму с польской грядки“. У нас в конце XX века не контрреволюционеры, а фундаменталисты, поклонники Октября, создают легальную оппозицию, то есть во имя идеала начинают расшатывание построенного социализма. И кстати, в отклонении от классической контрреволюции, была своя хитрость. Прямая контрреволюция, то есть восстание, предполагает риск, мужество, готовность умереть. Но людей, готовых сесть в тюрьму, все потерять, а тем более умереть во имя свободы от коммунизма, по понятным причинам никогда не было много. А косвенная

контрреволюция, то есть борьба за „подлинные идеалы“ коммунистической справедливости, как это делал Ельцин, дает возможность вполне легитимно существовать в рамках системы. Впрочем, и мы, обществоведы конца 60-70-х годов, делали то же самое, опровергали Маркса, революционера, создателя учения о диктатуре пролетариата и пролетарской революции, его же словами, правда, словами „молодого Маркса“ о всесторонне и гармонично развитой личности, о „коммунизме как подлинном гуманизме“. Кстати, никто из русских писателей, кто пытался себе вообразить образ, путь освобождения России от коммунизма, не мог даже себе предположить, что к гуманизму Россия снова будет возвращаться через раннего Карла Маркса, к гуманистическим источникам его учения, а к свободе — через идеалы и ценности современной западной цивилизации наслаждений, которые якобы несовместимы с русской

254

4.7. Парадоксы нашей антикоммунистической революции

душой. Последние русские мыслители, повторяю, лучше нас чувствовали, понимали „дороги России“, но, видит бог, как на самом деле мало дано „познающему разуму“ знать о том, что сокрыто в дне грядущем. Уже в самом будущем сокрыта мистика человеческого бытия и человеческой истории, побуждающая верить в сверхъестественные начала всего существующего. Кстати, и сегодня, когда я пишу этот текст, накануне 2 марта 2008 года, как мне кажется, рождается много мистики, которая снова удивит Россию и род человеческий. Надо понимать, что будущее, как появление того, чего нет сейчас, в принципе непознаваемо. Ибо если будущее есть продолжение настоящего, то оно уже есть не будущее, а продолжение настоящего.

Так и не удалось увидеть народным массам „духовную порочность“, „сатанократическую природу социализма“ даже накануне, как многим казалось, преждевременной его смерти. А Николай Бердяев верил, что большевизм в России умрет, когда русский народ узрит в большевистском социализма образ сатаны [177]. Не было к моменту гибели советского строя ни „духовного углубления“, ни „внутреннего очищения“, которые тот же Бердяев рассматривал как духовные предпосылки грядущей контрреволюции, грядущего избавления России от коммунизма.

Парадокс русской истории состоит в том, что советскую систему и заодно СССР разрушили люди — все наши Гавриилы Поповы, Юрии Афанасьевы, Галины Старовойтовы, Леониды Баткины, — которые всех этих слов: „духовное углубление“, „моральное очищение“, „покаяние“, „сатана“ — вообще не знали. Вожди нашей антиаппаратной революции были продуктами советской системы, советского образования, они, как убежденные атеисты и марксисты, были не только вне мира христианской морали, но и вне всех традиционных проблем русской духовной культуры. Кто мне не верит, тот пусть прочтет семисотстраничный катехизис могильщиков советской системы, изданный под названием „Иного не дано“ (М.: Про-

255

Глава 4. Победы и поражения сознательного патриотизма

гресс, 1988). Никто из тридцати пяти авторов этого сборника, даже писатель Даниил Гранин, не поставил вопрос о покаянии и нравственном очищении. Зато как пафосны в этом сборнике призывы Андрея Нуйкина к коммунистическому самоочищению, призывы чистить себя под Ленина.

Коммунизм у нас погиб и не от религиозного преображения русского народа, и не от полного и окончательного разлада русского человека и русского общества с советской системой, а из-за наивности и легкомысленности его последних вождей, решивших совершить невозможное, то есть соединить ленинско-сталинский социализм со свободой и с совестью. Коммунизм, строго говоря, погиб не от возвращения к высотам культуры, а из-за неизбежной в тоталитарной системе деградации общественной мысли, из-за утраты, как я уже сказал, у российского интеллигента чувства реальности. Ленин и Троцкий прекрасно понимали, что идеалы рабочей демократии несовместимы с тем обществом,

которое они строят, а потому поставили крест на так называемой „рабочей оппозиции" во главе со Шляпниковым. А Горбачев начинает свое „генеральство" в КПСС с возвращения к идеалам рабочей демократии, с возрождения практики выборов директоров. Для понимания качественных особенностей нашей контрреволюции, понимания идейных особенностей новой России важно знать, что до конца XIX - начала XX века никто в России не допускал гибели России как государства и общественного организма. Grimасой нынешнего праздника свободы — а он действительно является праздником, по крайней мере для многих — является распространение сомнения в возможности сохранения России. За последние три года я прочитал десятки открытых лекций в молодежных аудиториях, по преимуществу студенческих. Но поражает, что даже среди патриотической, прокремлевской молодежи всегда меня спрашивают об основании моей веры в будущее России, в то, что она сохранится. В любой открытой студенческой аудитории — и в Томске, и в Туле, и в Ярославле, и, естественно, в Моск-

256

4.8. *Могла ли сохраниться «русская душа»*

ве — на каждый десяток задаваемых тебе, лектору, вопросов один-два обязательно продиктованы сомнениями в возможности сохранения России и как социума, и как независимого государства. „А сохранится ли Россия вообще?"

И Семен Франк, и Николай Бердяев, и Иван Ильин полагали, „что русская революция есть величайшая катастрофа — не только в истории России, но и в истории всего человечества". Но поразительно, что никто из них не делал очевидных, само собой напрашивающихся выводов из их оценки Октября как национальной катастрофы. Если Октябрь есть катастрофа, по крайней мере гибель старой, для них и для меня „нормальной России", „нормальной жизни", то какие гарантии, что она после этой катастрофы выживет? Но вместо серьезного анализа разрушительных для российского духа последствий советизации страны они все настойчиво декларировали веру в Россию и в ее будущее. Лозунг „ЕР" „Верим в себя и в Россию" имеет эмигрантское происхождение.

Хотя на самом деле сам по себе лозунг „Отечества", а потом „ЕР" „Верим в себя и в Россию" свидетельствует о дефиците этой веры у населения.

4.8. **Могла ли сохраниться „ русская душа" после уничтожения „ русского народа"**

Интересно, что саму возможность полной и окончательной гибели и России, и русского народа ни один из русских мыслителей начала XX века не допускал. Никто из них при всей диалектичности их мышления даже не предполагал и наличия той ситуации, в которой мы сейчас оказались, не видел того, что само по себе освобождение и от советской политической системы, и от многих очевидных глупостей марксистской идеологии само по себе не ведет — ни к росту морали, ни к гражданской активности, ни к производственной активности. Этот, самый страшный, но самый вероятный вариант,

9-3921

257

Глава 4. *Победы и поражения сознательного патриотизма*

то есть окончательная гибель и русского духа и русского национального сознания в рамках советской системы и советской истории, ими не принимался во внимание.

Кстати, не могу не обратить внимание на то, что вся наша избирательная двухходовка конца 2007 - начала 2008 годов, направленная на укрепление „преемственности власти" и сохранение „курса Путина", вопреки всему оживила эти эсхатологические настроения в России, разговоры о конце России. Косвенным свидетельством тому — трудно объяснимая паника по поводу грядущей деноминации рубля, нового дефолта. И в этом парадокс нынешней ситуации. С одной стороны, небывалый в истории России бум индивидуального строительства, а с другой стороны — сохранение традиционных для России катастрофических настроений.

Я, наверное, не прав, когда говорю, что русские мыслители в изгнании не видели все негативные, разрушительные последствия социалистической переделки и российского

уклада жизни. Иван Ильин, пережив смерть Сталина, в своем публицистическом завещании „Наши задачи“ провел блестящий анализ всех негативных, разрушительных для души человеческой последствий советского образа жизни, разрушительных последствий левого, коммунистического тоталитаризма. Он обращает прежде всего внимание на „искоренение независимых, лучших характеров в народе, в результате социалистического строительства и утверждения нового тоталитарного уклада жизни“. Об этом, на что я уже обращал внимание, говорил Путин в своей речи в июне 2007 года во время открытия в Бутово мемориала жертвам сталинских репрессий. Далее, все русские мыслители в изгнании видели, что большевизм на самом деле есть соединение политики с уголовщиной, а потому есть моральное оправдание уголовщине. „Добро есть то, что полезно революционному пролетариату, зло есть то, что ему вредно“, „Революции позволено все“. Было видно даже из-за границы, что советская экономика, выросшая на основе экспроприации, т. е. грабежа, провоцирует расхищение госу-

258

4.8. *Могла ли сохраниться «русская душа»*

дарственной собственности, самовознаграждение за неоплаченный труд. Коллективизированный крестьянин „от голода крадет свою собственную курицу“. То есть кража — „самопроизвольное самовознаграждение“ за бедлам в экономике, становится нормой. Иван Ильин видел, что так называемые „несуны“ (термин брежневской эпохи) станут составной частью советской экономики, что кража государственного выходит за рамки моральной оценки как деяние справедливое.

Было понятно, что жизнь в условиях социализма, тем более долгая, растянувшаяся на несколько поколений „угашает частную инициативу“, укрепляет и без того сильную, характерную для русских пассивность, созерцательные настроения. Социализм укрепляет и без того сильные в русском народе уравнилельные настроения, веру в то, что задача состоит только в том, чтобы „взять“ у других собственность и „справедливо распределить“. Было очевидно, что в условиях советского строя и без того слабое чувство свободы и чувство собственного достоинства „угаснет, ибо в рабстве выросли целые поколения“. Было видно, что на самом деле советский человек болен душой, ибо ему внушили, что его безумный, противоестественный строй есть высшее достижение человеческой цивилизации. У него появляется „гордыня собственного безумия и иллюзия преуспевания“. Отсюда „трагическое самомнение“ советского человека, его „презрительное недоверие ко всему, что идет не из советской, коммунистической России“.

Иван Ильин понимает, что ко всем негативным последствиям эпохи коммунизма, к увяданию правосознания, к советской нищете и неустроенности быта, к „отвычке от самостоятельного мышления“, к „укоренившейся привычке бояться, воровать“, привычке к „пресмыкательству“ добавятся старые русские духовные болезни, которые обеспечили победу большевикам, добавится „шаткость нравственного характера“, „отсутствие творческих идей“, „утрата русских органических и священных традиций“, „отсутствие политического опыта,

259

Глава 4. *Победы и поражения сознательного патриотизма*

чувства реальности, чувства меры, патриотизма и чувства чести у народных масс“.

И тогда возникает вопрос, на который до сих пор трудно найти ответ: если на выходе из советской эпохи русский народ в своей массе будет в духовном отношении слабее, чем дореволюционный русский народ, если на выходе мы получаем маргинализированный и в вопросах чести, и в вопросах веры, и в вопросах патриотизма российский народ, то на чем основана вера того же Ивана Ильина в достойное будущее нашего народа? Откуда возьмутся те „лучшие люди страны“, те „искренние патриоты, государственно мыслящие, политически опытные, человеки чести и ответственности“, которые, как он надеялся, будут править в новой России, свободной от коммунизма? На чем основана его вера, что, несмотря на все вызванные коммунизмом разрушения

личности и духа, „омрачение пройдет и духовные силы воскреснут"? На чем основана вера Ивана Ильина, что „не иссякли благие силы русского народа, что не оскудели в нем Божий дары"?

И здесь мы приходим к выводу, что даже лучшие умы России, оказавшиеся вне страны, в основе всех своих прогнозов об освобождении страны от коммунизма, о духовном преодолении коммунизма имели веру в чудо, веру в божественный промысел, который якобы воскресит духовно мертвую коммунистическую Россию, как Иисус воскресил через четыре дня после смерти библейского Лазаря.

Понятны причины, закрывающие от глаз пророков грядущей контрреволюции худшие сценарии русской судьбы. Не мог ни один русский человек, оказавшийся в эмиграции, допустить мысли, что его Родина обречена, что, в сущности, никакой надежды для него нет ни сейчас, ни в будущем.

По этой причине никто из них — ни Николай Бердяев, ни Иван Ильин, ни Николай Алексеев — не делал очевидных фактов из гибели не просто старой России, русской цивилизации, но и всех без исключения классов российского общества. „В России, — пишет Николай Бердяев, — разрушена структу-

260

4.8. *Могла ли сохраниться «русская душа»*

ра социальных классов... Нужно отдать себе отчет в том, что в России сейчас все классы уничтожены, кроме крестьянства. Дворянства и буржуазии как социальных классов в России больше не существует. Коммунистические революции уничтожили попутно и рабочий класс" [178].

Об этом же, о „классовом самоубийстве старой России", пишет и Иван Ильин. „Русская революция есть редкий случай классовых самоубийств. Началось с революционно-демократического и пассивно-непротивленческого самоубийства буржуазии и интеллигенции. Затем дошла очередь до крестьянства... И параллельно идет самоубийство рабочего класса, опускающегося до состояния индустриального рабства и безработной черни. Бедная Россия" [179].

И об этом же Николай Алексеев: „Нет тех классов, на которых строилась империя, нет тех служилых людей, которыми она приводилась в движение" [180].

Речь шла не просто об уничтожении „старых классов", а об уничтожении всех самодеятельных, культурных классов, на которых держалась и духовная, и производительная жизнь старой России. К началу тридцатых уже не осталось ни производительного крестьянства, ни русского духовенства, ни русских предпринимателей.

И вот здесь возникает чисто методологическая проблема, которую не хотели видеть русские мыслители в изгнании и которая, на мой взгляд, приобретает особую актуальность сегодня, в новом русском веке. Согласно мысли Николая Бердяева, уже в 1922 году в России не была возможна никакая классическая реставрация, ибо ничего не осталось от старых классов, на которых держалось старое общество. Уже в 1922 году не было материальных, человеческих предпосылок для реставрации того, что было до 1916 года. В Россию пришел, как писал Бердяев, „новый слой, не столько социальный, сколько антропологический слой" [181].

Но если в России, как утверждали идеологи грядущей контрреволюции, не было человеческого материала для ре-

261

Глава 4. *Победы и поражения сознательного патриотизма*

ставрации политической и социальной, то откуда мог взяться человеческий материал для желанного ими духовного очищения и религиозного возрождения, для катарсиса, сильного покаяния. Откуда мог взяться подлинно „русский голос", с которым связывал политические реформы в посткоммунистической России Николай Алексеев? Откуда мог взяться тот чистый, духовный патриотизм, к которому призывал Иван Ильин?

На поверхности лежал и до сих пор лежит важнейший философский и

одновременно практический вопрос, который упрямо не видели русские мыслители в изгнании. Меняется ли так называемая „русская душа“, если от реальной русской нации мало что осталось, разве что дети беднейшего крестьянства и дети рабочего класса. Можно ли говорить о „русском народе“ в старом смысле и „великой русской душе“ в старом смысле, после уничтожения всех классов, которые в русской истории культивировали и выражали русскую духовность. Я лично не знаю ответов на эти сложнейшие вопросы. Но поражает, что такие серьезные мыслители, как Николай Бердяев, Семен Франк, Иван Ильин и другие, никогда всерьез не исследовали духовные последствия „самоубийства“ всех русских классов. Кто будет инициатором духовного покаяния, духовного возрождения? Такой вопрос они перед собой не ставили.

Никто из них не попытался сделать сами собой напрашивающиеся выводы из наблюдаемого ими факта гибели, разложения дореволюционной русской нации, дореволюционного народа. Если, как они точно предвидели, процесс изживания большевизма и большевистской системы будет длительным, то из этого следует, что к моменту гибели русского коммунизма произойдет и перерождение самой русской нации, русского народа. Легко вернуться после духовной встряски в православие, в лоно церкви тем, кто родился и воспитывался в дореволюционной православной России. *Но ведь* тем поколениям, которые выросли и воспитывались в советской,

262

4.8. *Могла ли сохраниться «русская душа»*

атеистической России, совершить подобный духовный подвиг будет неизмеримо труднее. Не только из-за страха стать непохожим на других, но просто из-за неведения, отчужденности от Церкви, от религии, от веры. Ведь мы пережили христи-анофобию, выкорчевывание христианских корней из жизни, даже из архитектуры задолго до нынешней христианофобии, которая обуяла даже католические Испанию и Португалию. Кстати, владыка Кирилл прав, когда говорит, что сегодня мы можем быть полезнее современной Западной Европе, чем они нам. Своими уроками государственного атеизма мы можем показать, какими духовными разрушениями чревата любая хри-стианофобия.

Николай Бердяев практически во всех своих работах, посвященных анализу большевистской революции и социалистического строительства, описывает, как на место старого русского человека приходит новая раса людей, людей энергичных, но жестоких, озлобленных, людей, „пришедших снизу“, а потому чуждых традициям русской культуры, традициям рефлексии, работы ума, приходит раса людей, для которых главным делом было очищение своей жизни от всего русского, и прежде всего русской православной культуры.

Но одновременно тот же Николай Бердяев до конца жизни надеется на возрождение русского чувства, на внутренний импульс, идущий от „внутренних процессов в русском народе“. Ведь если меняется в тридцатые годы русский человек, на что обращали внимание все русские философы, наблюдающие из эмигрантского далека за ходом социалистического строительства, меняется наиболее активная часть общества, то не может не измениться сам народ. Но, к примеру, Николай Бердяев всегда говорит о русской нации, о русском народе вообще, не принимая во внимание наблюдаемый им процесс превращения русского человека в советского.

Не могу в этой связи еще раз не сказать, что меня просто пугает упрямство и настырность новых русских консерваторов. Речь идет о создателях „Русской доктрины“ и „Русского

263

Глава 4. *Победы и поражения сознательного патриотизма*

проекта“, которые в духе славянофилов живописуют нам в своих прогнозах на полном серьезе русского человека, устремленного к Богу и равнодушного к мирской суете. Этого человека не было уже в 1917 году. А что осталось от русской породы людей теперь, после красного террора, после коллективизации, после сталинских репрессий

конца 30-х годов, после войны, которую мы выиграли во многом из-за того, что не боялись потерь! „Народа-богоносца“, которому поклонялись русские консерваторы последней трети XIX века, у нас не было к моменту революции 1917 года.

На самом деле сегодня Россия всего лишь является страной, где на части бывших территорий исторической России продолжают жить люди, говорящие на русском языке и считающие себя русскими! Это, конечно, очень много! Сосуд русского духа остался. И даже, скорее всего, существует желание к чему-то прислониться в своей национальной истории. Но как я пытался показать, сейчас, как и девяносто лет назад, многие предпочитают легкий, простой путь обретения Родины. Работать душой на этом пути приобщения к Родине мало кто хочет. Наверное, мало кто может.

И тут, кстати, было глубинное противоречие в самом мышлении глашатаев грядущей русской контрреволюции. С одной стороны, они обращали внимание на начавшийся у них на глазах процесс ускоренного обуржуазивания, индивидуализации, атомизации русского патриархального человека в рамках коммунистической формации. Понятно, что вечный страх за свою жизнь при Ленине и Сталине сам по себе обострял животный эгоизм, желание сохранить себя любой ценой, любыми средствами. Но в то же время русские философы в изгнании, вопреки фактам, вопреки тому, что они сами наблюдали и видели, делают ставку прежде всего на духовное возрождение народа. „Русский вопрос, — пишет тот же Бердяев, — *есть прежде всего духовный вопрос*. Вне духовного перерождения Россия не может быть спасена" [182].

Заключение

Тот сознательный, духовный патриотизм, предполагающий развитую, религиозную душу, христианское восприятие ближнего, которому учили и Петр Струве, и Иван Ильин, воплотить в жизнь сейчас в чистом виде невозможно. К этому выводу меня привел предшествующий анализ природы и возможностей российского патриотизма. Дореволюционный духовный сознательный патриотизм умер вместе со старой Россией. Сознательный российский патриотизм российских мыслителей в изгнании — патриотизм Петра Струве, Николая Бердяева, Семена Франка, Ивана Шмелева, Ивана Ильина — как состояние души умер вместе с их смертью. В конце концов, и старая, православная Россия, и все, что сейчас называют „русской цивилизацией“ как особым миром чувств, переживаний, умерли без остатка в ходе революции и последующего социалистического строительства. Конечно, что-то от старого русского народа осталось, и прежде всего психология и строй мира тех, кто победил, психология беднейшего крестьянина, пролетария, какой-то части мещанства. Но на самом деле мы имеем сейчас дело и с новой Россией, и с новым русским народом, и с каким-то новым, стихийно возрождающимся русским патриотизмом.

Несмотря на все разговоры о преемственности, мы имеем дело с разрывом истории, с гибелью старой России. Но означает ли все сказанное выше, что на самом деле тот образ сознательного, духовного патриотизма, который все же, как мне кажется, живет в моей душе, хотя я родился и вырос уже в советской России, всего лишь очередная русская утопия, очередной, на этот раз все же культурнический, западнический идеал? И да, и нет!

265

Заключение

Сегодня, как и двадцать лет назад, очень мало людей в России, кто бы нес в своей душе одновременно и христианский идеал свободы духа, и сознание самоценности нашего государства российского. Пока что описанные выше попытки соединить ценность государственничества с осознанием самоценности каждой человеческой личности, ее жизни и прав, не принесли успеха, не стали массовой психологией. Снова у нас торжествует равнодушие к „чужой“ человеческой жизни, даже к жизни своих предков, торжествует старое русское, советское „лес рубят — щепки летят“. Бережное отношение к России, сосуществующее с желанием очистить ее от греха изуверств крепостников, от грехов царей-душегубов, от преступлений большевиков, все же не развито в массах.

Реставрация спустя без малого сто лет мира частной собственности и частного предпринимательства привела к возрождению такого безумного индивидуализма и эгоизма, которого христианская Европа не видела никогда. От чудовищного эгоизма и полная утрата моральных чувств, отсутствие сострадания к мукам тех, кто жил до нас, равнодушные к судьбе мучеников ГУЛАГа, к жертвам коллективизации и т. д.

Но с другой стороны, нельзя не видеть, что даже у этих „страшных эгоистов“, успешных людей новой России видна привязанность к своей стране, сопереживание ее новым успехам, даже в малом. Так вот. Я думаю, что сегодня мы прежде всего будем иметь дело с патриотизмом, который идет от эгоизма и индивидуализма, от осознания чаще всего на своем личном опыте, что все же дома, в „посконной“ России жить лучше, ибо на чужбине все равно ты всегда будешь „чуждой“, упругой“. Не надо забывать, что у любого нормального, духовно развитого человека со временем просыпается понимание того, что твоя собственная ценность как русского человека во многом связана с ценностью, достижениями и победами твоей страны, России, а потому логикой своего собственного духовного развития ты должен защищать и достоинства и достижения своей страны.

266

Заключение

Патриотизм сегодняшний — не мода, как пишут некоторые российские идеологи российского либерализма, а элементарное требование, духовное, моральное требование нынешней эпохи полного, тотального разочарования и в революциях, и в революционерах. Мы уже в конце девяностых начали вступать в эпоху „собирания камней“. Только наши уже явно сумасшедшие либералы не могут понять, что население Российской Федерации уже полностью и окончательно устало от перемен и потрясений, устало от радикалов с их призывами „рушить все до основания“, что люди сейчас ищут что-то стабильное, прочное, чему можно довериться. И нет у человека, который чувствует себя русским, никакой другой прочной опоры, кроме веры своих предков, оставшегося нам в наследство православного мира с праздниками и сознания принадлежности к государству, имеющему тысячелетнюю историю.

А в принципе, почему должно быть по-другому, почему, если человек вырос в России, живет в России, дышит ее воздухом, связывает с ней всю свою жизнь, свое будущее, он должен поступать по-другому, должен изменять душой своей Родине? Не каждый способен на подвиг монашества во имя веры, во имя Родины. Но каждый, кто хочет жить полноценной духовной жизнью в России, просто обязан во имя себя найти точки соприкосновения с Родиной.

А почему должно было быть по-другому? Почему новое поколение русских, ставших на ноги в новой России, решивших жить и делать свою карьеру на своей Родине, не должны проникнуться к ней любовью, не должны заботиться о ее достоинстве, величии? Мне думается, что беда и демократов начала девяностых, и либералов начала нового, XXI века (часто — это одни и те же лица), состояла в том, что они мечтали свое во многом аномальное, негативное отношение к России, ее истории, к ее духовным традициям сделать нормой, образцом для новых поколений.

Не получилось. Большевики хотя бы свою русофобию, свою ненависть к России как к „тюрьме народов“ компенси-

267

Заключение

ровали сказкой о коммунистическом рае. А какие духовные ориентиры могли предложить новым поколениям России ее новые либеральные хозяева?

Но нет худа без добра. Вместо планируемого либералами отторжения новых поколений от державной, имперской России, зародилось массовое, молодежное отторжение от них самих.

Наш молодежный консерватизм (и как теория, и как широкое общественное

движение) — это, в сущности, протест против изначального пораженчества нашей либеральной идеологии и либеральной политики. И совсем не случайно в „Манифесте” движения „Наши” так сильно дает о себе знать критика „пораженчества” старших поколений.

И не могут нормальные люди, не пораженные трупным ядом смердяковщины, добровольно расстаться с теми духовными радостями, которые дает человеку Родина, понятие „Отечество”, само ощущение близости, привязанности к тому, с чем была связана жизнь твоих предков, твоя жизнь, расстаться с правом любить свою Родину, гордиться ею, ее достижениями, святынями. Сама возможность обрести духовно свою Родину, открыть для себя радость патриотизма, является одним из главных прав личности.

Все дело в том, что идеологи либерализма, как я уже сказал, предлагали молодым не норму, а аномалию, самосознание, драму эмигранта, ищущего счастья на чужбине.

Конечно, не каждому дано обрести душой свою Родину. Человек может прожить всю свою жизнь на родной стороне и не вспылать любовью к ней — ни чувством, ни разумом.

Все дело в том, что для русского человека и выбор невелик. Или обрести душой свою Родину такой, какая она была и какая она сейчас, воспринять ее сердцем как свою Родину и народ российский, как свой народ, или мучиться мукой эмигранта в своей собственной стране. Ведь на самом деле это страшная пытка — жить и работать в России, и в то же время быть убежденным, как, к примеру, Альфред Кох, что русские от природы ничего не умеют, что вся русская история — это

268

Заключение

„история несвободы”, что сами русские не в состоянии ответить на вызовы истории.

Вообще, мне не повезло. Если бы мне удалось завершить работу над книгой два-три года назад, я бы вообще заканчивал ее на мажорной ноте и на то были и есть серьезные основания. Тогда, начиная с 2005 года, как грибы после дождя росли и самодеятельные, и рукотворные молодежные движения, вобравшие в себя сотни тысяч патриотически настроенной молодежи. И тогда я был убежден, что вопреки всем выше описанным слабостям и болезням русского национального самосознания в последние несколько лет, мы наблюдаем поистине взрыв патриотических чувств, осознание — и прежде всего в молодежной, студенческой среде — самоценности и своего национального государства, и *своего национального бытия*. Все это дает основание говорить, что инстинкт национального самосознания не совсем умер у народов России, у русских.

Точно как белое движение в свое время было патриотическим ответом на приход к власти большевиков, на их политику уничтожения „ситцевой России”, так и сейчас все возникающие в стране политические молодежные движения есть патриотический ответ на реальную опасность утраты национального суверенитета, на опасность иновласти.

Нации, совершившие революции, выживают потому, что в какой-то момент они спохватываются, обнаруживают ценность того, что они потеряли или не успели разрушить до конца. Особенность наблюдаемой нами патриотической революции состоит в том, что ее, как принято говорить, „движущей силой” являются молодые, дети перестройки в буквальном смысле этого слова, то есть те, кто в 1985 году под стол пешком ходил. Если в начале девяностых идейная инициатива принадлежала тем молодым, кто славил „поражения”, то середина первого десятилетия нового, XXI века принадлежит тем тридцатилетним, кто славит русские Победы, российскую духовность, традиции и ценности русской православной церкви.

269

Заключение

Традиционное словосочетание „хранители старины” даже не подходит для описания новой идейной ситуации. И этот парадокс — патриотический консерватизм

молодых — имеет объяснение. Советские люди могут сейчас славить только советское прошлое. Либералы-шестидесятники славят ленинскую гвардию, почвенники славят Сталина. И только новое поколение, сформировавшееся в свободной стране, свободное от советских шор и стереотипов сознания, в состоянии целиком, и умом и душой погрузиться и в течение русской мысли и в течение русской истории. Интересно, что сейчас многие студенты, с которыми мне довелось в последние годы беседовать и в Москве, и в Туле, и в Томске, рассматривают Октябрь и приход к власти как катастрофу, которая резко подорвала наши человеческие ресурсы российской нации, нашу конкурентоспособность. Итог всему плачевен, говорила мне дотошная студентка Оля в Туле. Теперь, спустя сто лет, мы учимся тому, что умели делать наши предки, учимся торговать, считать, учимся акционированию, ипотеке и т.д.

И Петр Струве, и Николай Бердяев в своем обращении начала 1920-х к молодежи России, освободившейся от коммунизма, призывали их чтить благочестие и духовный подвиг Сергия Радонежского. Молодые российские консерваторы, авторы „Русской доктрины“, спустя восемьдесят лет как бы в ответ называют свой труд „Сергиевским проектом“ в честь „игумена Земли Русской“, преподобного Сергия Радонежского. Как видно, нить русской национальной истории не оборвалась.

В конце 2005 года в Ипатьевском монастыре под Костромой, у экспозиции, посвященной истории воцарения Романовых на царство, нечаянно я подслушал рассказ экскурсовода-учительницы школьникам о „страданиях русской нации, пережившей марксистский эксперимент“. На протяжении своего десятиминутного рассказа эта учительница, простая, русская, до боли бедно одетая женщина несколько раз вспоминала о России „как нашем общем доме“, о нашей общей „русской судьбе“.

270

Заключение

Так я видел процессы духовного оздоровления России несколько лет назад и действительно тогда верил, что мы сможем избежать перерастания стихийного народного патриотизма в шовинизм, в национальное высокомерие, в антизападничество. Худшего не произошло. И сейчас я не вижу в молодежной среде каких-либо серьезных проявлений этнического национализма, расизма. Чего нет, того нет. Но смущает, что все же с каждым днем растет количество тех, кто ищет какую-то особую русскую национальную идею. Все же и молодое поколение легко соблазнить „национальной идеей“. У нас в молодежной среде — и в силу возраста, и в силу дефицита исторических, гуманитарных знаний — существует благодатная почва для укоренения проектного мессианизма. Патриотизм, конечно, предполагает мистику, нечто иррациональное. Но когда мутное сознание мистики становится хозяином души, даже образом жизни, то рассчитывать на что-то серьезное невозможно. Без трезвости в уме и душе ничего путного создать нельзя.

Опыт общения с молодежной аудиторией в последние полгода и даже опыт общения с молодыми депутатами Думы от „ЕР“ дают мне основание утверждать, что „перегибов“ в патриотизации населения нам не удалось избежать. Я всегда в своих лекциях о „сознательном патриотизме“ наблюдал сопротивление молодежной аудитории в той части разговора, когда я делал акцент на ответственности русского народа за все свои срывы и катастрофы, и прежде всего об ответственности русского народа за катастрофу 1917 года, за распад СССР. Как только ты начинаешь в своей лекции говорить молодым о тех описанных выше слабостях, изъянах души народа, которые вели к катастрофам, ты сразу же получаешь шквал вопросов о роли „врагов“, Запада и в распаде царской России, и в распаде СССР.

Надо осознать, что все названные выше авторы „красных“ проектов и нынешние проповедники русской избранности и русской исключительности знают об этих актуальных настроениях среди молодых и им откровенно подыгрывают.

271

Заключение

Раньше я почему-то не замечал опасность увлечения в молодежной среде книгами Александра Зиновьева, его проповедью антилиберального и антиправославного патриотизма. Но теперь очевидно, что и отказ от моральной оценки советской истории (особенно эпохи Сталина), и вера в особую русскую миссию, особый русский путь, и, соответственно, идейное антизападничество взаимосвязаны и находят себе место в настроениях уже нового русского племени.

И я думаю, что сегодня как раз наступил тот момент в посткоммунистической истории, когда власть должна вмешаться в этот все же стихийный процесс оформления мировоззрения и ценностей новой, молодой России. К счастью, национальный нигилизм, смердяковщина уже не представляют опасности для духовного здоровья новой России. Они сами себя медленно, но изживают. Либеральная русофобия сама себя уже изжила. Но, к несчастью, красное славянофильство, утопия российского избранничества, убеждение, что можно жить и „по-дурацки“, лишь бы по-русски, все же легко входит в душу молодых.

Мне думается, что сохранение для людей идеологического выбора не означает нейтралитет к проблеме добра и зла. На самом деле страна, испытавшая на себе насилие и изуверство нечеловеческой большевистской власти — и красный сталинский террор, и насильственную коллективизацию, — не может сохранять нейтралитет к идеологии, с которой связаны многие преступления против народов царской России. Речь, конечно, не о запрете на коммунистическую, марксистскую идеологию, тем более, не о запрете на нынешнюю КПРФ. Нельзя сбрасывать со счетов, что большевистская партия имела длительную историю — она была и партией насилия над крестьянством и образованными классами, и партией, организовавшей геноцид против русского казачества, и партией, которая под руководством Сталина обеспечила победу СССР над фашистской Германией, великую победу русского народа, которая сама, что очень существенно, освободила страну от коммунистического

272

Заключение

тоталитаризма, по собственной инициативе избавила человечество от холодной войны, угрозы термоядерной войны.

Нельзя оздоровить духовную и моральную ситуацию в России, избежать перерастания стихийного патриотизма в шовинистический без решительности и настойчивой декоммунизации России. Никогда ни совесть, ни стыд, ни добро не будут восстановлены в стране, где и красные и белые правы, где поклоняются одновременно и садисту-большевику Войкову и мученическому подвигу генерала Корнилова.

Или быть патриотом, любить Россию, или славить большевиков, славить Ленина и Троцкого. *Третьего не дано.*

В истории не бывает черных дыр, ни один период национальной истории нельзя выбрасывать, любой национальный опыт уникален, обладает самоценностью. Еще более очевидно, что необходимо сохранить уважение ко всем поколениям советских людей, к коммунистам по призыву сердца, которые жертвовали всем — здоровьем, жизнью, лишь бы была жива страна родная.

Но никакая преемственность исторического развития не в состоянии снять различия между добром и злом, между преступлением и наказанием. Никто никогда не оправдает красный террор 1918-1922 годов. Никто никогда не оправдает уничтожение миллионов людей во время советских голодоморов, никто никогда не оправдает политику разрушения национальных святынь, храмов, уничтожение на корню российского крестьянина-собственника.

Патриотами на самом деле были не те, кто разрушал храмы, топтал грязными ногами православный крест, а те, кто в эти страшные годы сохранил веру, стойкость, остался преданным русским святыням. Героями сегодня для нас должны быть не те, кто брал Перекоп, а те многие и многие русские православные священники, которые

мужественно защищали православие от большевистских бандитов, не ведающих, что они творят, которые шли на расстрел.

273

Заключение

Если российская цивилизация была самобытна, то она, следовательно, была жизнеспособна, обладала способностью к органическому саморазвитию. Мы с этим согласны. Но тогда надо признать ложным и ошибочным тезис наших коммунистов, того же Геннадия Зюганова, что без Октября, без Ленина и Троцкого наша Россия погибла бы.

Как совместить с идеей органичности и самодостаточности русской православной цивилизации проводимый в работах Геннадия Андреевича Зюганова тезис о том, что без большевистской модернизации, то есть без уничтожения традиционных российских классов с их традиционным образом жизни и мысли, Россию нельзя было спасти? Вообще трудно согласиться, что мы принадлежим к „неполноценной породе людей“, которая не умеет делать танки без того, чтобы отправить к Богу всех наиболее талантливых и одаренных своих представителей. Сначала уничтожили культурную и образованную Россию, вместо подлинных царских профессоров создали наспех „красных профессоров“, а потом начали культурную революцию. Абсурд!

Нельзя дальше жить по логике двойной морали, доказывать, что расстрел из танков Белого дома в октябре 1993 года является преступлением, а насилие большевиков над сотнями тысяч, миллионами невинных является благом. Коммунистическая двойная мораль ничем не лучше уже бывшей либеральной двойной морали.

И последнее. По моему убеждению, нельзя восстановить пошатнувшееся духовное здоровье российской нации, не вспомнив и об ответственности народа, и прежде всего русского народа, за его политический выбор, за его ставку на суверенитет РСФСР и на Ельцина. Может или не может русский народ стать самостоятельным творцом своей истории — вот вопрос, который стоит за проблемой оценки перестройки. Я обратил внимание, что все противники перестройки настаивают на том, что народ не понимал, не видел, что суверенитет РСФСР ведет к распаду СССР, а потому во всем надо винить не население

274

Заключение

РСФСР, а саму перестройку, которая поставила его перед этим выбором. Нельзя, на мой взгляд, не вспомнить, что с 1990 года главным творцом беды стало население РСФСР, и прежде всего население Центральной России, которое само, по собственной воле разрушило историческую Россию.

Устал и морально и физически от этих повторяющихся уже пятнадцать лет разговоров о том, что „мы не понимали, что означает суверенная РСФСР“, что все из-за „родимого пятна Горбачева, который продал страну американцам“ или который вместе с Маргарет Тэтчер с юности состоял в масонской ложе. Я глубоко убежден, что если такое мутное, сумеречное сознание сохранится, если народ будет верить, что всему виной родимое красное пятно Горбачева, то у России и у русских просто нет будущего. Многие авторы в последнее время обвиняют меня в неуважении к русскому народу. Они говорят, что все мои рассуждения о том, что наши беды от русского „авось“, от надежды на чудо, на халяву, от легковерия, от дефицита самостоятельного мышления, оскорбляют достоинство русского народа. Но я с этим категорически не согласен. Оскорбляют достоинство нашего народа многие так называемые славянофилы, которые говорят с ним, как с ребенком, несмышленищем, которые откровенно навешивают ему лапшу на уши своими рассказами о нашем „особом русском пути“, о нашей „великой русской миссии“ или о том, что он, народ, всегда может „восстать из пепла“. Не всегда. И об этом надо помнить.

Литература

1. Ильин И. А. О воспитании национальной элиты. М.: Библиотека МГПУ, 2001. С. 418.
 2. Радищев А. Н. Путешествие из Петербурга в Москву. М.: Детская литература, 1979. С. 8.
 3. См. об этом: Бердяев Н. А. Духи русской революции // Вехи. Из глубины. М.: Правда, 1991. С. 289.
 4. Цит. по кн.: Николукина А. Розанов. Жизнь замечательных людей. М.: Молодая гвардия, 2001. С. 386.
 5. Николукин А. Розанов. Жизнь замечательных людей... С. 386.
 6. Вехи. Из глубины. М.: Правда, 1991. С. 212.
 7. Бердяев Н. Судьба России. М.: Советский писатель, 1990. С. 361.
 8. Цит. по кн.: Косое Е. Быть русским. М.: Зебра Е, 2005. С. 14.
 9. Цит. по кн.: Струве П. Б. PATRIOTICA. Политика, культура, религия, социализм. М.: Республика, 1997. С. 67.
 10. См. в кн.: Ильин И. А. О воспитании национальной элиты... С. 395.
 11. Бердяев Н. А. Судьба России... С. 318.
 12. Ильин И. А. О воспитании национальной элиты... С. 404-405.
 13. Собрание мыслей Достоевского. М.: Звонница-МГ, 2003. С. 227.
 14. Косое Е. Быть русским... С. 15.
 15. Бердяев Н. А. Судьба России... С. 314.
 16. Бурдах К. Реформация. Ренессанс. Гуманизм. М., 2004. С. 87.
 17. Сурков В. Параграфы про суверенную демократию // Эксперт, 26.11.2006.
 18. Сурков В. Тексты 97-07. М.: Европа, 2008. С. 62.
 19. Особый русский путь или новое пораженчество? // Вестник аналитики. 2008. №2 (32). С. 194.
 20. МестрЖ. де. Рассуждения о Франции. М., 1997. С. 88.
 21. Бердяев Н. А. Смысл истории. Новое Средневековье. М.: КАНОН, 2002. С. 291. 277
- Литература*
22. Бердяев Н. А. Судьба России... С. 15.
 23. Собрание мыслей Достоевского... С. 227.
 24. Там же. С. 235.
 25. Ильин И. А. О воспитании национальной элиты... С. 398.
 26. Там же. С. 407.
 27. Франк С. П. Русское мировоззрение. СПб.: Наука, 1996. С. 518-519.
 28. Там же. С. 284.
 29. Собрание мыслей Достоевского... 2003. С. 201.
 30. Тихомиров Л. А. Христианство и политика. Алар, 2002. С. 162-163.
 31. Достоевский Ф. М. Собр. соч. М.: Художественная литература, 1958. Т. 10. С. 446.
 32. Гоголь Н. В. Выбранные места из переписки с друзьями (1847) // Собр. соч. в 7-ми томах. М.: Художественная литература, 1978. Т. 6. С. 25.
 33. Струве П. Б. PATRIOTICA... С. 66.
 34. Ильин И. А. О воспитании национальной элиты... С. 401-402.
 35. Струве П. Б. PATRIOTICA... С. 76.
 36. Библия. Новый Завет. Римл. IX, 1-4.
 37. Ильин И. А. Основная задача грядущей России. 20 февраля 1950 // Собр. соч. В 10-ти томах. М.: Русская книга, 1993. Т. 2. Кн. 1. С. 272.
 38. Бердяев Н. А. Судьба России... С. 11.
 39. Ильин И. А. О воспитании национальной элиты... С. 418.
 40. Бердяев Н. А. Судьба России... С. 11.
 41. Франк С. П. Русское мировоззрение... С. 124.

42. Деникин А. И. Очерки русской смуты. М.: Айрис-Пресс, 2003. С. 105.
43. Там же. С. 106.
44. Там же. С. 105.
45. Бердяев Н.А. Русская идея. М., 2002. С. 25.
46. Франк С. П. Русское мировоззрение... С. 518.
47. Тихомиров Л. А. Христианство и политика... С. 184.
48. Там же. С. 184.
49. Гиппиус Р. Петербургские дневники. 1914-1919. Нью-Йорк. М., 1990. С. 243.
50. Бердяев Н. А. Русская идея... СИ.

278

Литература

51. Цит. по кн.: Николюкин А. Розанов... С. 386.
 52. Цит. по кн.: Милуков П. Н. Национальный вопрос (Происхождение национальности и национальные вопросы в России). М.: Наука, 2005. С. 4.
 53. Там же. С. 5.
 54. Шмелев И. Душа Родины. Издание русского национального института. Париж, 1967. С. 5.
 55. Цит. по кн.: Русская идея. М.: Молодая гвардия, 1992. С. 364-365.
 56. Франк С. П. Русское мировоззрение... С. 141.
 57. Ильин И. А. Собр. соч. в 10-ти томах. М.: Русская книга, 1993. Т. 2. Кн.1. С. 129.
 58. Там же. С. 187.
 59. См. об этом: Агурский М. Идеология национал-большевизма. М.: Алгоритм, 2003. С. 207.
 60. Агурский М. Идеология национал-большевизма... С. 207.
 61. Франк С. П. Русское мировоззрение... С. 138.
 62. Тихомиров Л. А. Христианство и политика... С. 167.
 63. См.: Чалмаев В. Неизбежность // К не нашим. Приложение к журналу „Новая книга России". М., 2006. С. 47.
 64. См.: Водолазов Г. Идеалы и идолы. М.: Культурная революция, 2006. С. 24.
 65. Цит. по кн.: Агурский М. Идеология национал-большевизма... С. 151.
 66. См.: Чалмаев В. К не нашим... С. 40.
 67. Там же. С. 27.
 68. Там же. С. 33.
 69. Бердяев Н.А. Духи русской революции... С. 270.
 70. Леонтьев К. Избранные статьи. Цветущая сложность. М.: Молодая гвардия, 1992. С. 108.
 71. Киреевский И. В., Киреевский П. В. Полное собр. соч. в 4-х томах. Калуга, 2006. Т. 1. С. 30.
 72. Леонтьев К. Избранные статьи. Цветущая сложность... С. 298.
 73. Там же. С. 296.
 74. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М.: Алгоритм. 2003. С. 427.
 75. Там же. С. 192.
- 279
- #### Литература
76. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М.: Алгоритм. 2003. С. 184.
 77. См.: Литературная газета. 06.05.1987.
 78. Леонтьев К. Избранные статьи. Цветущая сложность... С. 57.
 79. См.: Литературная газета, 06.05.1987.
 80. Там же.
 81. Там же.
 82. Леонтьев К. Избранные статьи. Цветущая сложность... С. 298.

83. *Франк С. П.* Русское мировоззрение. СПб.: Наука, 1996. С. 518.
84. *Леонтьев К.* Избранные статьи. Цветущая сложность... С. 41.
85. Там же. С. 57.
86. *Ильин И. А.* Наши задачи // Собр. соч. в НИП томах. Т. 2. Кн. 1. С. 127.
87. *Франк С. П.* Русское мировоззрение... С. 519.
88. *Струве П. Б.* PATRIOTICA... С. 64.
89. Там же. С. 56.
90. См.: *Данилевский Н.Я.* Россия и Европа... С.218.
91. *Струве П. Б.* PATRIOTICA... С. 55.
92. *Франк С. П.* Русское мировоззрение... С. 513.
93. *Струве П. Б.* PATRIOTICA... С. 74.
94. Там же. С. 117.
95. Там же. С. 75.
96. Там же. С. 75.
97. См.: *Бердяев Н.А.* Судьба России... С. 102-103.
98. Там же. С. 103.
99. *Ильин И. А.* О воспитании национальной элиты... С. 417.
100. Там же. С. 418.
101. Там же. С. 426.
102. Там же. С. 411.
103. Там же. С. 395.
104. См.: *Бердяев Н. А.* Судьба России... С. 95.
105. *Ильин И. А.* О воспитании национальной элиты... С. 411.
106. Там же. С. 411.
107. *Леонтьев К.* Избранные статьи. Цветущая сложность... С. 98.
108. *Струве П. Б.* PATRIOTICA... С. 67.

280

Литература

109. *Струве П. Б.* PATRIOTICA... С. 68.
110. *Ильин И. А.* Собр. соч. Т. 2. Кн. 1... С. 39.
111. *Бердяев И. А.* Смысл истории... С. 203.
112. *Леонтьев К.* Избранные статьи. Цветущая сложность... С. 246.
113. Там же. С. 246.
114. *Струве П. Б.* Исторический смысл русской революции... С.464-465.
115. *Ильин И. А.* Собр. соч. Т. 2. Кн. 1... С. 39.
116. *Франк С.П.* Русское мировоззрение... С.492.
117. *Струве П. Б.* PATRIOTICA... С. 55.
118. *Ильин И.А.* О воспитании национальной элиты... С.411.
119. Там же.
120. *Медведев Д. А.* Послание Федеральному Собранию 5 ноября 2008 года.
121. *Струве П. Б.* Интеллигенция и революция // Вехи. Из глубины... С. 161.
122. Там же. С. 161.
123. Там же. С. 112.
124. Там же. С. 485-486.
125. Там же. С. 316.
126. Там же. С. 419.
127. Там же. С. 479.
128. *Ильин И. А.* Собр. соч. Т. 2. Кн. 1... С. 216.
129. *Бердяев И. А.* Смысл истории... С. 274.
130. Там же. С. 263.
131. Там же. С. 250.
132. Там же. С. 270.

133. Там же. С. 265.
134. *Аскольдов С. А.* Религиозный смысл русской революции // Вехи. Из глубины... С. 226.
135. Там же. С. 226.
136. Там же. С. 242.
137. Вехи. Из глубины... С. 259.
138. *Бердяев И. А.* Смысл истории... С. 275.
139. Там же. С. 274.

281

Литература

140. *Ильин И. А.* Собр. соч. Т. 2. Кн. 2... С. 134.
141. Там же. С. 134-135.
142. См.: *Перевезенцев С. В.* Русский выбор: Очерки национального самосознания. М.: Русскш Мирь, 2007. С. 141-142.
143. *Меньшиков М. О.* Письма к русской нации. М.: Изд-во ж. „Москва“, 2005. С. 259.
144. Там же. С. 259-260.
145. *Струве П. Б.* Исторический смысл русской революции..... С. 476.
146. *Бердяев Н. А.* Смысл истории... С. 282.
147. Там же. С. 279-280.
148. *Ильин И. А.* Собр. соч. Т. 2. Кн. 1... С. 437.
149. Там же. С. 437.
150. Там же. С. 14.
151. Там же. С. 129.
152. Там же. С. 127.
153. Там же. С. 128.
154. *Струве П. Б.* Исторический смысл русской революции... С. 476.
155. *Ильин И. А.* Собр. соч. Т. 2. Кн. 1... С. 156.
156. *Путин В. В.* Россия на рубеже тысячелетий // НГ, 31.12.1999.
157. Там же.
158. *Чадаев А.* Путин. Его идеология. М.: Европа, 2006 г.
159. Русская доктрина. Проект „Россия“. М.: Яуза-пресс, 2008. С. 831.
160. См.: Крепость „Россия“ / Под ред. М.Леонтьева, А.Невзорова. М.: Яуза-пресс, 2008. С. 74.
161. Там же. С. 57.
162. Там же. С. 57.
163. *Франк С. П.* Русское мировоззрение... С. 141.
164. *Андреева П.* Не могу поступиться принципами // Сов. Россия. 18.03.1988.
165. *Юрьев М.* Крепость Россия // Крепость „Россия“... С. 57.
166. *Сурков В.* Тексты 97-07... С. 50.
167. *Данилевский Н.* Россия и Европа... С. 192.
168. *Ильин И. А.* Собр. соч. Т. 2. Кн. 1... С. 41.
169. *Энгельгардт Н.* Из деревни. 12 писем. 1872-1887. М.: Мысль, 1987. С. 22-23.

282

Литература

170. *Энгельгардт Н.* Из деревни. 12 писем. 1872-1887. М.: Мысль, 1987. С. 22.
171. *Ильин И. А.* О воспитании национальной элиты... С. 416.
172. Там же. С. 467.
173. Там же. С. 445.
174. См. об этом: *Агурский М.* Идеология национал-большевизма... С.145-155.
175. *Федотов Г. П.* Судьба и грехи России. М.: Дарь, 2005. С. 227.
176. Там же. С. 240.

177. *Бердяев Н. А.* Смысл истории... С. 300.
178. Там же. С. 278.
179. *Ильин И. А.* Кризис безбожия. М.: Даръ, 2005. С. 145.
180. *Алексеев Н.* Русский народ и государство. М.: АГРАФ, 2003. С. 288-289.
181. *Бердяев Н. А.* Смысл истории... С. 278.
182. Там же. С. 267.